

ISSN 1813-6230

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**2021
№ 4 (66)**

**LENINGRAD
LEGAL JOURNAL**

**2021
No 4 (66)**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021 № 4 (66)

**Журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается
с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия

А. Г. Маклаков	доктор психологических наук, профессор (главный редактор)
Р. А. Ромашов	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
О. В. Виноградов	кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь)
Н. В. Бугель	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Емельянов	доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)
М. Ю. Павлик	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. Г. Павлов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
К. А. Черкасов	доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С. А. Роганов	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
М. В. Рыбкина	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Е. В. Силина	доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О. Э. Старовойтова	доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
И. С. Кокорин	кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С. Б. Глушаченко	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Егоров	доктор юридических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь)
В. П. Очередыко	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В. Ф. Попондопуло	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
М. Прохазка	PhD (г. Ческе-Будеёвице, Чехия)
В. М. Сырых	доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Б. Шубников	доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Тел. +7(812) 470-56-74
<http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

**LENINGRAD
LEGAL
JOURNAL**

**2021
No 4 (66)**

**The journal is included into
The List of reviewed academic journals and periodicals
recommended for publishing
in corresponding series basic research thesis results
for a PhD Candidate or Doctorate Degree**

The certificate
of the mass media registration
ПМ № ФС77-69774 от May 18, 2017

**The journal is issued
since 2004
Quarterly, 4 issues per year**

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board

A. G. Maklakov	Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Chief editor
R. A. Romashov	Dr. Sci. (Ped.), Professor, Deputy Chief editor
O. V. Vinogradov	Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Executive editor
N. V. Bugel'	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
A. S. Emelyanov	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)
M. Yu. Pavlik	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. G. Pavlov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
K. V. Cherkasov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
S. A. Roganov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
M. V. Rybkina	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
E. V. Silina	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)
O. E. Starovoitova	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)
I. S. Kokorin	Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
S. B. Glushachenko	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
A. V. Egorov	Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)
V. P. Ochered'ko	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
V. F. Popondopulo	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)
M. Prokhazka	PhD (České Budějovice, Czech Republic)
V. M. Syrykh	Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)
Yu. B. Shubnikov	Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 470-56-74
<http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

К вопросу о конституционной сущности «Основных государственных законов» Российской империи 1906 г.	8
<i>Р. Д. Артамонов, Н. Г. Дашкевич, А. А. Подгорный</i>	
Проблемы понимания цифрового права (digital law) и цифрового государства (digital state) в современной юридической литературе	21
<i>А. А. Вересов, М. В. Мисюрёв</i>	
Конституция Н.Н. Новосильцова (1818 г.) и проблема ограничения самодержавия	35
<i>А. В. Гоголевский</i>	
Национальный вопрос в конституционном проекте переустройства СССР А.Д. Сахарова: сравнительный анализ с доктриной Конституции СССР 1936 г.	45
<i>Ю. С. Ковтун</i>	
Действие права как проявление социальной энергии: гипотеза об аналогии.....	58
<i>М. Н. Пригон</i>	
Понимание государства в политических учениях Древнего мира: от культуры храма к культуре полиса.....	70
<i>Р. А. Ромашов, В. А. Ковалев</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Экспериментальные правовые режимы как фактор цифровой трансформации инновационной предпринимательской среды	86
<i>И. В. Бородушко</i>	
Способы обеспечения исполнения обязательств по концессионному соглашению на примере Краснодарского края	99
<i>Л. А. Сухомлинова, Н. В. Бобракова, А. С. Плетиков</i>	

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Управляющая функция методологии судебной экспертизы как одна из основ легитимности заключения о результатах экспертизы в гражданском судопроизводстве	114
<i>И. В. Юдин</i>	

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Информатизация образования в современных условиях: проблемы теории и практики	126
<i>А. Ю. Свистунов, Ю. А. Свистунов</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Современное состояние предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, как основание для совершенствования уголовного законодательства	138
<i>Г. Ю. Сокольский</i>	

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Надзорная роль органов прокуратуры Санкт-Петербурга в защите прав пенсионеров-должников в исполнительном производстве	152
<i>И. Л. Саманба</i>	

Contents

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

On the Question of the Constitutional Essence of the Basic State Laws of the Russian Empire in 1906.....	8
<i>Roman D. Artamonov, Nikita G. Dashkevich, Alexander A. Podgorny</i>	
Problems of understanding digital law and the digital state in modern legal literature.....	21
<i>Alexey A. Veresov, Mikhail V. Misuyrev</i>	
Constitution of N.N. Novosiltsov (1818) and the problem of limiting autocracy.....	35
<i>Aleksandr V. Gogolevskii</i>	
The national question in the constitutional project of the reorganization of the USSR by A.D. Sakharov: a comparative analysis with the doctrine of the USSR Constitution of 1936.....	45
<i>Yulia S. Kovtun</i>	
Action of law as demonstration of social energy: hypothesis about analogy	58
<i>Maksim N. Prigon</i>	
Idea of the State in political thoughts of the Ancient World: culture evolution from the temple to the polis	70
<i>Roman A. Romashov, Victor A. Kovalev</i>	

CIVIL LAW

Experimental legal regimes as a factor of the digital transformation of the innovative environment	86
<i>Irina V. Borodushko</i>	
Ways to ensure the fulfillment of obligations according to the concession agreement on the example of Krasnodar region	99
<i>Ludmila A. Suhomlinova, Natalya V. Bobrakova, Andrey S. Pletikov</i>	

CIVIL PROCESS, ARBITRATION PROCESS

The managing function of the forensic examination methodology as one of the foundations of the legitimacy of the conclusion on the results of the examination in civil proceedings	114
<i>Igor V. Iudin</i>	

INFORMATION LAW

Informatization of education in modern conditions: problems of theory and practice	126
<i>Aleksey Yu. Svistunov, Yuri A. Svistunov</i>	

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

The current state of the subject of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation as a basis for improving criminal legislation	138
<i>Georgy Yu. Sokolsky</i>	

JUDICIAL, PROSECUTORIAL, HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Supervisory role of the Prosecutor's Office of the city of St. Petersburg in the protection of the rights of retired debtors in enforcement proceedings.....	152
<i>Ivan L. Samanba</i>	

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Статья / Article

УДК / UDC 342 (47) «1906»

DOI 10.35231/18136230_2021_4_8

К вопросу о конституционной сущности «Основных государственных законов» Российской империи 1906 г.

Р. Д. Артамонов¹, Н. Г. Дашкевич¹, А. А. Подгорный²

*¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*²Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы № 15 по Санкт-Петербургу
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье исследуются некоторые ключевые аспекты принятия Основных государственных законов 23 апреля 1906 г., их последующего влияния на эволюцию системы государственной власти в Российской империи.

Рассмотрен вопрос правовой ценности и конституционных начал, обозначенных в Основных государственных законах. Прослежено противоречивое отношение представителей политической элите к созданию нового органа – Государственной думы, вследствие того, что появление данного органа стало неблагоприятным нововведением для правящего класса.

По итогам исследования делается вывод о возможности рассмотрения Основных государственных законов как конституционного акта, однако вопрос дискуссионен.

Ключевые слова: правительственный конституционализм, Первая Государственная дума, Манифест от 17 октября 1905, Основные государственные законы Российской Империи.

Для цитирования: Артамонов Р.Д., Дашкевич Н.Г., Подгорный А.А. Законодательные проекты «Основных государственных законов» Российской империи 1906 г. // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 8–20. DOI 10.35231/18136230_2021_4_8

On the Question of the Constitutional Essence of the Basic State Laws of the Russian Empire in 1906

**Roman D. Artamonov¹, Nikita G. Dashkevich¹,
Alexander A. Podgorny²**

*¹Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

*²Interdistrict Inspection of the Federal Tax Service No. 15 in St. Petersburg
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article is devoted to the study of some key aspects of the adoption of the Main state Laws on April 23, 1906, and their subsequent impact on the evolution of the system of state power in the Russian Empire.

The issue of legal value and constitutional principles outlined in the Main state laws is considered. The contradictory attitude of representatives of the political elite to the creation of a new body, the State Duma, is traced, due to the fact that the appearance of this body was an unfavorable innovation for the ruling class.

Based on the results of the study, it is concluded that the Main state laws can be considered as a constitutional act, but the issue is debatable.

Key words: governmental constitutionalism, the First State Duma, Manifesto of October 17, 1905, the Basic state laws of the Russian Empire.

For citation: Artamonov, R.D., Dashkevich, N.G., Podgorny, A.A. (2021). K voprosu o konstitucionnoj sushchnosti "Osnovnyh gosudarstvennyh zakonov" Rossijskoj imperii 1906 g. [Legislative drafts of the main State laws of the Russian Empire in 1906]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 8–20. DOI 10.35231/18136230_2021_4_8 (In Russian).

Введение

«Основные государственные законы» Российской империи 23 апреля 1906 г., несомненно, являются значимым нормативным правовым актом в системе законодательства, изучение их роли и влияния на российское общество в рамках правового регулирования остается актуальным и востребованным с научной точки зрения. Историографию вопроса охватывают многочисленные исследования известных историков и юристов как дореволюционного периода, советского, так и постсоветского, в частности таких, как Ананьич Б.В., Ерошкин Н.П., Федяшин В.П., Леонтович В.В., Котляревский С.А., Казанский П.Е., Кочетков В.В., Дубенцов Б.Б., Кравец И.А., Баев В.Г., Пустовалов А.Р., Немытина М.В., Юртаева Е.А., Гоголевский А.В., Мамитова Н.В., Пуздрач Ю.В., Ромашов Р.А., Немытина М.В.

Отечественное законодательство того времени имело неопределенный характер, хотя наблюдается отчётливое стремление к его демократизации. Нормативные правовые акты 1905–1906 гг. обоснованно именовать «предшественниками» развития конституционализма в Российской империи. Очевидно, на тот период невозможно было охватить весь перечень вопросов, которые в современной отечественной науке касаются конституционного урегулирования, но в них смогли отразиться большинство главных норм государственного и общественного регулирования.

Вследствие революционных потрясений 1905 г. политическая обстановка требовала изменений в правовой системе Российской империи. Понимание этого было как у императора Николая II, так и у его ближайшего окружения. В рамках реализации положений Манифеста от 17 октября 1905 г. требовался коренной пересмотр правового регулирования в сфере государственного механизма. Принятие Основных законов 1906 г., их содержание и сущность рьяно обсуждались в ходе рассмотрения соответствующих проектов, поскольку решался ключевой вопрос о государственной власти. При этом, как подчёркивал В.И. Ленин: «классовая природа русской государственной власти потерпела серьёзное изменение после 1905 года... она остаётся старой, и сумма политических противоречий от этого увеличивается» [10, с. 196]. Несмотря на это, многие исследователи полагают, что изначально создание Государственной думы и ее функционирование в рамках Основных законов стало фундаментальной составляющей при формировании в России либерализма, поскольку Дума: «...потенциально открывала путь парламентским правовым реформам, что было давним политическим идеалом отечественных либералов...» [2, с. 106, 3, с. 209].

Основная часть

В ходе первой русской революции краеугольным камнем стал вопрос о создании Государственной думы и наделении ее законодательными полномочиями. По итогу принятия Манифеста 17 октября 1905 г. царь, учитывая интересы общественности, предоставил такую возможность. При этом актуальным стал аспект правовой регламентации взаимоотношений Государственной думы и царя, а также их статуса – требовалось принять акт, который урегулировал бы данный вопрос. Таким актом стали «Основные государственные законы» Российской империи.

Стоит отметить, что «предшественником» Основных законов был Свод Основных законов Российской империи 1832 г., который, по мнению Г.Е. Владимировой, имел идеологическое и политическое значение в укреплении законных оснований легализации государственной власти страны и ее легитимации в обществе¹, а также, как верно выразился М.П. Клобуцкий: «Основные законы Российской империи определяют порядок. Как Верховная власть действует в законодательстве и управлении»². Такая же «миссия» должна была быть выполнена и Основными законами 1906 г.

Политическая стремительность власти в принятии «Основных государственных законов»

Стоит отметить, что в ходе рассмотрения проектов Основных законов предполагалось, что они будут обладать высшей юридической силой в системе российского законодательства, вследствие чего вопрос сроков и времени их принятия, а также содержания, имел важный политический аспект.

Б.В. Ананьич справедливо говорит: «Одна из причин опередить созыв Думы принятием Основных законов состоит в том, чтобы лишить ее возможности их рассмотрения. Вторая причина – в Основные законы включились положения из учреждения Государственной Думы и Государственного Совета с тем, чтобы возможность их пересмотра зависела от инициативы царя» [1, с. 284]. Исследователь выделяет три обстоятельства:

- срочность издания Основных законов;
- невозможности отсрочки их исполнения;
- включить в Основные законы по максимуму все необходимое.

В свою очередь, Р.Ш. Ганелин считает, что с точки зрения конституционалистской перспективы введение ограничений власти государя-императора стало фундаментом для возрастания политического

¹ Владимирова Г.В. Основные государственные законы Российской империи 1832–1892 гг. в определении основ государственного строя в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 10.

² Клобуцкий М.П. Исследование главных положений основных законов Российской империи в историческом их развитии: Рассуждение, напис. исправляющим должность адъюнкта по Юрид. фак. Михаилом Клобуцким на степ. магистра юрид. наук. Харьков: Унив. тип., 1839. С. 13.

противостояния между консервативными сподвижниками царя и сторонниками либерализма в рамках дальнейшего преобразования государства [5, с. 230]. Нельзя не согласиться с вышеобозначенным мнением, поскольку политические метаморфозы 1905–1906 гг. вели российское общество к качественно новой форме государства – парламентской монархии, когда в России впервые, начиная с времён Петра 1, происходит сдерживание власти царя. Буржуазное развитие общественных отношений в мире приводит к конфликту между властью и народом, так как царь и его политическое окружение все меньше и меньше выражали интересы населения. Вследствие чего Основные законы носили на себе явные следы вынужденности тех преобразований, на которых революция заставляла идти царское правительство [1, с. 297].

Таким образом, понимая их значимость в глазах общественности и юридическую силу, представители высших кругов власти стремились к легально обозначить приоритет императора над представительными органами, лишив их возможности в пересмотре «Основных государственных законов».

Стоит отметить, если рассматривать Основные законы как Конституцию, то ее можно назвать дарованной (октроированной), в соответствии с которой самодержец, руководствуясь «высочайшей милости», делегировал определенное количество своих прав народному собранию, будущему представительному органу. Однако, как известно из теории государства и права правовые свойства Конституции (Основного закона) не зависят от способа её принятия. Отметим, что с точки зрения юридической техники «Конституция 1906 г.» – это достаточно весомый, фундаментальный нормативно-правовой акт, который мог быть изменен лишь в предусмотренном законом порядке (император не мог использовать Основные законы в своих интересах, т. е. без согласования с Государственной думой).

При этом, как замечает А.В. Гоголевский, представители высшей политической элиты с принятием Манифеста 1905 г. стали осознавать неизбежность направления российского государственного строя в сторону новой формы – парламентской монархии, что собственно и показало Соевещание 7–11 апреля 1906 г., созванное для рассмотрения проектов Основных законов [6, с. 42].

Место Государственной думы в системе государственной власти

В ходе подготовки «Основных государственных законов» Российской империи среди представителей политической элиты страны велась дискуссия по вопросам юридического закрепления правового статуса как Государственной думы, так и его величества императора. В частности, «Основные государственные законы» подтверждали непоколебимость монархии. «Императору всероссийскому, – гласила ст. 4, – принадлежит верховная самодержавная власть, ... повиноваться власти его не только на страх, но и на совесть сам бог повелевает»¹.

В соответствии с мнением исследователей, в Российской империи, как и в большинстве стран того времени, имело место неспешное расширение полномочий представительной власти в рамках законодательства [7, с. 23]. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» излагал: «Установление, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог применить силу, когда Государственная дума не одобрила...»². В литературных источниках может встретиться точка зрения, что данным манифестом ограничены права монарха в сфере законодательства. Это неверно. Манифест представлял собой декларацию, в которой прописаны намерения самодержавного правительства. Был поднят вопрос о том, захочет ли правительство исполнять каждое обещание. Некоторые политические деятели считали, что установление революционного строя в государстве – самый результативный способ показать влияние на власть, чтобы как можно скорее продвинуться в направлении, провозглашенном в данном акте.

20 февраля 1906 г. принято большое число нормативных документов, которые касались Государственной думы и Государственного совета. Манифест 17 октября 1905 г. про государственный совет не содержал ни слова. При этом 20 февраля был расформирован Госсовет, который смог занять равнозначное место с Госдумой.

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. 1905. Отделение I. № 27805.

² Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150–151.

Стоит обратить внимание на гл. 9 Основных законов, в которой говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государем Императором».

Не менее важное место занимали положения ст. 87 «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г., наделившая императора возможностью в случае прекращения заседаний нового законодательного органа принимать равные по юридической силе законам – чрезвычайные указы. Также государь мог устанавливать сроки рабочих сессий Думы и продолжительность перерывов между ними.

Помимо этого, при рассмотрении порядка функционирования Государственной думы, который обозначен в Основных законах, можно сделать вывод о несовершенстве некоторых статей с точки зрения точности и ясности написанного. В частности, еще раз повторимся, наблюдается отсутствие определения и порядка проведения сессии – «Продолжительность ежегодных занятий Государственного Совета и Государственной Думы и сроки перерыва их занятий в течение года определяются указами Государя Императора». Иначе говоря, де-юре организация деятельности рассматриваемого законодательного органа на предмет проведения заседаний их сроков зависела сугубо от воли монарха, что потенциально влекло за собой возможные метаморфозы в работе Государственной думы в зависимости от политической конъюнктуры и пожеланий императора. Стоит отметить, что не был регламентирован порядок прекращения деятельности Думы по итогам истечения срока ее работы. Однако справедливости ради заметим, что внедрение качественного нового органа в систему государственной и политической власти в стране было по своей сути «революционным» событием и первым опытом создания органа законодательной власти в Российской империи, поэтому проработать все технические аспекты и нюансы деятельности Думы не представилось возможным.

Каждое существенное изменение в государственном укладе России, зафиксированное в документах 1905 – начала 1906 г., смогло найти отображение внутри новой версии «Основных государственных законов» 23 апреля 1906 г. К тому же, в данном акте, обладавшем конституционным значением, было место для положения о том, что инициировать его пересмотр может только сам императора. Таким образом, у депутатов

Государственной думы пропадала возможность правовым путем поменять способ правления. Как раз по данному обстоятельству главные государственные документы в новом исполнении приняты перед открытием заседаний I Думы, состоявшимся 27 апреля 1906 г.

Подводя итоги вышесказанному, обозначим, что Основные законы официально и формально-юридически определяли порядок взаимоотношений и взаимодействия законодательных и исполнительных органов государственной власти России [8, с. 259], что существенным образом повышало значимость принятого законодательного документа и показывало его фундаментальный и основополагающий характер в рамках государственных преобразований, а именно создание нового органа власти – Государственной думы.

Естественно, в ходе реализации положений Основных законов были выявлены недостатки и пробелы в законодательстве, но по существу вопроса наблюдалась тенденция на обновление политической жизни в государстве, к которой многие представители высших кругов относились неодобрительно или скептически, но при этом вынуждены были согласиться с демократизацией общества.

Политико-правовая ценность «Основных государственных законов» Российской империи

Аксиологическая составляющая Основных законов 1906 г. состоит в том, что формально-юридически были закреплены вопросы государственного значения: обозначены элементы формы государства (форма правления, а также форма государственно-территориального устройства страны). Отметим, что при этом рассматриваемый нормативный правовой акт содержал основные свойства государства и его ключевые принципы: официальный язык, гражданские права и свободы подданных (при сохранении сословности общества), верховенство и суверенитет власти, порядок и систему законодательства, функционал государственных органов власти и др., т. е. носил декларативный характер, закрепляя фундаментальные правовые начала существования государства. В этом плане смысловая нагрузка и внутренняя суть данного правового акта напоминает тезисы конституции и отличает его от прочих законодательных актов.

Повторимся, что нетипичная форма принятия Основных законов и возможность внесения в них изменений в последующем, также ставили данный акт выше других. Создание Государственной думы и существование Государственного совета Российской империи при власти императора имело отчасти противоречивый характер, вследствие того, что произошло внедрение демократических институтов народного представительства при существовании уже имеющихся институтов власти самодержца. Такой политический симбиоз был весьма любопытным явлением в начале XX в.

При этом В. В. Леонтович, говоря о сути либеральных изменений в начале XX в., считает: «...Манифест 17 октября 1905 г. – переход к конституционному строю», «...новые Основные законы – это дуалистическая непарламентская конституция», которая разделила власть на три всем известные ветви [11, с. 457]. С этим соглашаются и другие авторы, полагая, что по итогам преобразований Россия стала дуалистической конституционной монархией, где вопрос о подготовке и принятии законодательных актов находился в компетенции государя-императора, Государственного совета и созданной Государственной думы. В свою очередь исполнительная власть была в руках царя и правительства, которое было перед ним ответственно, а судебная власть находилась под контролем Правительствующего сената¹. М.И. Шефтель считает: «Права русских правительственных учреждений не отличались существенным образом от тех, которыми пользовались народные представительства во всех конституционных государствах» [13, с. 262]. Из этого можно сделать вывод о постепенном возникновении системы разделения властей в Российском государстве, но пока на исследуемой ступени исторического развития отечественного государства и права вся власть в итоге замыкалась на царе, который, как самодержец, имел, как известно, достаточно большое количество полномочий.

Несомненно, Основные законы 1906 г. внесли изменения в государственный механизм Российской империи, однако, по мнению С.Ю. Витте, «Консервативная конституция и без парламентаризма» просуществовала меньше двух лет – до 3 июня 1907 г., когда его политический оппонент П. А. Столыпин обернул ее в «лжеконституцию», поскольку Государствен-

¹ История государственного управления России: учеб. / отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 608 с.

ная дума реального рычага народного давления на власть стала «пародией, карикатурой на него» [4, с. 430]. Такого же мнения придерживается и Б.В. Ананьич, заявив о лжеконституционном характере Основных законов [1, с. 286].

Заключение

Принятие «Основных государственных законов» Российской империи стало важным событием в политической и правовой жизни государства, приведшее к ограничению власти монарха. Это закономерное явление, «спусковым крючком» для которого стал Манифест 17 октября 1905 г., на это указывало ближайшее окружение: «Манифестом 17 октября слово "неограниченный" Ваше Императорское Величество вы уже вычеркнули» [2, с. 256]. Последующий созыв и открытие Государственной думы стало мероприятием, к которому вся политическая элита готовилась, но не желала его наступления, поэтому вся церемониальная часть и торжественная обстановка начала работы Думы не была в должной мере положительно принята членами царской фамилии, а наоборот, как сообщают очевидцы, в их глазах это была похоронная процессия по самодержавной власти [9, с. 355–359].

Принятие законов 19 апреля 1906 г. связано с формированием первой Государственной думы, поскольку предшествовавший до ее созыва временный механизм принятия основных законов Российской империи был совершенно иным. Как известно, изменения в основных законах вносились исполнительным высшим указом по предоставлению Государственного совета. После Манифеста 17 октября 1905 г. подобная практика оказалась невыполнимой. По справедливому мнению исследователей, появившийся в правовом поле Российской империи законодательный акт 23 апреля 1906 г. стал одной из попыток мирного преобразования политического строя, однако в конечном итоге не явился фактором, стабилизирующим накалившуюся ситуацию в стране [12, с. 120].

Вследствие этого, процесс формирования конституционализма в рамках прогресса общественных отношений был неизбежным, и власть отчасти это осознавала, пытаясь держать ситуацию под контролем.

Список литературы

1. Ананьич Б.В. Кризис самодержавия в России 1885–1917. Л.: Наука, 1984. 663 с.
2. Аронов Д.В. Думское либеральное законотворчество 1906–1917 гг.: невыученный урок или работа над ошибками // Российский либерализм и Государственная Дума в начале XX века: материалы междунар. науч. конф. XI Муромцевские чтения. Орёл: Орлик, 2019. С. 103–115.
3. Аронов Д.В. Либеральная модель реформирования России начала XX в.: теория и практика // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Астерион, 2019. С. 208–214.
4. Ильин С.В. Витте М.: Молодая гвардия, 2012. 511 с.
5. Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014. 856 с.
6. Гоголевский А.В. Основные законы 23 апреля 1906 года: от самодержавия к конституционной монархии // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2. С. 33–43.
7. Демин В.А. Учреждение Государственной Думы 1906 г.: проблемы и противоречия // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Астерион, 2019. С. 13–24.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
9. Кони А. Ф. Открытие первой Государственной думы // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М., 1966. С. 355–359.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений Т. 17. М.: Политиздат. С. 196.
11. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. Париж: Умса-Press, 1980. 550 с.
12. Самарский А.Н., Жуланов А.В., Стригуненко Ю.В. Основные государственные законы Российской империи как источник конституционализма в начале XX века // Общество и право. 2021. №1 (75). С. 118–123.
13. Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles: Les Editions de la LibrarieEncyclopedique, 1976. 517 p.

References

1. Anan'ich, B.V. (1984). *Krizis samoderzhaviya v Rossii 1885–1917* [Crisis of autocracy in Russia 1885–1917]. Leningrad: Nauka. 663 p. (In Russian)
2. Aronov, D.V. (2019). *Dumskoe liberal'noe zakonotvorchestvo 1906–1917 gg.: nevyuchennyj urok ili rabota nad oshibkami* [Duma liberal lawmaking 1906–1917: an unearthed lesson or work on mistakes]. *Rossijskij liberalizm i Gosudarstvennaya Duma v nachale XX veka* [Russian liberalism and the State Duma at the beginning of the 20th century]. materialy mezhd. nauch. konf. XI Muromcevskie chteniya. Orël: Orlik. pp. 103–115. (In Russian)

3. Aronov, D.V. (2019). *Liberal'naya model' reformirovaniya Rossii nachala XX v.: teoriya i praktika* [Liberal model of reform of Russia at the beginning of the twentieth century: theory and practice]. Tavrisheskie chteniya 2018. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' [Tauric readings 2018. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. materialy mezhd. nauch. konf. St. Petersburg: Asterion. pp. 208–214. (In Russian)
4. Il'in, S.V. (2012). *Vitte* [Witte]. Moscow: Molodaya gvardiya. 511 p. (In Russian)
5. Ganelin, R.SH. (2014). *V Rossii dvadcatogo veka. Stat'i raznyh let* [In Russia of the twentieth century. Articles of different years]. Moscow: Novyj hronograf. 856 p. (In Russian)
6. Gogolevskij, A.V. (2020). *Osnovnye zakony 23 aprelya 1906 goda: ot samodержaviya k konstitucionnoj monarhii* [Basic laws on April 23, 1906: from autocracy to constitutional monarchy]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2. pp. 33–43. (In Russian)
7. Demin, V.A. (2019). *Uchrezhdenie Gosudarstvennoj Dumy 1906 g.: problemy i protivorechiya* [Establishment of the State Duma in 1906: problems and contradictions]. Tavrisheskie chteniya 2018. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' [Tauride readings 2018. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. materialy mezhd. nauch. konf. St. Petersburg: Asterion. pp.13–24. (In Russian)
8. Eroshkin, N.P. (1968). *Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola. 368 p. (In Russian)
9. Koni, A.F. (1966). *Otkrytie pervoj Gosudarstvennoj dumy* [Opening of the first State Duma]. *Sobr. soch.: V 8 t. T. 2*. Moscow. pp. 355–359. (In Russian)
10. Lenin, V.I. (1968) *Polnoe sobranie sochinenij* [The complete works]. T. 17. Moscow: Politizdat. 196 p. (In Russian)
11. Leontovich, V.V. (1980). *Istoriya liberalizma v Rossii 1762–1914* [History of liberalism in Russia 1762–1914]. Paris: Ymca-Press. 550 p. (In Russian)
12. Samarskij, A.N., Zhulanov, A.V., Strigunenkov, YU.V. (2021). *Osnovnye gosudarstvennye zakony Rossijskoj imperii kak istochnik konstitucionalizma v nachale XX veka* [The main state laws of the Russian Empire as a source of constitutionalism at the beginning of the 20th century]. *Obshchestvo i pravo – Society and law*. No 1 (75). pp. 118–123. (In Russian)
13. Szeftel, M. (1976). *The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma Monarchy*. Bruxelles: Les Editions de la LibrarieEncyclopedique. 517 p.

Вклад соавторов

Артамонов Р.Д., Дашкевич Н.Г. и Подгорный А.А. внесли равнозначный вклад в написание статьи. *Артамонов Р.Д.* изучил историографию вопроса, *Дашкевич Н.Г.* проанализировал нормативные правовые акты Российской империи (в частности, Манифест 17 октября 1905 г, Основные государственные законы 1906 г.), *Подгорный А.А.* также изучил работы современных авторов касательно правовой сущности Основных государственных законов 1906 г. В целом, мнения соавторов по актуальным вопросам подготовки принятия и ценности Основных законов совпадают.

Author contributions

Artamonov R.D., Dashkevich N.G. and Podgorny A.A. made an equivalent contribution to the writing of the article *Artamonov R.D.* studied the historiography of the issue, *Dashkevich N.G.* analyzed the normative legal acts of the Russian Empire (in particular, the Manifesto of October 17, 1905, the Basic state Laws of 1906), *Podgorny A.A.* also studied the works of modern authors regarding the legal essence of the Basic state Laws of 1906. In general, the opinions of the co-authors on topical issues of the preparation of the adoption and the value of the Basic Laws coincide.

Об авторах

Артамонов Роман Дмитриевич, ассистент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romario20@bk.ru

Дашкевич Никита Германович, магистрант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

Подгорный Александр Александрович, заместитель начальника, межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы № 15 по Санкт-Петербургу, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: podgornyi.aa@mail.ru

About the authors

Roman D. Artamonov, assistant of the Department of State Law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: romario20@bk.ru

Nikita G. Dashkevich, master's student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

Alexander A. Podgorny, Deputy Head of the Interdistrict Inspection of the Federal Tax Service No. 15 in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: podgornyi.aa@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.11.2021

Received: 11 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 Desember 2021

УДК / UDC 34 : 004

DOI 10.35231/18136230_2021_4_21

Проблемы понимания цифрового права (digital law) и цифрового государства (digital state) в современной юридической литературе

А. А. Вересов, М. В. Мисюрёв

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Понимание государства и права в традиционном их очертании уже формировалось на протяжении нескольких веков благодаря различным теориями происхождения, уже устоявшимся признакам государства и сложившимся правовым системам различных государств. Юридическая наука знает, как первоначально возникло государство, все стадии развития, смены общественного строя и политических систем. С появлением информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которая является составной частью процесса глобализации, открылась новая неизведанная область правового регулирования для юридической науки – виртуальное пространство (киберпространство).

В работе рассматривается сеть Интернет как неопределенная область со своими внутренними локальными источниками правопорядка (сообщества, корпорации, пользователи, интернет-ресурсы), с безграничным пространством и технической независимостью от реального мира, которая формирует такие явления, как цифровое государство (digital state) и соответственно цифровое право (digital law). Обосновывается, что информационно-телекоммуникационная сеть Интернет выступает как пространство существования цифрового государства (digital state) и цифрового права (digital law). Определяется, что цифровое государство (digital state) – это новый тип политико-правового устройства общества, цифровое право (digital law) – новый правопорядок в цифровом государстве. Рассматриваются возможные основания появления цифрового государства, предшественником которого может быть постиндустриальное (информационное) общество.

Таким образом, работа направлена на исследование цифрового государства (digital state) и цифрового права (digital law) как явлений новой реальности с точки зрения науки юриспруденции.

Ключевые слова: цифровое государство, цифровое право, Интернет, правовое регулирование, киберпространство, цифровизация.

Для цитирования: Вересов А.А., Мисюрёв М.В. Проблемы понимания цифрового права (digital law) и цифрового государства (digital state) в современной юридической литературе // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 21–34. DOI 10.35231/18136230_2021_4_21

Problems of understanding digital law and the digital state in modern legal literature

Alexey A. Veresov, Mikhail V. Misuyrev

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The understanding of the state and law in their traditional shape has already been formed over several centuries, thanks to various theories of origin, already well-established features of the state and the existing legal systems of various states. Legal science knows how the state originally arose, all stages of development, changes in the social order and political systems. With the advent of the information and telecommunications network Internet, which is an integral part of the globalization process, a new unexplored area of legal regulation for legal science has opened up – virtual space (cyberspace).

The work considers the Internet as an indefinite area with its own internal local sources of law and order (communities, corporations, users, Internet resources), with unlimited space and technical independence from the real world, which forms such phenomena as a digital state and respectively, digital law. It is substantiated that the information and telecommunication network Internet acts as a space for the existence of digital state and digital law. It is determined that digital state is a new type of political and legal structure of society, as well as digital law is a new legal order in a digital state. Possible grounds for the emergence of a digital state, the predecessor of which may be a post-industrial (information) society, are considered.

Thus, the work is aimed at studying digital state and digital law as phenomena of a new reality from the point of view of the science of jurisprudence.

Key words: digital state, digital law, internet, legal regulation, cyberspace, digitalization.

For citation: Veresov, A.A., Misuyrev, M.V. (2021) Problemy ponimaniya tsifrovogo prava (digital law) i tsifrovogo gosudarstva (digital state) v sovremennoy yuridicheskoy literature [Problems of understanding digital law and the digital state in modern legal literature]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 21–34. DOI 10.35231/18136230_2021_4_21 (In Russian).

Введение

Появление Интернета – глобальной сети, объединившей мир в процессе глобализации, «стерло» межгосударственные границы. Правовые системы государств оказались под угрозой. Участники (субъекты) отношений в сети Интернет посредством создания платформ общения, ведения бизнеса, обмена информацией создали digital state (цифровой порядок), который не подчиняется государствам и на которую невозможно оказать влияние с точки зрения национального права. Государствам остается лишь развивать или интегрировать свою систему права так, чтобы стать полноценным участником цифрового государства (digital state).

Развитие digital state (цифрового государства) и digital law (цифрового права) затронет такие важные процессы, как правотворчество и правореализация. Непосредственно цифровизация затронет аппарат государственного управления.

Вопросы терминологии

Digital state – новое явление в юридической науке. В настоящее время происходит трансформация традиционных представлений о государстве и праве. По мнению В.Ю. Панченко и Р.А. Ромашова: «Итогом этой трансформации являются концептуальное обоснование и практическое воплощение феномена "цифровое государство – digital state". Причем, говоря о "диджитал стейт", следует помнить о том, что английское слово "state", если быть точным, переводится на русский не как "государство", но как "состояние, порядок"» [1, с. 107].

Также Р.А. Ромашов отмечает: «Развитие западноевропейской политической теории в XVI–XVII вв. привело к тому, что *etat, stato, staat, state* постепенно превратились из производных от статуса правителя в самостоятельные категории, нетождественные ни личности правителя, ни его подданным (в том числе подданным осуществляющим управленческие функции и в подобном качестве выступающим в качестве протобюрократии), ни территории определяющей пространственные параметры владения правителя». Именно в это время возникает триада «правление – государственный аппарат управления – общество» [2]. «Образ государства – явление субъективное, формирующееся под воздействием различных исторических факторов. На различных этапах политогенеза государство предстает перед современниками в меняющихся ипостасях

и качественно отличных образах» [3, с. 28]. Эпоха индустриализации обуславливает вытеснение образа государства-домена механистическим представлением о государстве как о state – обезличенном порядке социальной организации и публичной власти, подчиняющемся в своей организации и функционировании закрепленным в законодательных актах правовым технологиям, действие которых аналогично технологиям, управляющим производственными процессами [3, с. 28].

Процесс возникновения цифрового государства (digital state)

Необходимо подчеркнуть, что в капиталистических и социалистических обществах в эпоху индустриализации в сфере управления выросло значение крупных компаний и промышленных организаций, которые обладали актуальными на тот момент технологиями. Э. Тоффлер: «Технократы завладели «средствами интеграции», а отсюда получили бразды правления в сферах социальной, культурной, политической и экономической жизни и в социалистическом СССР (члены партии) и в капиталистическом США (бизнесмены). Руководили обществами второй «волны» интеграторы [4, с. 54]. В данном случае необходимо рассматривать изменения образа государства не в рамках формационного подхода К. Маркса, а в рамках концепции трех волн Э. Тоффлера.

Согласно идеям Э. Тоффлера, известного социолога, футуролога, государство изменяется и эволюционирует благодаря «волнам». Название «волна» используется неслучайно. По мнению Э. Тоффлера, «волна» неравномерна, т. е. покрывает не весь мир, и происходит от событий в истории человечества, например как «промышленная революция», которая свершается в государствах в разные промежутки времени. Первая волна связана с построением «сельскохозяйственной цивилизации» в первую очередь с целью искоренения голода в большинстве стран мира. Вторая волна связана с «промышленной революцией» и внедрением в жизнь человека машин и автоматики. Третья волна, согласно Э. Тоффлеру, происходит уже сейчас в результате появления информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее Интернет) и глобальной информатизации ведущих стран мира. Э. Тоффлер: «Системы Второй волны находятся в кризисе. Кризис проявляется в системе социального обеспечения. Переживает кризис система почтовой связи. Кризис охватил систему образования. Кризис в системах здравоохранения. Кризис в

системах городского хозяйства. Кризис в международной финансовой системе. Кризис в национальном вопросе. Вся система Второй волны в целом пребывает в кризисе» [4, с. 92]. Если вторую волну мы можем наблюдать сейчас в большинстве стран мира на протяжении уже трехсот лет, то третья волна только набирает ход.

У людей накопилось много вопросов и непонимания относительно будущего человечества из-за противостояния политических и общественных сил и соответственно конфликта второй и третьей волны. Представители второй волны породили такие фундаментальные и неоспоримые принципы построения общества и государства, как четкое разграничение пространства в политике, экономике, а также централизация, авторитарность, стандартизация, точность, прямолинейность времени, устойчивая причинно-следственная связь и однозначность дачи ответов на все явления в природе и обществе. Данные принципы организации общества второй волны лишь загнали себя в «тюрьму» отсутствия многообразия, вариативности.

Интернет как основа возникновения цифрового государства (digital state) и цифрового права (digital law)

Появление различных источников средств массовой информации является одним из признаков наступившей третьей волны. Особенно это стало заметно с появлением глобальной сети Интернет. Группы людей, объединённых по различным интересам, или отдельная личность стали источниками СМИ, мнений и идей. Наличие огромного ряда разнообразных источников информации, которые в большинстве своем передают фрагменты противоречивых, нелогично выстроенных данных, дают возможность каждому субъекту третьей волны самостоятельно фильтровать информацию и определять истину. Представитель второй волны будет недоволен такой подачей данных, так как в большинстве своем привык к логично построенной, полной и уже имеющей ответ информации. Интернет как приоритетный на данный момент источник демассификации средств информации порождает противоположные принципы третьей волны по отношению ко второй: децентрализации, отсутствия однозначности и прямолинейности всех процессов.

Согласно выводам Р.А. Ромашова: «Интернет – это наднациональная организация, существующая вне государственной юрисдикции. Общение в сфере Интернет обуславливает необходимость качественной

переоценки целого ряда традиционных представлений о социально-государственном устройстве и нормативно-правовом регулировании. Если современное государство и право основываются на таких незыблемых канонах, как государственный суверенитет, национальное и территориальное единство и обособленность, персонификация и иерархизация государственной бюрократии, то Интернет в своей организации и действии характеризуется качественно отличающимися параметрами» [5, с. 8].

В виртуальном пространстве имеет место вряд ли поддающееся регистрации множество постоянно возникающих и исчезающих правовых систем саморегулирования, в которых субъект, создающий информационный продукт в самом широком смысле (сайт, игра, магазин и т.п.), выступает в роли правотворца и правоприменителя, а пользователи добровольно подпадают под юрисдикцию данного правопорядка путем принятия установленных «правил игры», в силу чего возможным становится сам факт такой виртуальной коммуникации. Следует согласиться с мнением о том, что «существует значительное концептуальное сходство между системой норм, выраженных в виде текстов на естественном языке, и программами, выраженными на языке программирования. По факту каждая программа является сама по себе маленьким «кодексом» для тех, кто пользуется ею». В подобном понимании правовое саморегулирование есть продукт взаимодействия субъектов интернет-отношений, которые, несмотря на различные социально-правовые статусы, равны в своем статусе интернет-пользователей, в комплексе образующих население виртуальной страны с названием Интернет [1, с. 106].

В данном случае мы можем наблюдать саморегулирование в Интернете, где каждый сам создает правила игры, которые каждый должен принять, если хочет участвовать в этих общественных отношениях. Сторонники таких субъектов самоуправления поддерживают созданную Дж. Барлоу¹ «Декларацию независимости киберпространства» [6], в которой данный автор провозглашает интернет-пространство «новой областью чистой свободы», где невозможно и неприемлемо влияние государства на общественные отношения, в которых субъекты сами, без

¹ Джон Перри Барлоу (John Perry Barlow) (1947–2018) – американский поэт, философ и активист Интернета, сооснователь Фонда электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation) (некоммерческой организации, занимающейся защитой гражданских прав и свобод в цифровом мире), автор ряда работ, о свободе Интернета и привлечших внимание многих исследователей своей концепцией развития Интернета

участия властных структур из реального мира, способны самостоятельно заниматься правотворчеством, правоприменением с помощью «Золотого правила».

По мнению ученых-правоведов И.А. Умновой-Конюховой, Д.А. Ловцовой, есть и обратная сторона данному суждению. Надежды Дж. Барлоу на формирование нового «общественного договора», призванного урегулировать разрешение конфликтов в Сети, обеспечить выявление нарушений правил и принятие соответствующих мер реагирования, не оправдались: «неподобающее поведение пользователей и проявления ненависти в Сети провоцируют призывы в адрес крупных онлайн-платформ о выполнении ими функции и судей, и присяжных, и исполнителей своих решений относительно того, какие мнения дозволено высказывать людям в Сети, и хотя сами бизнес-модели этих платформ поощряют неподобающее поведение, крупные компании охотно рапортуют о том, какой объем информации был подвергнут цензуре с их стороны» [7]. По убеждению С. Кон¹: «с одной стороны, следует признать правоту представлений Дж. Барлоу относительно технологических возможностей Сети для самоорганизации пользователей в противостоянии ненадлежащему поведению в киберпространстве, с другой – для создания и поддержания средств обеспечения свободы в Интернете необходимы правовые и политические инструменты, без которых крупные корпорации неизбежно будут обслуживать интересы наиболее могущественных групп в ущерб менее влиятельным» [8, с. 217–218].

Зачатки цифрового государства в современном мире на примере изменений содержания некоторых элементов в государстве: семья, предпринимательская деятельность, государственные механизмы управления, социальное обеспечение

Цифровое государство не могло не коснуться такого института, как налоги. Как известно, Федеральная налоговая служба претерпевает изменения и постоянно уменьшает количество территориальных представительств, перенося их в более крупные областные центры. Это связано с тем, что ФНС цифровизация коснулась еще раньше, чем многие другие ведомства. Налоговые органы максимально сократили необходимость налогоплательщиков лично посещать налоговую.

¹ С. Кон (S. Sohn), исполнительный директор Фонда электронных рубежей – некоммерческой организации, основанной Дж. Барлоу.

Вся отчетность проходит через Интернет. Появившийся сравнительно недавно «сбор на самозанятых» вообще перешел все возможные границы в рамках данной тенденции. Самозанятому гражданину достаточно скачать приложение на телефон, зарегистрироваться в нем, и с этого момента он является налогоплательщиком. Более того, данное приложение является и кассовым аппаратом, который выдает (пересылает) кассовый чек потребителю, а также автоматически рассчитывает сумму налога за налогоплательщика. Самозанятому необходимо только указывать денежные операции в приложении и все. Возможно по такой же модели будет работать почти вся налоговая система (например, множество функций налогового органа перенесены на сайт nalog.ru).

Также у ФНС есть «Автоматизированная информационная система ФНС России (АИС "Налог-3")...», которая представляет собой единую информационную систему ФНС России, обеспечивающую автоматизацию деятельности ФНС России по всем выполняемым функциям, определяемым Положением о Федеральной налоговой службе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506, в том числе прием, обработку, предоставление данных и анализ информации, формирование информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России и предоставления информации внешним потребителям»¹.

Цифровое государство в виде портала Госуслуг вторгается и в сферу социального обеспечения. В условиях пандемии и невозможности гражданам посещать социальные службы и многофункциональные центры были приняты беспрецедентные меры по дистанционному назначению некоторых социальных выплат. Выяснилось, что для предоставления необходимых документов совершенно нет необходимости приносить их лично. Есть все основания полагать, что подобная практика продолжится, и список возможностей в сфере социального обеспечения расширится.

Нельзя не упомянуть и телемедицину, когда в некоторых случаях медицинская консультация может быть оказана посредством видеосвязи или иным дистанционным образом, чтобы легкие случаи можно было ле-

¹ Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный источник]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/gos_inf/4045827/ (дата обращения: 15.11.2021).

чить без посещения поликлиник и очередей, тем самым снижая количество контактов между заболевшими и здоровыми людьми. В этой же сфере есть и другое нововведение, такое как электронный больничный лист.

Трудовые отношения трансформировались более всего, так как огромное количество людей было переведено на дистанционные (удаленные) работы. Впоследствии некоторые так и остались работать удаленно. Для работодателя в этом есть определенные плюсы, так как в этот момент он не отвечает за охрану труда и, по сути, превращает рабочий день в ненормированный, что предполагает конечной целью решение конкретной задачи или объема работы, а не «трудочасы», в течение которых задача могла быть и не решена. Также отпадает необходимость в организации рабочего места.

Для работника тоже есть плюсы, и самый главный – это возможность заняться своим личным тайм-менеджментом. Отпадает необходимость в экстренной ситуации отпрашиваться у работодателя, чтобы, например, отвезти ребенка в поликлинику. Также работники меньше тратят времени на перемещения до работы и обратно, на средства индивидуальной защиты (СИЗ), оплату проезда или бензина, тем самым увеличивая количество свободного времени и снижая количество социальных контактов в общественных местах.

В условиях пандемии важную и неотъемлемую роль в жизни людей заняли интернет-магазины и прочие онлайн-услуги, например доставки товаров. Темпы роста интернет-торговли поражают и увеличиваются с каждым годом. К сожалению, законодатели, видя такую тенденцию, не спешат закрепить нормативно-правовое регулирование указанного вида предпринимательской деятельности.

Таким образом, задача юридической науки на данный момент – разработать цифровое право (digital state), с учетом мнений сторонников идей свободы, и саморегулирование Интернета как пространства существования цифрового государства (digital state) и критиков безграничной свободы, хаоса и возможного появления в данной среде крупных субъектов, обеспеченных всеми техническими инструментами в киберпространстве (корпорации, сообщества, интернет-ресурсы и др.), которые способны взять на себя функции государства в интернет-среде.

Согласно исследованиям Т.Я. Хабриевой: «в структуре информационной сферы есть и такие общественные отношения, которые на данном этапе объективно не могут быть регламентированы правом:

- 1) трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы;
- 2) право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом;
- 3) появится новая нормативная система, которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией» [9].

По мнению В.Д. Зорькина: «в связи с этим возникает ряд фундаментальных задач, связанных с регулированием общественных отношений в условиях цифровой реальности, которые правовой науке необходимо решать. Среди них:

- выявление закономерностей и механизмов воздействия цифровизации на право;
- развитие методологии юридической науки, позволяющей изучать право с позиции соотношения реального и виртуального (например, что такое «цифровая личность» или «виртуальная вещь»);
- изучение природы «циклических правовых массивов», механизма их формирования и влияния на общественные отношения, право и правоприменительную практику;
- разработка моделей правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий; разработка стратегии, тактики и юридического инструментария управления цифровыми трансформациями;
- появление новых нормативных комплексов в системе социальных норм наряду с уже существующими (моралью, религией, правом); создание концепции опережающего отражения в праве общественных отношений в сферах, сопряженных с использованием цифровых технологий;
- «оцифровка» юридических технологий, применяемых в правотворчестве, правовом мониторинге, юридическом прогнозировании, юридическом моделировании, экспертизе проектов нормативных правовых актов и др.» [10, с. 101].

Заключение

Таким образом, необходимо сделать несколько выводов относительно проведенного исследования в данной статье:

1. Термин «state» означает порядок, состояние, в сочетании со словом digital это означает цифровой порядок, который возникает в виртуальной сети Интернет. Нельзя смешивать термин «цифровое государство» и государство в его классическом понимании. Цифровое государство – это состояние в виртуальной реальности, где существуют отношения, в которых участвует специфичный набор элементов, которые равны между собой и самостоятельно осуществляют нормотворчество (например, создание локальных норм), правоприменение (выполнение всех принятых правил и норм внутри интернет-ресурса) и судопроизводство (бан – запрет пользователю на использование данного ресурса (на определенное время или навсегда)). В цифровом государстве не существует:

- границ;
- публичной власти;
- единой правовой и финансовой системы;
- суверенитета.

Имеется:

- единая территория (сеть Интернет);
- население (пользователи всего мира);
- единый язык (языки всего мира, цифровой код);
- и т.д.

2. Цифровое государство (digital state) не является утопичным явлением, о чем свидетельствуют активные действия развитых стран мира по попыткам воздействия на интернет-среду, чтобы противостоять зарождению нового типа политико-правового устройства общества, либо самим возглавить управление над киберпространством.

3. Цифровое право (digital state) с точки зрения доктринальных исследований уже существует и функционирует внутри сети Интернет (пользовательские соглашения, электронные договоры, разрешения на использования приложений и гаджетов, и т.д.).

4. Концепцию волн Э. Тоффлера по наблюдениям и событиям, происходящим в мире, можно считать более подходящей для примерного описания того, что уже происходит, либо будет происходить в будущем в мире с наступлением третьей волны.

Цифровое развитие мира и технический прогресс увеличивают темпы роста, и как бы представители второй волны не старались остановить приход третьей волны это является неизбежностью. Третья волна «принесет» с собой цифровое государство и цифровое право. Слияние киберпространства и реальности позволит проникнуть цифровому государству в правовые системы всех стран. Государства, развивая технологии, внедряя электронные правительства, систему электронных платежей, программы по развитию цифровой экономики, самостоятельно приближают момент слияния цифровой среды с реальной. Сохранят ли при этом государства свой суверенитет невозможно предугадать.

Список литературы

1. Ромашов Р.А., Панченко В.Ю. Цифровое государство (digital state) – концептуальное основание глобального мирового порядка // Государство и право. 2018. № 7. С. 99–109.
2. Ромашов Р. А. Теоретические концепции понимания государства // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 27–35.
3. Ромашов Р. А. Государство: понятие, общая характеристика и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 16–34.
4. Тоффлер Э. Третья волна, 1980 / пер. на рус. язык: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Мишиша, Е. Руднева, Н. Хмелик. М.: АСТ, 2004. 261 с.
5. Ромашов Р. А. Цифровое государство (digital state) – новый тип государства или форма глобального мирового порядка? // История государства и права. 2017. № 4. С. 3–11.
6. Barlow J.P. A Declaration of the independence of cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 24.03.2021)
7. Cohn C. Inventing the future: Barlow and beyond // Duke law and technology review. 2019. Vol. 18, Special symposium issue. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1341&context=dltr> (дата обращения: 24.03.2021)
8. Умнова-Конюхова И.А., Ловцова Д.А. Государство и право в новой цифровой реальности: монография. М.: РАН. ИНИОН, 2020. 259 с.
9. Хабриева Т. Я. Черногор Н. Н Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 85–102.
10. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 18 мая. № 115.

References

1. Romashov, R.A., Panchenko, V.Yu. (2018) Tsifrovoe gosudarstvo (digital state) – kontseptual'noe osnovanie global'nogo mirovogo poryadka [Digital state as a conceptual foundation – of the global world order]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 7. pp. 99–109. (In Russian)

2. Romashov, R.A., (2019) Teoreticheskie kontseptsii ponimaniya gosudarstva [Theoretical concepts of state understanding]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' – Legal science: history and modernity*. No. 4. pp. 27–35. (In Russian)

3. Romashov, R.A., (2019) Gosudarstvo: ponyatie, obshchaya kharakteristika i sushchnost' [State: concept, general characteristic and essence]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' – Legal science: history and modernity*. No. 2. pp. 16-34 (In Russian)

4. Toffler, Alvin. (2004) *The Third Wave*, 1980. Translation into Russian: A. Mirer, I. Moskvina-Tarkhanova, V. Kulagina-Yartseva, L. Burmistrova, K. Burmistrov, E. Komarova, A. Mikish, E. Rudneva, N. Khmelik. Moscow: AST. pp. 261.

5. Romashov, R.A., (2017) Tsifrovoye gosudarstvo (didigital state) – novyi tip gosudarstva ili forma global'nogo mirovogo poryadka? [Digital State – a New Type of State or the Form of Global Order?]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of state and law*. No 4 pp. 3–11 (In Russian)

6. Barlow, J.P. A Declaration of the independence of cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (date of the application 24.03.2021)

7. Cohn, C. Inventing the future: Barlow and beyond // Duke law and technology review. 2019. Vol. 18, Special symposium issue. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1341&context=dltr> (date of the application 24.03.2021)

8. Umnova-Konyukhova, I.A., Lovtsov, D.A. (2020) Gosudarstvo i pravo v novoi informatsionnoi real'nosti [State and law in the new digital reality]. Monografiya [a monograph]. Moscow: RAN. INION. pp. 259. (In Russian)

9. Khabrieva, T.Y., Chernogor, N.N. (2018) Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [The Law in the Conditions of Digital Reality]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No.1 (253). pp. 85–102. (In Russian)

10. Zorkin, V.D. (2018) Pravo v tsifrovom mire: razmyshleniya na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma [Law in the digital world: reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum] *Rossiiskaya gazeta – Ros. newspaper*. No. 115. (In Russian)

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Вересов Алексей Андреевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: veresov1994@mail.ru

Мисюрёв Михаил Владимирович, старший преподаватель юридического факультета кафедры правоведения, Лужский институт (филиал) Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: worem@yandex.ru

About the authors

Alexey A. Veresov, postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: veresov1994@mail.ru

Mikhail V. Misuyrev, senior Lecturer of the Law Faculty of the Department of Jurisprudence of the Luga Institute (branch), Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: worem@yandex.ru

Поступила в редакцию: 15.11.2021

Received: 15 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

УДК / UDC 342.4 (47) «1818»

DOI 10.35231/18136230_2021_4_35

Конституция Н.Н. Новосильцова (1818 г.) и проблема ограничения самодержавия

А. В. Гоголевский

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассмотрена имеющая давнюю историографическую традицию проблема ограничения самодержавия конституцией Н.Н. Новосильцова. Проанализированы аргументы ранней историографии, не усматривавшей в конституции Н.Н. Новосильцова преград для самодержавной власти российского императора.

Критически переосмыслены доводы современной научной литературы, настаивающей на том, будто бы проект Н.Н. Новосильцова подрывал устои самодержавия. Осуществлен анализ соответствующих положений уставной грамоты Российской империи.

Формулируется вывод о том, что уставная грамота Российской империи не допускала формирования законодательной ветви власти и, следовательно, не могла воспрепятствовать единоличному законодательству императора, хотя и допускала созыв представительных учреждений-сеймов. Не ограничивал самодержца и предусмотренный уставной грамотой принцип контрасигнатуры, поскольку под ним подразумевалась лишь ответственность глав ведомств за подписанные императором законодательные акты.

Ключевые слова: конституция Н.Н. Новосильцова, уставная грамота Российской империи, Александр Первый, законодательная ветвь власти, Государственный совет, советы наместничеств, сеймы, ограничение самодержавия, контрасигнатура.

Для цитирования: Гоголевский А.В. Конституция Н.Н. Новосильцова (1818 г.) и проблема ограничения самодержавия // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 35–44. DOI 10.35231/18136230_2021_4_35

Constitution of N.N. Novosiltsov (1818) and the problem of limiting autocracy

Aleksandr V. Gogolevskii

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article deals with a problem that has a long historiographical tradition: the problem of limiting autocracy by the constitution of N.N. Novosiltsov. The arguments of early historiography, which did not see barriers to the autocratic power of the Russian emperor in the constitution of N.N. Novosiltsov, are analyzed.

The arguments of modern scientific literature insisting that N.N. Novosiltsov undermined the foundations of autocracy were critically rethought. An analysis of the relevant provisions of the Charter of the Russian Empire.

The author concludes that the Charter of the Russian Empire did not allow the formation of a legislative branch of power and, therefore, could not interfere with the sole legislation of the emperor, although it allowed the convocation of representative institutions - seimas. The autocrat also was not limited by the principle of countersignature provided for in the Charter, since it meant only the responsibility of the heads of departments for the legislative acts signed by the emperor.

Key words: Constitution of N.N. Novosiltsov. The Charter of the Russian Empire. Alexander the First. Legislative branch of government. State Council. Councils of governorships. Seimas. Limitation of autocracy. Contrasignature.

For citation: Gogolevskii, A.V. (2021). Konstituciya N.N. Novosil'cova (1818 g.) I problema ogranicheniya samoderzhaviya [Constitution of N.N. Novosiltsov (1818) and the problem of limiting autocracy]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 35–44. DOI 10.35231/18136230_2021_4_35 (In Russian).

Введение

В историографии России проблемы реформирования государственной и правовой системы Российской империи в период правления Александра Первого являются наиболее дискуссионными. Разработанные М.М. Сперанским проекты «Жалованная грамота российскому народу», «Ведение к Уложению государственных законов», проект Н.Н. Новосильцова «Государственная уставная грамота Российской империи» представляют интерес в связи определением вектора политического, правового и социально-экономического развития Российского государства в этот период. При этом особый интерес представляет «Государственная уставная грамота Российской империи» Н.Н. Новосильцова которая являлась, по сути, «единственным документом позволяющим говорить о русском "конституционализме" как о неразрывном явлении обозначающим границу, возникшую чуть позже между правительственным конституционализмом и конституционными устремлениями российского общества»¹.

¹ Чернов К.С. Государственная уставная грамота Российской империи (к вопросу о русском конституционализме): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 3.

Историография отечественного конституционализма в проекте Н.Н. Новосильцова (конец XIX – начало XX в.)

Одним из первых конституции Н.Н. Новосильцова коснулся Н.К. Шильдер в работе, опубликованной в 1898 г. [6, с. 151–152]. Приведя название конституции – «Государственная уставная грамота Российской империи», Н.К. Шильдер назвал ее автором французского юриста Дэшана, секретаря Н.Н. Новосильцова, а переводчиком текста с французского – князя П.А. Вяземского. О содержании конституции Н.К. Шильдер не сказал ничего, указав вместе с тем на слова Александра Первого, произнесенные на встрече его с князем П.А. Вяземским летом 1819 г., согласно которым император намеревался обязательно ее осуществить, хотя и осознавал трудности, связанные с конституционными преобразованиями. Видимо, не придавая значения обещаниям Александра Первого, поскольку конституция оказалась неостребованной, Н.К. Шильдер и не стал раскрывать ее содержание. О причинах остановки проекта Н.К. Шильдер не стал говорить, хотя косвенно коснулся их, полагая императора к 1821 г. усталым, надломленным духовно и телесно, мучеником, колебавшимся между Аракчеевым и своими убеждениями. Другой биограф Александра Первого, великий князь Николай Михайлович, высказался о конституции Н.Н. Новосильцова более определенно. По его мнению, Дэшан оказался не на высоте данного ему поручения. Следовательно, сам проект великий князь оценивал невысоко. Он также считал пустыми, ни к чему не обязывающими обещания императора добиться воплощения конституции в жизнь. Раскрывая их суть, великий князь Николай Николаевич привел следующую цитату из воспоминаний П.А. Вяземского о его встрече с Александром Первым: «Государь надеется привести непременно это дело к желанному окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота замедляет приведение в действие мысли, для него священной; что он знает сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречий в людях». Комментируя слова императора, его биограф заявил: едва ли Александр Первый намеревался ввести конституцию в действие, если вспомнить судьбу проектов Розенкампа и Сперанского, которые, по замечанию великого князя, «не имели ни малейшего практического результата». Как отметил великий князь, Александр Первый умел очаровать собеседника, однако разговоры – одно, а

проведение их в жизнь – совсем иное [1, с. 225–226]. Подробное изложение на десяти страницах конституция Н.Н. Новосильцова получила в изданном в 1905 г. скорее научно-популярном труде С.Г. Сватикова [5, с. 132–141]. Автор усмотрел в ней мало оригинального содержания, полагая ее списанной с польской конституции 1815 г. и французской хартии 1814 г. Таким образом, для ранней историографии отечественного конституционализма проект Н.Н. Новосильцова не составлял тайны, однако всерьез она его не воспринимала, находя вторичным и не вполне хорошо исполненным, целиком зависящим от воли императора, оказывавшему ему поддержку только на словах.

Современные подходы к анализу предпосылок создания, структуры и содержания конституции Н.Н. Новосильцова

Иная ситуация сложилась в современной научной литературе. С.В. Мироненко сформулировал концепцию, согласно которой Александр Первый намеревался не на словах, а на деле воплотить уставную грамоту в жизнь. Ее квинтэссенция состоит в том, будто бы в 1820 г., казалось, были все основания предполагать, что введение в действие уставной грамоты может произойти в ближайшее время [4, с. 197]. Как видим, в ней нет категоричных утверждений, кроме того, оставлено и место для сомнений, поскольку, как представляется, источники, положенные в ее основу, единичны и могут трактоваться различно. Действительно, И.И. Дибич в 1829 г. в разговоре с А.И. Михайловским-Данилевским отозвался об учреждении Александром Первым генерал-губернаторств как о первом шаге для введения конституционного правления, от которого, по его мнению, Александру Первому пришлось отказаться ввиду неудачного выбора генерал-губернаторов и своеволия польского сейма. Но ведь слова И.И. Дибича отражают лишь его понимание роли генерал-губернаторств, а если даже он слышал что-либо об уготовленной им роли от императора, то невысокая цена конституционным обещаниям Александра Первого хорошо известна. Почему и не могут вызвать доверия обещания императора П.А. Вяземскому непременно воплотить в жизнь конституционный проект Н.Н. Новосильцова, как только изыщутся средства для его финансирования. Не слишком обнадеживает и отсылка на сохранившийся в бумагах Н.Н. Новосильцова документ «Опыт введения в Грамоту» как на своего рода манифест о даровании конституции, равно как и на хранящийся в

них манифест о превращении Польши в одно из наместничеств Российской империи и упразднении польской конституции. С.В. Мироненко полагает, будто бы названные документы убедительно доказывают, что в 1820 г. Александр Первый был действительно близок к реальному введению в России конституции [4, с. 198]. Но ведь им возможно дать и вполне иную оценку. Во-первых, по указанию императора еще в 1801 г. уже составлялся документ, призванный стать конституционным манифестом. Проект Жалованной Коронационной грамоты вызвал бурные дебаты в Негласном комитете, обещал нешуточные перемены в государственном устройстве, но так и остался не востребованным императором, несмотря на колоссальные усилия, затраченные окружением Александра Первого на его изготовление, обсуждение и исправление. Во-вторых, Н.Н. Новосильцов, иницируя изготовление двух сохранившихся в его бумагах манифестов, скорее всего, опирался на высказанные ему обещания императора ввести в действие изготовленный в 1818 г. проект русской конституции. Однако о конституционных мечтах и обещаниях Александра Первого уже сказано достаточно, ни малейшего доверия они вызвать не могут. Осуществлявшаяся императором внутренняя политика на деле только укрепляла самодержавное правление, не препятствуя, однако, ему придаваться конституционным грезам.

Существенный вклад в современную историографию конституции Н.Н. Новосильцова внесли С.В. Мироненко и В.Ю. Захаров. Благодаря их усилиям ее корни, фабула и содержание изучены весьма тщательно, покоясь на широком круге источников. Конечно, уставная грамота оказалась де-факто малоизвестным проектом, не имевшим практических последствий, и ставшая, скорее всего, свидетельством колебаний умонастроенный императора, а может быть, даже памятником его прежним либеральным увлечениям. Если речь вести о правительственном конституционализме, то, казалось бы, ее рассмотрение излишне, поскольку она его едва ли его коснулась. Однако историографическая ситуация, тем не менее, предполагает обратиться к ведущейся в литературе полемике, заключающейся в том, ограничивала ли конституция Н.Н. Новосильцова русское самодержавие. Наиболее последовательно ее существо изложено в работе В.Ю. Захарова [2]. Указав на авторов, выступающих за или против конституционных ограничений прав самодержца согласно уставной грамоте, В.Ю. Захаров полагает, будто бы ответ на вопрос о форме

правления по уставной грамоте отыщется при сопоставлении полномочий сеймов и императора в сфере законодательной власти. Казалось бы, так, поскольку, по мнению В.Ю. Захарова, организации и деятельности законодательной власти посвящена IV глава уставной грамоты под названием «О народном представительстве». Осуществив анализ статей 103, 104, 106, 115 118 уставной грамоты, В.Ю. Захаров пришел к выводу, согласно которому они не дают ответа на вопрос, мог ли император принимать законы единолично, следовательно, форма правления не поддается однозначному толкованию. Зато, статья 132-я, по его оценке, такое толкование сформулировать вполне позволяет. Поскольку, согласно ей, «проекты во всех сеймах принимаются или отвергаются большинством голосов», постольку император не мог единолично принимать законы и должен был их предварительно направлять в представительные органы. Тогда форма правления, по мнению В.Ю. Захарова, определяется легко – как дуалистическая монархия, т. е. отступившая от неограниченного самодержавия. Как он полагает, в пользу ограничения, хоть и минимального, власти императора свидетельствует также статья 34-я, в которой содержится формулировка принципа контрасигнатуры. Таким образом, В.Ю. Захаров склонен считать будто бы уставная грамота, пусть и частично, но все же ограничивала самодержавного властителя. Но вполне возможно и иное ее понимание, а именно как проекта, вовсе не затрагивавшего прерогатив самодержавия, но упорядочивавшего законодательство по образцу, предлагавшемуся канцлером Безбородко в записке 1799 г. Действительно, суть государственного устройства, в том числе и очертание законодательной власти, раскрыты в отделении I «О государе или державной власти» главы II уставной грамоты, озаглавленной «О правлении Российской империи». Статья 12-я не допускает каких-либо сомнений в оценке такого правления, как неограниченное самодержавие, поскольку гласит: «Государь есть единственный источник всех в империи властей: гражданских, политических, законодательных и военных». Согласно статье 12-й, государь полностью и единолично осуществляет исполнительную власть. А порядок реализации им законодательной власти устанавливает статья 13-я, утверждающая: «Но законодательной власти государя содействует государственный сейм, о котором ниже упомянуто будет, на основании Уставной грамоты и особенных учреждений». Статья 101-я вновь подтверждает: «Законодательная власть заключается в особе государя при содействии двух палат Государственного сейма...»

[3, с. 231, 244]. Таким образом, никакого разделения властей уставная грамота не допускает, а вопрос о разделении полномочий императора и сеймов, представляется, и вовсе не стоит, ибо сеймы прерогативами законодательной власти не наделялись, а лишь уполномочивались ей, целиком сосредоточенной в руках самодержца, содействовать. Статья 31-я еще раз разъясняет: «Общие законы постановляются Государем при содействии общего государственного сейма». Ей вторит статья 33-я: «Особые или местные законы постановляются Государем при содействии сеймов наместнических». Наконец, на характер такого рода «содействия» указывает статья 91-я, разъясняющая, что Государственный сейм состоит из государя и двух палат. Следовательно, формально, казуистически император мог в осуществлении принадлежавшей ему законодательной власти, «содействовать» сам себе. И, конечно, только при неограниченном самодержавном правлении в уставной грамоте могла появиться статья 14-я, постановляющая: «Особа государя священна и неприкосновенна». Порядок содействия сеймами законодательной власти императора устанавливается в главе IV уставной грамоты под названием «О народном представительстве». Естественно, ни о каком самостоятельном законотворчестве сеймов в ней не могло быть и речи. Вспомогательная, второстепенная роль наместнических сеймов в принятии местных законов великолепно раскрыта в статье 105-й. Как сказано в ней, «Проекты частных законов, относящихся до каждой области наместничества, составляются в наместническом совете и вносятся по велению государя членами означенного совета». Таким образом, порядок принятия местных законов вовсе не предусматривал обязательного, само по себе разумеющегося внесения в сейм наместничества проекта, составленного в наместническом совете. На то должна была последовать воля государя. Но ведь могла и не последовать. Далее, статья 107-я целиком нивелировала значение поправок, вносимых сеймами наместничеств в проекты, поступившие на их рассмотрение, ибо согласно ей, правом исправлять проекты с учетом такого рода поправок наделялись только советы наместничеств. Однако могли и не принять их во внимание. Ведь в статье значилось: «Проекты...исправляются токмо в совете наместничества». Но никаких обязательств по непременному учету составленных в сеймах замечаний статья 107-я не содержала. Аналогичный порядок устанавливался статьями 115-й, 117-й, 118-й и 119-й для рассмотрения законопроектов в общем государственном сейме. Таким образом, можно

вполне утвердительно ответить на поставленный в литературе вопрос, мог ли император, придерживаясь уставной грамоты, издавать законы единолично. Во-первых, ни одна из статей не обязывала императора вносить законопроекты на рассмотрение сеймов. Лишь исключительно по велению императора, т.е. исходя из его желания, проекты от имени государя вносились в сеймы Государственным советом или советами наместничеств. Во-вторых, статьи 133 и 134-я содержали своего рода ловушку, принуждавшую сеймы принимать поступившие к ним проекты без замечаний, ибо предусматривали такой порядок, когда лишь принятые сеймами проекты поступали тотчас на утверждение императору, минуя Государственный совет или советы наместничеств. Проекты же с замечаниями возвращались обратно туда, откуда поступили. В-третьих, даже принятый в сеймах проект император мог отклонить, и тогда проект, согласно статьи 135-й, «уничтожался». Наконец, никто и ничто не могли воспрепятствовать императору издать закон, минуя Государственный совет, советы наместничеств, Государственный сейм и сеймы наместничеств, поскольку, как отмечалось, статья 14-я устанавливала: «Особа государя священна и неприкосновенна», а следовательно, не подвластна никакому закону. Нетрудно видеть, как очерченное в уставной грамоте содействие сеймов императору в законодательстве мало отличается от участия в законодательстве Государственного совета, учрежденного в 1810 г. Ведь согласно Манифесту от 1 января 1810 г. все законы, в «первообразных их начертаниях», должны были рассматриваться в Государственном совете и затем поступать на утверждение императору. Следовательно, по существу, уставная грамота на место Государственного совета поставила сеймы. Различия заключались только в созыве сеймов как представительных учреждений, в процедуре рассмотрения законопроектов в сеймах и порядке представления законопроектов на утверждение императору.

Как представляется, вовсе не ограничивает самодержавие и статья 34-й уставной грамоты, в которой, казалось бы, как полагает В.Ю. Захаров, «в чистом виде» сформулирован принцип контрасигнатуры. Действительно, в ней сказано: «Общие и особенные или местные законы скрепляются министром, начальником управления юстиции. Уставы, учреждения, указы, повеления и постановления должны быть за скрепою того из министров, до которого они, по содержанию своему, будут принад-

лежать. Он отвечает за все, что в сих уставах, учреждениях, указах, повелениях, рескриптах и постановлениях могло бы заключаться противного правилам Уставной грамоты». Однако контрасигнатура в «чистом виде» означает не просто скрепление утвержденного главой государства закона уполномоченным министром, а такого рода скрепа должна придавать документу юридическую силу. Следовательно, контрасигнатура лишь тогда является процессуальной формой, ограничивающей полномочия главы государства, когда неконтрасигнованный акт считается недействительным, о чем непременно должно говориться в конституции. В противном случае, контрасигнатура лишь юридическая форма, возлагающая ответственность на членов правительства за акты, подписанные главой государства. Именно так нужно и понимать статью 34-ю уставной грамоты. Поскольку особа императора считалась неприкосновенной, постольку ответственность за утвержденные им законы возлагалась на министров. Разумеется, в уставной грамоте невозможно отыскать статью, устанавливающую норму о вступлении закона в силу только при наличии министерской скрепы. Таким образом, в Уставной грамоте весьма затруднительно отыскать нормы, подрывающие самодержавное правление.

Заключение

Никакая конституция сама по себе не в состоянии ограничить самовластие, его ограждение зависит от экономических, социальных и политических институтов и во многом определяется ментальностью населения страны. А раз так, то не вполне корректной видится и постановка исследовательской задачи как поиска аргументов для доказательства того, могла ли уставная грамота ограничить самодержавие. Ведь даже если бы и позволяла, самодержавие имело все возможности просто с нею не считаться. Так в 1907 г., много десятилетий спустя после ее составления, в условиях весьма благоприятных для давления на власть со стороны общественных институтов, ничто не воспрепятствовало императору Николаю Второму нарушить Основные законы 1906 г. и без участия Государственной думы, единолично изменить избирательный закон, подобрав удобное для самодержавия народное представительство. Ибо руководствовался он, как казалось ему, безупречной логикой: раз самодержец дал стране Основные законы, то он может без труда взять их обратно.

Список литературы

1. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Том 1. СПб., 1912. 636 с.
2. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX в. Опыт сравнительно-исторического анализа. Часть 2. М.: Прометей, 2017. Ч. II. 647 с.
3. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000. 624 с.
4. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. 240 с.
5. Сватиков С.Г. Общественное движение в России. (1700–1895). Ростов-н/Д., 1905. 198 с.
6. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Том IV. СПб., 1898. 716 с.

References

1. *Velikij knyaz' Nikolaj Mihajlovich. (1912). Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Emperor Alexander I. Experience of historical research]. Tom 1. St. Petersburg. 636 p. (In Russian)
2. Zaharov, V.YU. (2017). *Rossijskij i zarubezhnyj konstitucionalizm konca XVIII -1-j chetverti XIX vv. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza* [Russian and foreign constitutionalism of the late XVIII-1st quarter of the XIX centuries. Experience of comparative historical analysis]. Part 2. Moscow: «Prometej». 647 p. (In Russian)
3. *Konstitucionalizm: istoricheskij put' Rossii k liberal'noj demokratii* [Constitutionalism: Russia's historical path to liberal democracy]. (2000). Moscow. 624 p. (In Russian)
4. Mironenko, S.V. (1989). *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. Moscow. 240 p. (In Russian)
5. Svatikov, S.G. (1905). *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii. (1700–1895)* [Social movement in Russia. (1700–1895)]. Rostov-on-Don. 198 p. (In Russian)
6. Shil'der, N.K. (1898). *Imperator Aleksandr Pervyj. Ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Alexander the First. His life and reign]. Tom IV. St. Petersburg. 716 p. (In Russian)

Об авторах

Александр Владимирович Гоголевский, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

About the author

Aleksandr V. Gogolevskii, Dr. Sci. (Hist.), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.gogolevskiy@lengu.ru

Поступила в редакцию: 03.09.2021

Received: 03 September 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 Desember 2021

УДК / UDC 323.1 : 342.4 (47) «1936» «1989»

DOI 10.35231/18136230_2021_4_45

Национальный вопрос в конституционном проекте переустройства СССР А.Д. Сахарова: сравнительный анализ с доктриной Конституции СССР 1936 г. *

Ю. С. Ковтун

*Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ),
Екатеринбург, Российская Федерация*

*Адвокатское бюро Свердловской области «Urals Legal»
Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье рассмотрены идеи А. Д. Сахарова, касающиеся федерализма и принципа права наций на самоопределение, сформулированные им в представленном в 1989 г. проекте Конституции СССР.

Прослежено изменение отношения партийной элиты к национальному вопросу в годы перестройки в сравнении с подходом в период разработки текста Конституции 1936 г.

Делается вывод о том, что основной причиной дестабилизации политического режима и в целом советской системы в конце 1980-х гг. послужила утрата идеологического контроля со стороны партии, следствием чего стало усиление националистических движений. Промедление же со стороны власти с решением национального вопроса и отсутствие единой продуманной концепции выхода из кризиса привели к невозможности «перезагрузки» страны без ее распада.

Ключевые слова: СССР, советский конституционализм, идеология, национальный вопрос, право наций на самоопределение, федерализм, конституционные проекты переустройства, «сталинская» Конституция, «Конституция...» Сахарова, перестройка.

Для цитирования: Ковтун Ю.С. Национальный вопрос в конституционном проекте переустройства СССР А.Д. Сахарова: сравнительный анализ с доктриной Конституции СССР 1936 г. // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 45–57. DOI 10.35231/18136230_2021_4_45

© Ковтун Ю.С., 2021

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00866А: Советский конституционализм: доктринальное, юридическое и символическое измерения.

The national question in the constitutional project of the reorganization of the USSR by A.D. Sakharov: a comparative analysis with the doctrine of the USSR Constitution of 1936*

Yulia S. Kovtun

*Ural state law University
Yekaterinburg, Russia*

*Attorney of the law office «Urals Legal»
Yekaterinburg, Russia*

The article considers the ideas of A. D. Sakharov concerning federalism and the principle of the right of nations to self-determination, formulated in the draft Constitution of the USSR in 1989.

The article traces the change in the approach of the party elite to the national question during the years of perestroika in comparison with the period of drafting the text of the Constitution of 1936.

It is concluded that the main reason for the destabilization of the political regime and the Soviet system as a whole in the late 1980s was the loss of ideological control by the party, that increased nationalist movements. The delay on the part of the authorities in resolving the national issue and the lack of a single well-thought-out concept for overcoming the crisis led to the impossibility of "rebooting" the country without its collapse. The authorities' delay in solution to the national question and the lack of single well-thought-out concept for overcoming the crisis led to the impossibility of "rebooting" the country without its collapse.

Key words: USSR, Soviet constitutionalism, ideology, national question, right of nations to self-determination, federalism, constitutional reconstruction projects, "Stalin's" Constitution, Sakharov's Constitution, perestroika.

For citation: Kovtun, Yu.S. (2021). Nacional'nyj vopros v konstitucionnom proekte pereustrojstva SSSR A.D. Saharova: sravnitel'nyj analiz s doktrinoj Konstitucii SSSR 1936 g. [The national question in the constitutional project of the reorganization of the USSR by A.D. Sakharov: a comparative analysis with the doctrine of the USSR Constitution of 1936]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 45–57. DOI 10.35231/18136230_2021_4_45 (In Russian).

* The article is prepared with the financial support of the Russian Foundation of basic research as a part of the scientific project No. 19-011-00866A: Soviet Constitutionalism: doctrinal, Legal and Symbolic dimensions.

Введение

Национальный вопрос и проблема целесообразности предоставления республикам права сепарации активно обсуждались партийными деятелями еще с момента создания СССР и принятия первой советской Конституции. В «ленинский» период безусловным считался тот факт, что суверенитет является одной из основ и приоритетов нового Советского государства, которые выдвинула революция, революционная наука, и которые необходимо неуклонно поддерживать¹, при этом каждая нация имеет право на самоопределение, вплоть до выделения². Коммунистическая партия большевиков, вопреки духу учения К. Маркса, не предполагавшему предоставления широких политических прав нациям, в свое время все-таки децентрализовала страну по национальному принципу [4, с. 85].

Не менее актуальным национальный вопрос оставался и в период разработки и принятия «сталинской» Конституции СССР 1936 г., однако в указанный период мнения партийных деятелей уже различались, а обсуждение национальной темы в конституционной комиссии вызвало среди партийной элиты расхождение относительно необходимости сохранения в Конституции ст. 17, гарантирующей каждой союзной республике право свободного выхода из СССР – это было связано с попытками избежать «шовинистических настроений и самостоятельных движений»³. Однако право сепарации все-таки, пусть и формально, но было сохранено в сталинской Конституции 1936 г., поскольку партийная элита и, в частности, сам И. В. Сталин отдавали себе отчет в том, что принцип права наций на самоопределение и следующее из него право самостоятельного выделения из СССР являются своего рода ядром Союза, без которого разрушилась бы общая концепция, сформулированная В. И. Лениным и выстроенная революцией, а упразднение права сепарации означало бы нарушение принципа добровольности, который, в свою очередь, был положен в основу первых советских Конституций.

Абсолютно иной оборот приняли движения общественной мысли в годы перестройки. Идея децентрализации России становится одним из основных положений, содержащихся в программах лидеров оппозиции. В

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 80. Л. 177.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 26. Д. 37. Л. 87. Заседание Конституционной комиссии 5 мая 1925 года.

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 5-5 об.

частности, тезис о необходимости предоставления полного суверенитета союзным республикам СССР занимает существенное место в программе академика А. Д. Сахарова, подготовившего целый конституционный проект, именуемый «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии» [10; 1, с. 79].

Факторы, повлиявшие на развитие националистических движений в 1980-е гг.

В отсутствие жестких идеологических рычагов и после утраты несущей идейной опоры и доверия к партии националистические идеи в конце 80-х гг. «вскружили буйные головы деятелей и членов самостоятельных эмигрантских организаций» и «повсюду стало заметно оживление их деятельности и сплоченности» – чего и опасался в свое время И. В. Сталин.

Как верно указывает З. Г. Наврузов, поскольку именно коммунистическая идеология на протяжении всего существования СССР была тем самым стержнем, который пронизывал все сферы жизни страны и выступал главной идеологической скрепой, и несущим элементом в государственном устройстве страны, то вместе с утратой былых идеологических догм и прежнего преклонения перед партией «под маской возрождения национального самосознания на политическую арену хлынул национальный сепаратизм и агрессивный шовинизм» [8, с. 137]. Зарубежные исследователи Советского государства также отмечали, что одной из основных причин распада Союза выступал идеологический фактор – в частности, об этом в своих работах пишет американский политолог А. Даллин.

В середине 1989 – начале 1990 г. наблюдается самый активный период критики монополии коммунистической партии в политической и общественной жизни страны – негативная оценка руководящей роли КПСС дается на первом и втором Съездах народных депутатов, в том числе и упоминаемым ранее автором непринятого проекта Конституции – А. Д. Сахаровым.

Новая эпоха в жизни страны потребовала перемен, в том числе и идеологических. Уже в феврале 1990 г. закрепленная в ст. 6 Конституции руководящая роль партии была упразднена, что еще более раскрепостило националистические движения – поскольку диктат компартии и идеологический контроль правящей партийной элиты играли большую роль в объединении республик и удерживании их вокруг единого центра.

Стоит отметить, что наряду с партией утратил неприкосновенность и почтение и сам вождь коммунистической партии В. И. Ленин: после апреля 1990 г., когда отмечался 120-летний юбилей вождя революции, следствием новой политики гласности и свободы слова стали начинающие набирать оборот публикации в СМИ, в которых постепенно все активнее и активнее подвергаются сомнению и критике сначала идеи и режим И. В. Сталина, а после – и воззрения самого В. И. Ленина, а также его роль в жизни страны [8, с. 138].

Таким образом, многие факторы, в том числе и выход из-под идеологического контроля, подтачивали былую сдержанность республик, и предоставляли возможность нового взгляда на межнациональные отношения и государственное устройство.

Произошедшие в 1988–1992 гг. конституционные реформы Е. В. Виноградова и И. Л. Данилевская связывают с нестабильностью социального строя, отмечая при этом, что уже внесенные частичные изменения и предложенные правки не позволяли в полной мере отразить возникающее новое конституционное пространство, а потому было принято решение о разработке нового текста Конституции [2, с. 21] (приблизительно так же, как и во времена конституционной реформы 1930-х гг.).

Обсуждение федеративного устройства страны и межнациональных отношений в значительной мере перешло на новый уровень на XIX Всесоюзной конференции КПСС в 1988 г., где М. С. Горбачевым была отмечена необходимость осмысления соответствия существующих законов, регулирующих национальный вопрос, новым реалиям и потребностям современной жизни.

Перспективы будущего политического устройства страны начали активно обсуждаться в среде оппозиционного правозащитного движения, к ярким лидерам которого относится в первую очередь академик и первый в СССР обладатель Нобелевской премии А. Д. Сахаров.

Первым Съездом народных депутатов СССР была образована комиссия для выработки новой советской Конституции, в которую вошел и А. Д. Сахаров. Однако в течение полугода после создания комиссия бездействовала – не было проведено ровным счетом никакой работы. И в то время, как А. Д. Сахаров полагал, что «необходимо исходить из новой Конституции, из фундаментальной перестройки принципов и норм, касающихся существа общественно-государственного строя» [3], т. е. в первую очередь требуется сразу же принять новую Конституцию, после

чего уже надо стремиться к ее подкреплению на практике, существовала и противоположная (победившая на некоторое время) позиция: необходимо «прийти к новой Конституции», постепенно подготавливая население к принятию нового Основного закона страны, осторожно меняя по частям существующие законы и порядки. Позднее пришло осознание невозможности и крайней усложнённости на практике сохранения прежней Конституции и принятия новых законов, прямо или косвенно ей противоречащих, в результате чего было принято решение о возвращении к созданию нового Основного закона, причем в кратчайшие сроки – до 1990 г.

Период промедления со стороны власти и непринятия своевременного решения о выработке нового текста Конституции Л. М. Баткин достаточно справедливо назвал «конституционным обмороком», отметив, что впоследствии «все подтвердило абсолютную необходимость начинать перестройку спустя пять лет заново: с корней системы, с ликвидации партократии, с отделения государства от экономики. Начинать не с крыши, а с фундамента. То есть в политико-правовом плане опять-таки с Конституции» [3, с. 21].

Основные идеи Сахарова относительно решения национального вопроса в СССР

А. Д. Сахаров работал над проектом Конституции до самой своей смерти, оставив незавершенную редакцию проекта, состоящую из 46 статей. Однако ученый в основном успел завершить проект и «...оставил нам тем самым свое представление об оптимальном будущем страны» [3, с. 19]. Подготовленный первоначальный проект Конституции был представлен им 27 ноября 1989 г. на первом заседании Конституционной комиссии под председательством М. С. Горбачева. 14 декабря 1989 г. состоялась последняя речь академика в Кремле на собрании Межрегиональной депутатской группы, а спустя несколько часов А. Д. Сахарова не стало – последние корректировки так и не были внесены им в проект.

Интересующий нас национальный вопрос занимает одно из главенствующих мест в данном проекте (наравне, пожалуй, разве что с правами человека). Статьи 15 и 17 проекта гласят: «основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение», «республика имеет право выхода из Союза. Решение о выходе

республики из Союза должно быть принято высшим законодательным органом республики в соответствии с референдумом на территории республики не ранее чем через год после вступления республики в Союз».

А. Д. Сахаров, как верно подмечает Э. С. Орловский [3, с. 45], одним из первых предложил устранить существующую иерархию национально-территориальных единиц (союзная республика, автономная республика, автономная область, автономный округ), объявив все национально-территориальные единицы независимыми республиками с равными правами.

При этом позднее народные депутаты СССР в обращении к М. С. Горбачеву также подчеркивали, что «дальнейшее политическое неравенство в виде существующей четырехступенчатой иерархии федерации будет служить постоянным источником конфликтов на национальной почве» [7, с. 70]. Большинство депутатов от автономных областей и округов положительно относились к «сахаровской концепции» о установлении только одной формы автономии – автономной республики.

Модель территориального устройства, которую А. Д. Сахаров считал наиболее правильной, отражена в ст. 25 подготовленного академиком проекта Конституции: «Первоначально структурными составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик. Национально-конституционный процесс начинается с провозглашения независимости всех национально-территориальных структурных частей СССР, образующих суверенные республики (государства). На основе референдума некоторые из этих частей могут объединяться друг с другом. Разделение республики на административно-экономические районы определяется Конституцией республики» [10].

В первоначальной редакции проекта Конституции А. Д. Сахаровым было также предусмотрено разделение России на четыре экономических района – Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь и Восточная Сибирь, однако впоследствии ст. 25 была отредактирована, а данное положение исключено из текста, поскольку «указанное деление на именно четыре района – спорно; на огромной территории России их может быть и больше», «подобное деление (или отказ от него) должно быть всецело во внутренней компетенции самой России, а не предопределяться союз-

ной Конституцией» и, кроме того, «в момент конституирования нового Союза нельзя исключить и, напротив, добровольного (на основе референдумов) объединения тех или иных ныне существующих в момент перезаключения Союзного договора национально-государственных частей Советского Союза» [3, с. 21].

Заключаемый с республиками Союзный договор должен был при этом ограничивать власть центра лишь осуществлением задач внешней политики, обороны страны и обеспечением единой финансовой системы [6, с. 184].

Согласимся с мнением, высказанным современником А. Д. Сахарова Э. С. Орловским: представляется вполне логичной идея о том, что каждая республика вправе самостоятельно определять объем передаваемых Союзу прав путем подписания специального протокола, в котором был бы оговорен перечень дополнительных полномочий (помимо общих, предусмотренных Союзным договором). «Таким образом, одни республики могут иметь между собой федеративные связи – более или менее тесные, другие же будут иметь с Союзом конфедеративную связь» [3, с. 47].

Существовали и другие предложенные модели территориального устройства. В частности, экономист и политик Г. Х. Попов, основываясь на идее А. Д. Сахарова о том, что необходимо ориентироваться не столько на границы, сколько на нации, предлагал разделить Российскую Федерацию на несколько крупных регионов (Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Поволжский и Центральный). При этом Г. Х. Поповым критиковалась модель, основанная на идее суверенитета уже существующих республик, поскольку минусом данной модели, на его взгляд, являлось несовпадение границ между республиками с зонами расселения этнических групп [9, с. 144].

Создание нескольких регионов, наделенных равными правами с республиками, и разукрупнение РСФСР какое-то время рассматривалось в качестве одного из возможных вариантов и на высших уровнях власти, однако в конечном итоге все-таки был выбран вариант усиления суверенитета союзных и автономных республик [9, с. 146].

Сталинская и Сахаровская модель федерации

Возвращаясь к периоду конституционной реформы 1930-х гг., хотелось бы обратить внимание на то, что после принятия Конституции РСФСР 1937 г. нерешенным и отложенным до лучших времен остался

вопрос о выводе автономных областей из состава краев (в то время как с автономными республиками данный вопрос был решен, и они были включены в Российскую Федерацию, минуя края) [7, с. 67]. Неразрешенная в сталинское время проблема перешла в политическую плоскость в период перестройки и потребовала внимания, причем в общегосударственном масштабе – многие автономные области в конце 1980-х гг. начали претендовать на выход из состава краев и преобразование их в республики, ссылаясь при этом на взгляды того же А. Д. Сахарова [3], а также на то что «края не уделяют внимания языку и национальной культуре автономной области» [7, с. 68].

В качестве альтернативы неэффективной советской конструкции М. С. Горбачевым предлагался «отказ от сталинской модели федерации, в которой декларировалась федеративность, а насаждалась унитарность» [5, с. 575], и возврат к ленинской модели федерализма.

Сталинская модель подверглась в годы перестройки жесткой критике – ведь фактически (пусть и не юридически) И. В. Сталиным действительно была осуществлена нейтрализация декларируемого Конституцией федерализма при помощи его замещения советским принципом: несмотря на то что добровольность объединения и равноправность всех народов продолжала оставаться одним из формальных принципов, параллельно при этом устанавливалось, что «советское государство является федерацией советов и советы являются органами диктатуры пролетариата и носителями государственной власти в центре и на местах»¹, т. е., федеративный принцип трансформировался в советский, который, в свою очередь, ограничивался только задачами диктатуры [5, с. 333].

Возврат к идеализации ленинских представлений в период расцвета националистических движений также понятен. В. И. Лениным было сформулировано такое понимание права наций на самоопределение, которое в годы перестройки стало едва ли не лозунгом всех автономий: «Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно против всякой попытки насильем или несправедливостью влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг ..., мы сами со своей стороны

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 34-39.

заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности»¹.

В ленинский период практически во всех политически важных документах закреплялись основы государственного устройства СССР с приоритетным принципом права сецессии и права наций на самоопределение. Так, в Проекте резолюции по 6-му пункту порядка для 10-го Съезда Советов было недвусмысленно указано: «В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия Республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза Республик. Поручить делегации выработать условия вхождения РСФСР в Союз Республик, обязав ее при рассмотрении союзного договора отстаивать следующие положения: ... полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся Республик»².

Однако, к сожалению, несмотря на стремление вернуться в годы перестройки к ленинской модели, в конце 1980-х у партийных деятелей не было единства даже в трактовке самого понятия «суверенитет», не говоря уже об отсутствии единого понимания той самой аутентичной ленинской модели государственного устройства, что затянуло принятие решения и привело к политическому и социальному кризису.

Предлагаемая А. Д. Сахаровым форма федерации являла собой полную противоположность сталинской модели. Предполагалось уничтожить сталинское неравноправное устройство, которое выражалось в «разделении всех национально-государственных образований в СССР на четыре категории, подчиненные по вертикали высшей из них – союзной республике, которые, в свою очередь, подчинены имперскому наднациональному центру» [3, с. 51]. Союзный договор должны были подписывать все административно-территориальные единицы СССР как равные республики (независимо от территориальных параметров, параметров населенности и пр.). Отрицалась возможность централизованного управления республиками «сверху» – они должны в добровольном порядке передать центру строго оговоренный минимум полномочий, что фиксируется в Союзном договоре.

Несомненной особенностью сахаровской модели является то, что «весь конституционный процесс преобразования идет снизу вверх – не центр «расширяет права республик», а они вручают их центру» [3, с. 42].

¹ В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 7. М., 1972. С. 105–106.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

При этом право заключить Специальный протокол к Союзному договору предоставляет каждой республике возможность по своему усмотрению дополнительно передать какие-либо функции управления центру (в зависимости от индивидуальных потребностей каждой республики) – то есть предлагаемая А. Д. Сахаровым модель со всей очевидностью обладает высокой степенью гибкости и основана на индивидуальном включении каждой республики в Союз с возможностью определить свои условия.

Таким образом, как верно отмечает Л. М. Баткин, «любые территориально-экологические, экономические, культурно-языковые интересы каждой республики были бы надежно оберегаемы Договором и Специальным протоколом – оберегаемы ровно в той мере, в какой сама республика сочла бы это для себя необходимым и посильным» [3, с. 47].

Заключение

Критика сталинской модели в отсутствие у власти четких и понятных для практической реализации альтернатив парадигме федерализации страны привела к распаду Союза. Юридическая отмена диктатуры партии стремительно обрушила на страну стремления автономий определить объем предоставленных им прав, при этом за годы существования Союза так и не было придумано единое решение проблемы национально-государственного устройства страны.

Проект «Конституции...» Сахарова, идейной основой которого являлся принцип истинного федерализма, который, по мнению академика, предоставил бы возможность обновления страны без ее распада, так и остался проектом, а продолжившаяся политическая борьба привела к глубокому социальному и экономическому кризису.

Особенностью закрепленных в конституционном проекте Сахарова идей являлось то, что они отражали еще несуществующее будущее и потенциальные исторические планы, касающиеся в том числе взаимоотношения национальностей. Это был диаметрально противоположный подход к составлению Конституции в сравнении с Конституцией 1936 г., где главной целью и желанием партии было закрепление действительной жизни страны¹ уже после состоявшихся, а не еще грядущих и отдаленных (как в годы перестройки) перемен.

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 7. Д. 27. Л. 5-6. Стенограмма 16-го Заседания 7-го Съезда Советов Союза ССР. Доклад А. С. Енукидзе по Конституционным вопросам.

Список литературы

1. Аджанова Ж.С. Формирование теории правового государства и основные признаки современной конституционной модели правовой государственности // Социально-экономические явления и процессы. 2017. №4. С. 77–84.
2. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Конституция, которой не было // Образование и право. 2019. №7. С. 19–23.
3. Конституционные идеи Андрея Сахарова: [Сборник / сост. Л. М. Баткин]. М.: Торг.-изд. предприятие «Новелла», 1990. 95 с.
4. Лаврентьев С.Н., Латыпов Р.Ф., Миннигулова Д.Б., Даминдарова Ф.В. Федерация или конгломерация? Феномен государственного устройства России // Власть. 2015. №12. С. 85–89.
5. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
6. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. Социология. Этнология. 1996. №1. С. 154–194.
7. Митюков М. А. «Первый шаг» к развитию новых федеративных отношений в России (начало 1990-х гг.): размышления спустя десятилетия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. №3 (28). С. 66–77.
8. Наврузов З.Г. Идеологическая делегитимация советского режима в конце 80-х гг. как фактор дестабилизации системы // Современная научная мысль. 2019. №6. С. 135–139.
9. Осипов И. В. Идеальные основания движения за создание Уральской республики // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. №3. С. 140–158.
10. Сахаров А. Д. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии. Проект // А. Д. Сахаров. Тревога и надежда. М., 1991. С. 266–276.
11. Угольков И. А. Правозащитная деятельность и политико-правовые взгляды А.Д. Сахарова // The Newman in Foreign policy. 2021. №58 (102). С. 48–51.

References

1. Atzhanova, ZH.S. (2017). Formirovanie teorii pravovogo gosudarstva i osnovnye priznaki sovremennoj konstitucionnoj modeli pravovoj gosudarstvennosti [Formation of the theory of the rule of law and the main signs of the modern constitutional model of legal statehood]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process – Socio-economic phenomena and processes*. No 4. pp. 77–84. (In Russian)
2. Vinogradova, E.V., Danilevskaya, I.L. (2019). Konstituciya, kotoroj ne bylo [Constitution, which was not]. *Obrazovanie i parvo – Education and law*. No7. pp. 19–23 (In Russian)
3. Konstitucionnye idei Andreyasaharova [Constitutional ideas of Andrei Sakharov]. (1990). [Sbornik / sost. L. M. Batkin]. Moscow: Torg.-izd. predpriyatie «Novella». 95 p. (In Russian)
4. Lavrent'ev, S.N., Latypov, R.F., Minnigulova, D.B., Damindarova, F.V. (2015). Federaciya ili konglomeraciya? Fenomen gosudarstvennogo ustrojstva Rossii [Federation or conglomeration? The phenomenon of the state structure of Russia]. *Vlast' – Power*. No 12. pp. 85–89. (In Russian)

5. Medushevskij, A. N. (2017). *Politicheskaya istoriya russkoj revolyucii: normy, instituty, formy social'noj mobilizacii v XX veke* [The political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the 20th century]. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ. 656 p. (In Russian)

6. Medushevskij, A.N. (1996). Konstitucionnye proekty v Rossii i ih zapadnye istochniki [Constitutional projects in Russia and their Western sources]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya – World of Russia. Sociology. Ethnology*. No1. pp. 154–194. (In Russian)

7. Mityukov, M.A. (2017). «Pervyj shag» k razvitiyu novyh federativnyh otnoshenii v Rossii (nachalo 1990-h gg.): razmyshleniya spustya desyatiletija ["First step" to the development of new federal relations in Russia (early 1990s): reflections decades later]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No3 (28). pp. 66–77. (In Russian)

8. Navruzov, Z.G. (2019). Ideologicheskaya delegitimaciya sovetskogo rezhima v konce 80-h gg. kak faktor destabilizacii sistemy [Ideological delegitimation of the Soviet regime in the late 80s. as a factor in destabilizing the system]. *Sovremennaya nauchnaya mysl' – Modern scientific thought*. No 6. pp. 135–139. (In Russian)

9. Osipov, I.V. (2019). Idejnye osnovaniya dvizheniya za sozdanie Ural'skoj respubliki [Ideological foundations of the movement for the creation of the Ural Republic]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Bulletin of Moscow University. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. No 3. pp. 140–158. (In Russian)

10. Saharov, A.D. (1991). Konstituciya Soyuza Sovetskikh Respublik Evropy i Azii. Proekt [Constitution of the Union of Soviet Republics of Europe and Asia. Project]. *Trevoga i nadezhda [Anxiety and hope]*. Moscow. pp. 266-276. (In Russian)

11. Ugol'kov, I.A. (2021). Pravo-zashchitnaya deyatel'nost' i politiko-pravovye vzglyady A.D. Saharova [Human rights activities and political and legal views of A. D. Sakharov]. *The Newman in Foreign policy*. No58 (102). pp. 48–51. (In Russian)

Об авторе

Ковтун Юлия Сергеевна, соискатель кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия; адвокат, адвокатское бюро Свердловской области «Urals Legal», Екатеринбург, Россия, e-mail: j.s.k@mail.ru

About the author

Yulia S. Kovtun, Candidate of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia; lawyer, Sverdlovsk Region Law Office «Urals Legal», Yekaterinburg, Russia, e-mail: j.s.k@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.11.2021

Received: 20 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

УДК / UDC 34.03

DOI: 10.35231/18136230_2021_4_58

Действие права как проявление социальной энергии: гипотеза об аналогии

М. Н. Пригон

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Актуальность статьи состоит в выдвижении и предварительном обосновании состоятельности гипотезы об аналогии действия права электромагнитному полю, что позволяет математически моделировать действие права в пространстве культуры. Определены свойства электромагнитного поля, позволяющие рассматривать его проявление как аналогичное действию права. Рассмотрены преимущества объединения системной модели и модели поля для математического моделирования социальных отношений.

Теория права и социология уже рассматривают социокультурное пространство как особую материю, выдвижение гипотезы позволяет дополнить системную модель социальных отношений моделью поля, применить теорию поля, математическую физику и сформулировать динамическую модель социальных отношений в сфере публичного права.

Имеет научную перспективу дальнейшее исследование с применением выдвинутой гипотезы для формулировки содержательной, концептуальной и математической моделей публичных правоотношений в сферах государственного управления, взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества в социокультурном и физическом пространствах.

Ключевые слова: действие права, пространство культуры, социокультурное поле, модель поля, математическая модель.

Для цитирования: Пригон М.Н. Действие права как проявление социальной энергии: гипотеза об аналогии // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 58–69. DOI 10.35231/18136230_2021_4_58

Action of law as demonstration of social energy: hypothesis about analogy

Maksim N. Prigon

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The relevance of the article lies in the advancement and preliminary substantiation of the consistency of the hypothesis about the analogy of the action of law to an electromagnetic field, which makes it possible to mathematically model the action of law in cultural space. The properties of the electromagnetic field have been determined, which make it possible to consider its demonstration as analogous to the action of law. The advantages of combining the system model and the field model for mathematical modeling of social relations are considered.

The theory of law and sociology already consider the socio-cultural space as a special matter, the hypothesis makes it possible to supplement the system model of social relations with the field model, apply field theory, mathematical physics and formulate a dynamic model of social relations in the field of public law.

Further research has a scientific perspective using a hypothesis put forward to formulate meaningful, conceptual and mathematical models of public legal relations in the areas of public administration, interaction of public authorities and civil society institutions in socio-cultural and physical spaces.

Key words: action of law, cultural space, socio-cultural field, field model, mathematical model.

For citation: Prigon, M. N. (2021) Deistviye prava kak proyavleniye sotsialnoi energii: gipoteza ob analogii [Action of law as demonstration of social energy: hypothesis about analogy]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 58–69. DOI 10.35231/18136230_2021_4_58 (In Russian).

Введение

Гипотеза, изложенная в настоящей статье, требуется для решения более общей задачи – математического моделирования социальных процессов в сфере публичного права, создания динамической модели, основанной на методах теории права, теории управления организационными системами, кибернетики, математики, социологии, физики и других наук.

Идеи междисциплинарного исследования эффективности юридической нормы уже формулировались в теории права. Так, Л.И. Спиридонов приходит к выводу, что «как бы ни изучалось действие правовой нормы, выявить ее реальную эффективность можно будет лишь в том случае, если исследование охватит не только саму норму (предмет правоведения), но и социальные условия ее функционирования (предмет социологии)» [10, с. 219].

Анализируя динамику социальных систем, П.А. Сорокин заключает, что интегрированная культура «и ее подсистемы – будь то живопись, скульптура, архитектура, музыка, наука, философия, право, религия, мораль, формы социальных, политических и экономических организаций –

изменяются потому, что каждая из них постоянно функционирует и содержит в себе причину своего изменения» [9, с. 808].

П. Штомпка отмечает, что социальные изменения «происходят непрерывно, и любые два состояния социокультурного поля – и практически совпадающие по времени и отдаленные – будут качественно различны» [11, с. 30]. П. Штомпка продолжает, «мы не провозглашаем абсолютную ценность ни системной модели, ни модели поля... Модель поля возникла из стремления понять и выразить динамическую природу общества более адекватно, но она еще требует значительной концептуальной разработки и эмпирического подтверждения» [11, с. 31].

Методы теории управления организационными системами и теории игр позволяют формулировать математические модели сложных иерархических организационных систем, разработаны подходы к реализации различных механизмов управления системами [8]. Чтобы учесть в математической модели социальную динамику, требуется найти изменяющийся параметр, который проявляется и оказывает влияние как в физическом, так и в культурном пространстве, и одновременно изменяется с понятной с точки зрения теории права, социологии, теории управления организационных систем и математики закономерностью. В настоящей статье выдвигается гипотеза, что таким динамическим параметром может быть особая энергия, сходная по природе с электромагнитным полем.

Предпосылки к гипотезе об аналогии в теории права и социологии

Рассматривая догму права как одну из основных граней, или пластов правовой материи, С.С. Алексеев полагает, что «если допустимо (на мой взгляд, вполне допустимо) употреблять выражение "правовая материя", то вот она, эта "материя", наиболее бесспорная, зримая частица из мира юридических явлений, в отношении которой уместно данное слово» [2, с. 24].

Раскрывая системные свойства права, С.С. Алексеев отмечает, что «элементы правовой материи, из которых складывается догма права (юридические нормы, субъективные права, обязанности, юридическая ответственность, правовые гарантии и др.), – это не простое скопище упомянутых "частиц", не хаотическое множество. Право потому и право, что эти частицы определенным образом выстраиваются, складываются в

своеобразную систему» [2, с. 27]. Анализируя социальную действительность, С.С. Алексеев выявляет «ряд плоскостей, срезов социальной действительности. Наиболее важное значение имеют три основные характеристики: 1) качество «энергетического поля» регулирования, 2) степень активности социального поведения на том или ином участке жизни общества, 3) уровень напряженности, интенсивности правового регулирования» [1, с. 212].

Связь права и культуры установлена в теории права. Л.И. Спиридонов, раскрывая указанную связь, отмечает, что «правило поведения, не ставшее нормой культуры, в право не включается. Право, следовательно, – часть культуры, ее сторона, "момент"» [10, с. 121]. Таким образом, понимание пространства культуры как обособленного пространства, включающего правосознание, в котором осуществляет действие право, не противоречит теории права.

Основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм полагает, что о социальных явлениях «нужно рассуждать как о вещах... Рассуждать о явлениях как о вещах – значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки» [6, с. 51]. Один из ведущих западных социологов XIX–XX вв. М. Вебер вводит понятие «общностно ориентированное действие», которое отличается тем, что «действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей» [4, с. 509].

Современная социология рассматривает пространство культуры как особую динамически изменяющуюся область, вводится понятие «социокультурное поле», исследуется структура поля и социальная энергия. В качестве научной проблемы П.А. Сорокин указывает на неопределенность термина «энергия»: «Что такое "энергия" социокультурной системы? Как можно ее измерить? А измерять ее необходимо – чтобы мы могли судить, какая система обладает большей энергией» [9, с. 814].

Таким образом, как для теории права, так и социологии является актуальным исследование действия права как особой энергии, проявляющейся в физическом и социокультурном пространстве, поиск аналогии этой энергии среди известных естественным наукам энергий имеет теоретическое и практическое значение.

Понимание энергии в физике

Как отмечает лауреат Нобелевской премии по физике, один из создателей квантовой механики Вернер Карл Гейзенберг, «в порядке общего предположения можно сказать, что в истории человеческого мышления наиболее плодотворными часто оказывались те направления, где встречались два различных способа мышления» [5, с. 118]. Лауреат Нобелевской премии по физике, один из создателей квантовой электродинамики и реформатор методов преподавания физики студентам Ричард Филлипс Фейнман объясняет, что «физике сегодняшнего дня неизвестно, что такое энергия. Мы не считаем, что энергия передается в виде маленьких пилюль. Ничего подобного... Это нечто отвлеченное, ничего не говорящее нам ни о механизме, ни о причинах появления в формуле различных членов»¹. Для выдвигаемой в настоящей статье гипотезы существенное значение имеет «самодостаточность» электромагнитного поля, которое не нуждается в среде, распространяется в пространстве за счет себя, своих особых свойств.

Гипотеза об аналогии

Для составления динамической математической модели социальных отношений в сфере публичного права, выдвигается следующая гипотеза о действии права как действия особой социальной энергии:

действие права является действием особого вида социальной энергии, которая во многом аналогична электромагнитному полю. При этом, для указанной энергии возможно по аналогии сформулировать закон ее сохранения, аналогичный закону сохранения в физике.

Предлагаемая аналогия действия права с электромагнитным полем открывает возможность использовать известные в физике свойства и характеристики электромагнитного поля, уравнения электромагнитного поля, моделировать динамику действия права в двух пространствах – физическом и культурном, прямую и обратную связь между двумя пространствами, особенности воздействия электромагнитной волны на субъекты в физическом пространстве и образования в культурном пространстве.

Проверим соблюдение для выдвинутой гипотезы основных условий состоятельности, предъявляемых к научной гипотезе [7, с. 174]. Первое условие – «гипотеза должна объяснять весь круг явлений и процессов,

¹ Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Том 1: Современная наука о природе. Законы механики. М.: Мир, 1965. С. 73.

для анализа которого она выдвигается... по возможности, не входя в противоречия с ранее установленными фактами и научными положениями» [7, с. 174]. Выдвинутая гипотеза объясняет действие права в двух пространствах, – физическом и культурном, переход действия права из одного пространства в другое, взаимосвязь и взаимное влияние первичного действия права в физическом пространстве, например, нормативного акта органа власти, и дальнейшего действия при переходе (проникновении) в культурное пространство, влияние первичного события на образования (слои социокультурного поля) в культурном пространстве, обратную связь, реакцию, направляемую из культурного в физическое пространство субъектами права, переход (проникновение) этой реакции в физическое пространство и ее действие.

Вторым условием состоятельности научной гипотезы является «принципиальная проверяемость гипотезы. Гипотеза есть предположение о некоторой непосредственно ненаблюдаемой основе явлений, и может быть проверена лишь путем сопоставления выведенных из нее следствий с опытом» [7, с. 174]. Мы не наблюдаем переход энергии действия права из физического в культурное пространство, но теория права исследует действие права как в физическом, так и в культурном пространстве связь этих пространств. Выдвигаемая гипотеза об аналогии с электромагнитным полем позволяет опытно проверить связь событий и реакций на них в двух пространствах, используя информацию о действиях субъектов права в физическом пространстве и социологические данные об отношении общества, социальных групп, граждан к этим действиям.

Третьим условием является «приложимость гипотезы к возможно более широкому кругу явлений. Из гипотезы должны выводиться не только те явления и процессы, для объяснения которых она специально выдвигается, но и возможно более широкий класс явлений и процессов, непосредственно, казалось бы, не связанных с первоначальными» [7, с. 174]. Гипотеза выдвигается для моделирования действия публичного права, но действие права не ограничивается частью культурного пространства, а каким-то образом проникает и воздействует на все образования в сфере культуры, вызывает обратную связь. Представляется возможным с помощью выдвинутой гипотезы наблюдать и объяснить взаимосвязь уровней социокультурного пространства, как эти уровни откликаются на действие права со стороны физического пространства, например, как действие права влияет на формирование, изменение идей, верований в обществе.

Четвертым условием состоятельности гипотезы является «максимально возможная принципиальная простота гипотезы... Действительная простота гипотезы заключается в ее способности, исходя из единого основания, объяснить, по возможности, более широкий круг различных явлений, процессов, не прибегая при этом к искусственным построениям и произвольным допущениям, не выдвигая в каждом новом случае все новых и новых гипотез» [7, с. 174]. Принципиальная простота выдвинутой гипотезе состоит в аналогии действия права электромагнитному полю, которое описывается известными математическими уравнениями Максвелла, проверенными в теории и на практике¹.

Таким образом, соблюдаются четыре основных условия состоятельности выдвинутой гипотезы, по крайней мере на уровне общего понимания действия права в физическом и культурном пространствах, взаимодействия этих пространств, бытия правоотношений в социокультурном пространстве, значения действий субъектов права, состояния их правосознания, что, конечно же, является только предварительной «смысловой» проверкой состоятельности гипотезы.

Перспективы применения гипотезы в теории права

Гипотеза об аналогии действия права электромагнитному полю позволяет сформулировать математическую модель социальных отношений, охватывающую физическое пространство и пространство культуры (в части, регулируемой публичным правом), создает возможность использовать методы других наук, их результаты для наблюдения и изменения эффективности действия права в динамике. Особый интерес представляет возможность использовать результаты социологических наблюдений и измерений в обществе, которые позволят протестировать и настроить модель.

Математическая модель, объединяющая системную модель и модель поля, позволит анализировать предполагаемое действие права при различных исходных данных, без проведения эксперимента в реальной действительности. В рамках модели возможно наблюдать и прогнозировать поведение отдельных субъектов, например, органа государственной

¹ Подробнее об уравнениях Максвелла см. напр. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теоретическая физика: учеб. пособие: в 10 т. Т II. Теория поля. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. С. 98–127.

власти, принимающего нормативный акт, либо осуществляющего функции управления в конкретной области публичных отношений, исследовать эффективность структуры и деятельности этого органа.

Междисциплинарные связи с социологией

Как отмечает П. Бурдьё, анализируя физическое и социальное пространства, «социология должна действовать исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством, точнее с полями» [3, с. 49], «структура социального пространства проявляется, таким образом, в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства» [3, с. 50]. По мнению П. Бурдьё, «социальное пространство – не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно... физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии... объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [3, с. 53].

П. Штомпка выделяет в социокультурном поле несколько уровней (сплетений, тканей или сетей): «сплетение идей, правил, действий и интересов» и отмечает, что «на каждом из четырех уровней социокультурное поле непрерывно подвергается изменениям. Мы постоянно наблюдаем: 1) артикуляцию, легитимацию или переформулирование идей, возникновение и исчезновение идеологий, убеждений, доктрин и теорий; 2) институализирование, пересмотр норм, ценностей, правил или отказ от них; возникновение и исчезновение этических кодов, правовых систем; 3) выработку, дифференциацию и переформирование каналов взаимодействия, организационных или групповых связей; возникновение или исчезновение групп, кругов общения и личностных сетей; 4) кристаллизацию, утверждение и перегруппировку возможностей, интересов, жизненных перспектив, подъем и падение статусов, распределение и упорядочение социальных иерархий» [11, с. 29].

Междисциплинарные связи с теорией поля в физике

Теория поля в физике дает возможность применить уравнения Максвелла, математически описывающие электромагнитное поле. Физика также предлагает подходы, позволяющие оценить и рассчитать энергию и другие параметры поля, следовательно, в рамках выдвинутой гипотезы можно попытаться оценить энергию действия права и другие величины. В теории поля получены решения уравнений Максвелла для простых случаев, например, для плоской волны, применимость которых можно проверить при моделировании действия права в физическом и культурном пространствах.

Выдвинутая в настоящей статье гипотеза об аналогии действия права электромагнитному полю не содержит конкретных уравнений, в которых будет включена социальная энергия, предполагается для формулировки закона сохранения в культурном пространстве использовать уравнения, применяемые в теории поля. Переменные величины и функции из этих уравнений будут фигурировать в формулах системной модели, обеспечивая взаимосвязь процессов действия права в физическом и социокультурном пространствах, и отражая динамику социальных правоотношений.

Междисциплинарные связи с теорией управления организационными системами

Расширение математической модели социальных отношений в сфере публичного права на два пространства – физическое и культурное, не снижает теоретического и практического значения системной модели, построенной с помощью теории управления организационных систем и теории игр. Системная часть модели описывает процессы в физическом пространстве – действия субъектов правоотношений, например принятие нормативного акта органом управления, участие граждан в выборах в органы государственной власти.

Динамическая часть модели дополнит системную, расширит область применения результатов моделирования и сделает более общей решаемую задачу. Согласно теории управления организационными системами, «задача управления организационной системой формально может быть сформулирована следующим образом: найти допустимое управление, имеющее максимальную эффективность (такое управление называется оптимальным)» [8, с. 39]. Математическая модель социальных отношений

в сфере публичного права охватывает два пространства – физическое и культурное, в которых агентами, центром, окружающей средой являются сложные политические и социальные образования, такие как органы государственной власти и управления, общественные объединения, институты гражданского общества, граждане.

Для такой сложной социальной системы, как общество, которое управляется, реагирует на управление, участвует в управлении, не удастся сформулировать однозначный критерий оптимальности, например цель, установленная в первой главе Конституции РФ – построение социального государства – достигается решением многих социальных задач, т. е. в качестве критерия выступает множество социальных показателей. Тем не менее, несмотря на указанную сложность, представляется осуществимым, используя теорию управления организационными системами, построить системную модель, дополнить ее моделью действия права и в результате получить динамическую математическую модель, охватывающую публичные правоотношения и их результаты в двух пространствах – физическом и культурном.

Заключение

Гипотеза аналогии действия права электромагнитному полю открывает возможность сформулировать математическую модель, охватывающую два пространства – физическое и культурное.

Планируемая математическая модель совмещает системную модель, основанную на теории управления организационными системами, теории игр, кибернетике, и динамическую модель социокультурного поля, основанную на теории поля и математической физике. Объединение двух видов моделей – системной и динамической, позволяет сохранить достоинства системной модели и внести новый элемент – социальную энергию, связывающую два пространства в динамике.

Согласно теории права, источником права является культура. Появлению правовой нормы предшествует (хотя на практике это соблюдается не всегда) социальное признание правила поведения (нормы культуры), его общественная полезность. Следуя такому подходу, событие в физическом пространстве, описываемое системной моделью, должно быть математически связано с событием (процессом) в культурном пространстве, в правосознании членов общества.

Гипотеза об аналогии действия права электромагнитному полю и расширение модели динамической составляющей, учитывающей взаимодействие физического и культурного пространств друг на друга, позволяет моделировать социальные процессы в сфере публичного права так, что право действует по направлению из пространства культуры в физическое пространство, а не только из физического в культурное.

Предпосылки к выдвижению гипотезы содержатся в теории права и социологии, социокультурное пространство признается существующим, обладающим структурой, свойствами и закономерностями, похожими на физическое пространство. Гипотеза делает следующий шаг в уже намеченном направлении научной мысли – найти в естественных науках, изучающих пространство и действующую в нем энергию, аналогию и применить результаты этих наук в исследовании действия права в обществе. Электромагнитное поле, по нашему мнению, обладает свойствами, подтверждающими перспективу включения его в выдвигаемую гипотезу и математическую модель.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. Алексеев С.С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1998. 336 с.
3. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.
4. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
7. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.
8. Новиков Д.А. Теория управления организационными системами. М.: МПСИ, 2005. 584 с.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамики. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
10. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М.: Статус ЛТД+, 1996. 304 с.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

References

1. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow: BEK. 320 p. (In Russian)
2. Alekseev, S.S. (1998) *Filosofiya prava. Istoriya I sovremennost. Tendentsii. Problemy. Perspektivy* [Philosophy of law. History and modernity. Trends. Problems. Perspectives]. Moscow: Norma. 336 p. (In Russian)

3. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institute of experimental sociology. 208 p. (In Russian)
4. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress. 808 p. (In Russian)
5. Heisenberg, W. (1989) *Fizika I filosofiya. Chast I tseloe* [Physics and Philosophy. Part and whole]. Moscow: Nauka. 400 p. (In Russian)
6. Durkheim, E. (1995) *Sotsiologiya. Yeyo predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, destiny]. Moscow: Kanon. 352 p. (In Russian)
7. Novikov, A.M., Novikov, D.A. (2007) *Metodologiya* [Methodology]. Moscow: SINTEG. 688 p. (In Russian)
8. Novikov, D.A. (2005) *Teoriya upravleniya organizatsionnymi sistemami* [Organizational Systems' Management]. Moscow: MPSI. 584 p. (In Russian)
9. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsialnaya I kulturnaya dinamiki* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel. 1176 p. (In Russian)
10. Spiridonov, L.I. (1996) *Teoriya gosudarstva I prava* [Theory of state and law]. Moscow: Status LTD+. 304 p. (In Russian)
11. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya Sotsialnykh Izmeneniy* [The Sociology of Social Change]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)

Об авторе

Пригон Максим Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: mprigon@yandex.ru

About the author

Maksim N. Prigon, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: mprigon@yandex.ru

Поступила в редакцию: 11.10.2021

Received: 11 October 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

УДК / UDC 340.12 : 321.01 «652»
DOI: 10.35231/18136230_2021_4_70

Понимание государства в политических учениях Древнего мира: от культуры храма к культуре полиса*

Р. А. Ромашов¹, В. А. Ковалев²

*¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*²Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Во вводной части работы ставится проблема соотношения философского мировоззрения, свойственного исторической эпохе определенного цикла исторического развития, и представлений о государстве через базовые философские понятия и идеи.

В основной части работы проводится сравнительный анализ государственно-правовых систем Древнего мира и Античности с позиций базовых философских категорий мировосприятия, таких как пространство и время, причинность, целеполагание, чистые типы власти. Демонстрируются как концептуальный переход между двумя системами, так и их взаимопроникновение, подчеркивающее стадиальную преемственность.

В заключение приводятся выводы исследования, согласно которым общественное сознание каждой конкретно-исторической эпохи просеивает имеющийся набор мировоззренческих образов, формируя свойственную эпохе государственно-правовую структуру.

Ключевые слова: история государственно-правовых идей; древнее государство; храмовое государство; государство и право Древней Греции; полисное государство; юридическая антропология.

Для цитирования: Ромашов Р.А., Ковалев В.А. Понимание государства в политических учениях Древнего мира: от культуры храма к культуре полиса // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 70–85. DOI 10.35231/18136230_2021_4_70

Idea of the State in political thoughts of the Ancient World: culture evolution from the temple to the polis*

Roman A. Romashov¹, Victor A. Kovalev²

*¹Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

*²Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

In the introductory part of the work, the authors made a hypothesis of correlation between philosophical worldview peculiar to the historical epoch of a certain cycle of historical development and the state images through basic philosophical concepts and ideas.

In the main part of the work the authors perform comparative analysis of state-legal systems of the Ancient world and the Antiquity from the standpoint of basic worldview's philosophical categories, such as space and time, causality, teleology and clear types of authority. The conceptual transition between the two systems is demonstrated, as well as their interpenetration with an emphasis on the stadial continuity.

As authors conclude, the social consciousness of each historical epoch sifts through the available set of worldview images, forming the state-legal structure peculiar to the epoch.

Key words: State and Law history; the Ancient state; temple-state; polis-state; state and law of the Ancient Greece; legal anthropology.

For citation: Romashov, R.A., Kovalev, V.A. (2021). Ponimanie gosudarstva v politicheskikh ucheniyah Drevnego mira: ot kul'tury hrama k kul'ture polisa [Idea of the State in political thoughts of the Ancient World: culture evolution from the temple to the polis]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 70–85. DOI 10.35231/18136230_2021_4_70 (In Russian).

Введение

Познание как процесс получения знаний об окружающей человека реальности (ирреальности) жизненного бытия является функциональным, определяемым перспективной целью и конструктивными задачами, решаемыми в ходе достижения цели. Цель познания задается объектом – субъективным представлением, умозрительной конструкцией, воплощающей в себе идеальный образ исследуемого явления, стремление к осознанному, оценочному восприятию которого задает направленность познавательной деятельности субъекта. Объект познания в силу своего названия, категория объективная. Объект существует независимо от того,

* The article was prepared with the support of RFBR grant No. 20-011-00794 A "State-legal systems of the modern world".

познается он субъектом или нет, сам факт возникновения и динамического состояния объекта не зависит от воли субъекта. Вместе с тем формируемый в индивидуальном (коллективном) сознании образ объекта – понятие субъективное, отражающее лишь *одну из* субъективных точек зрения (позиций) представления объекта.

Универсальным объектом познания является мир (природа и культура, в совокупности образующие среду человеческого бытия), образ которого задается трехмерным социо-пространственно-временным континуумом, в котором человек/общество является единственной дискретной категорией, на определенном моменте выделяющейся из «вселенского ничто» и когда-то неизбежно в «ничто» трансформирующейся.

Появление человека и наделение его «потенцией разума» влечет появление мыслительной деятельности, «привязанной» к трем неразрывно связанным, детерминированным логикой познания параметрам: *социальному* – человек познает мир, частью которого он является; *пространственному* – человек познает мир посредством его ограничения физическими параметрами (расстояниями, весами, усилиями и т. п.); *временному/хронологическому* – человек познает мир путем определения временных (прошлое – «до»; настоящее – «сейчас»; будущее – «потом») рамок познаваемых явлений. При этом объективность познаваемого мира предопределяет бесконечность пространства и времени, а следовательно, изначальную субъективность, стало быть, относительность любых измерительных параметров, привязанных исключительно к субъектам познания.

Генезис познания государства носит циклический характер. В рамках каждого цикла складывается собственное представление о сущности государства как специфической форме цивилизационной культуры. По нашему мнению можно выделить следующие историко-культурологические циклы: культура храмового государства); культура полисного государства; культура патримониально-теософского государства; культура светского государства).

В рамках данной статьи будут рассмотрены особенности формирования и функционирования государств в условиях циклов храмовой и полисной культуры.

Храмовое государство: мифология, ортопраксия и власть Судьи

Культура храмового государства основывается на представлении о государстве как форме социальной организации и власти, основанном на ассоциативном ряде, заданном «храмовым контекстом». Концепция изначальной формы государства как храмового комплекса получила широкое развитие как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Из российских авторов следует выделить, в первую очередь, И.М. Дьяконова, продемонстрировавшего роль храмов не только как аппарата организации ирригационной деятельности, но и как символических, структурирующих общину центров [17]. Аналогичные выводы в отношении городов Мезоамерики сделал В.И. Гуляев, рассматривавший майянские храмовые городские комплексы как «политико-административный, культурный и хозяйственный центр тяготеющей к нему округи» [13, с. 22]. Их идеи во многом были основаны на работах знаменитого американского антрополога Клиффорда Гирца. В своей «Интерпретации культур» он представил взгляд на традиционную организацию религии на Бали как строящуюся на системе храмов, к которым тяготеют сельские общины и с которыми идентифицируют себя их прихожане. Храмы играют ключевую роль в структурировании мира и формировании иерархии через дифференциацию пространства. Кроме того, традиционная религия с помощью мифоритуальных средств формирует представление об освященности социального неравенства [2, р. 173]. Аналогичные процессы он отмечал также в отношении Месопотамии, Древнего Египта, Индии и других примеров организации ранних городов-государств.

Храм как основу формирования ранних форм государства и права отмечают историки экономики. Храмовые хозяйства первыми стали использовать деньги [5, р. 101] (сначала для внутренних операций, затем и для внешних расчетов), сформировали процентную ставку по кредиту и, соответственно, первые формы кредитных договоров [3, р. 54]. Таким образом, храм становился и местом, где формировалась первая в истории форма чиновничества – храмовая бюрократия [4, р. 15].

Тем не менее, с нашей точки зрения, более важна роль храма в формировании познания права и государства. Мировоззрение (в том числе и взгляд на государственно-правовую систему) храмовой эпохи основано на мифо-ритуальном подходе к наблюдаемым феноменам и, соответственно, характеризуется двумя важнейшими составляющими – телеологичностью, антиисторичностью, монистичностью и орто-праксией.

Телеологичность, существующая на уровне интеллектуальной интерпретации мифологии жрецами (и в некоторых случаях околорелигиозными песнопевцами), понимается как осмысление мира с позиции ответа на вопрос о цели существования. Объекты в мифологическом сознании существуют не «по причине», а «для цели». В известной степени, можно утверждать, что в таком миропонимании храм (и совпадающее с ним государство) становится целью существования человеческого общества, при этом целью вечной и неизменной, охватывающей весь мир. Разумеется, на определенном этапе развития мифологического сознания телеологичность и антиисторичность становятся в большей степени риторическими, чем мировоззренческими истинами, тем не менее, истинность такого подхода не отрицается [11].

Наконец, анализируя онтологию власти в храмовом государстве с позиций «четырех чистых типов власти», предложенных Александром Кожевом [18, с. 38] (Отца, Судьи, Господина и Вождя), надо признать, что храмовому мировоззрению в наибольшей степени соответствует власть Судьи как вневременная, т. е. антиисторическая (согласно подходу Кожева, с позиций темпоральности власть Отца принадлежит прошлому, власть Господина – настоящему, власть Вождя – будущему и власть Судьи – вечности). Это соответствует и некоторым историческим проявлениям власти этой эпохи. Достаточно вспомнить, что понятие *iuris dictio*, характеризовавшее власть римских царей на начальном этапе римской истории, относилось не к законотворчеству, а именно к судебным действиям («говорить, что есть закон») [14, с. 36]. Особую роль в правосудии царей подчеркивает и текст на обелиске Хамураппи, да и Ветхий Завет в качестве изначальной формы власти после расселения евреев в Палестине указывает именно власть Судей Израилевых.

Храмовое государство: телеология и структура пространства

Антиисторичность храмового сознания проявляет себя также и в понимании справедливости как статичного состояния мира, в котором нарушение правильного порядка вещей становится нарушением справедливости. Соответственно, функцией государства и власти становится поддержание неизмененного правильного порядка вещей. Показательно, в частности, что египетские и шумерские термины «маат» и «ме», часто переводимые как «истина», «справедливость», также обозначают «правильный ритуал», «правильный порядок вещей» и т. д. [9; 15, с. 34]

Отсюда популярность принципа талиона как способа восстановления состояния мира.

При этом на обыденном уровне ключевым моментом становится орто-праксия [2, р. 174], т. е. приоритет ритуально правильных действий над их правильным (с точки зрения общепринятой в этом обществе и освящаемой религиозно-мифологическим порядком модели) пониманием. В этом смысле декларируемые властью правовые нормы становятся именно воплощением «правильного делания», т. е. фиксацией существующих практик и констатацией их правильности.

Безусловно, проблемой сознания храмовой эпохи становится наличие разрыва между миром сакрального (антиисторичного, мифологического, монистического, телеологического) и наблюдаемым реальным миром, с его изменчивостью, нарушением «правильных» практик и множественностью. В этой ситуации храм играет роль «небожественного сакрального», занимая промежуточное положение между священным небесным и преходящим земным миром, находящимся в состоянии *sacrus*, т. е. того, что, с одной стороны, разделяет *sacer* и *profanum*, а с другой стороны, создает возможность связи между ними [16, с. 42]. Знаменитый религиовед Мирча Элиаде отмечал, что в мифологических религиозных системах правитель играет роль узловой точки, связующего звена между небесным и человеческим миром, причем занимает эту точку в ходе определенного ритуала, совершаемого в определенной точке пространства [25, с. 49]. В таком понимании храм – это портал, в котором происходит связь человеческой и божественной сущности. Находиться в пределах портала может только властитель – живое воплощение бога и жрецы, обеспечивающие взаимодействие «божественного и земного». Субъектами познания являются жрецы, знания, получаемые в ходе познавательного процесса, носят сакральный (сверхъестественный) характер, их инструментальное предназначение заключается в обосновании неизменности, «божественной предопределенности» власти «земного» правителя и легитимности «корпоративной элитарности» жреческого корпуса. Что касается «простого люда» – рабов храма, то их удел сводится к бесправному служению как самому государству – храму, так и его представителям – властителю и жрецам.

Соответствующим образом происходит и стратификация мира. Выделяется храм как центр власти и религии, являющийся *sacer* – сакральным, «своя» земля, место обитания народа, поклоняющегося храму и

подчиняющегося власти – *sanctus*, освященное и внешний, профанный мир, предстающий как объект потенциального завоевания. Показательно, что подобное деление достаточно долго существовало, например в римском праве, выделяющем вещи *divini iuris* – божественного права, храмы, прежде всего храм Юпитера Капитолийского, земли квиритского права – *ius civile* – исторические земли центральной Италии, принадлежавшие римской общине с древнейших времен и в отношении которых действовал режим квиритской собственности и земли *ius gentium*, в отношении которых классическое регулирование собственности не действовало, и формально они принадлежали коллективу римлян, но не конкретному собственнику (хотя на практике в эпоху империи различие между формальной арендой этих земель и гражданской собственностью оставалось сугубо умозрительным).

Полис: гражданство и ранний государственный проект

Культура полисного государства связана с явлением полиса – города, государства, гражданской общины. Вне всяких сомнений, переход от храмового государства к полисному не был одномоментным событием (не было такой точки в истории, когда люди легли спать в храмовом государстве, а проснулись уже в полисном). Подобная жесткая дихотомия совершенно невозможна в сфере истории идей, в том числе и государственно-правовых. Как уже было показано выше, элементы храмового мировоззрения вполне соседствовали с полисным даже на позднем этапе его развития.

Тот факт, что сообщество граждан как носителей коллективной свободы предопределяет уникальность выделенного типа социально-политической культуры, привел на рубеже 1980–90-х гг. в зарубежной, а затем и в отечественной историографии к постановке вопроса: «был ли полис государством»? Справедливо отмечалось, например израильским антиковедом Майклом Бернеттом, отсутствие многих характерных для современного определения государства черт – постоянной армии и, за редким исключением, полицейских сил (отряд из 300 скифов, среди которых зачастую были не только скифские рабы, но и свободные афиняне, работавшие за плату, был, все же, исключением), постоянных налогов (скорее, напротив, граждане имели право на получение денег или товаров из государственной казны, мыслившейся как коллективная собственность), бюрократического аппарата [10, с. 250]. Элементы публичной власти можно

было усмотреть в Афинах эпохи расцвета – появление постоянной наемной армии, оплачиваемых государственных должностей, превращение фороса в вид налога с членов Афинского морского союза, начало правотворчества, превосходящего фиксацию обычного права. Тем не менее, поражение Афин во второй Пелопонесской войне трактуется как завершение «раннегосударственного проекта» в древнегреческом мире.

Аналогичным образом многими антиковедами и специалистами по политической истории интерпретируется и раннеримское общество. Так, например, Е.М. Штаерман, исходя из марксистской интерпретации государства, рассматривала период его появления в Древнем Риме не ранее начала эпохи принципата, позиционируя предыдущий период как безгосударственную гражданскую общину – *civitas* – в которой отсутствовал аппарат принуждения, отчужденный от общества.

О.В. Хархордин, основываясь прежде всего на лингвистическом анализе, смог продемонстрировать, что наша интерпретация термина *res publica* основана, скорее, на современной интуиции государства, в то время как для современников было характерно буквальное прочтение слова *res* как: «вещь», «объект собственности». Таким образом, нормальным состоянием римской общины была ситуация, когда сообщество римских граждан (*civitas*) контролирует и получает выгоду от общинной собственности (*res publica*, понимаемая Цицероном как *rei populi*) [22; 23].

Тем не менее, следует подчеркнуть, что современниками полития или республика понимались исходя не из аппарата принуждения, а из аристотелевской концепции «благой жизни» граждан как цели политики. В этом смысле можно, вслед за У. Рансимэном, определить полис как «гражданское государство» [7, p. 264].

Ключевым понятием такого государства становится статус гражданина, который, являясь первичным основанием, производными от которого выступают личная свобода и достоинство, дает право на участие в политической жизни, выраженной в непосредственной и представительной демократии, право на собственность и др. Соответственно, утрата гражданства влечет «поражение» в правах и свободах, обладание которыми детерминировано статусом гражданина полиса.

В этом смысле особо показательно деление граждан в Древнем Риме на *sui iuris* и *alieni iuris*, т. е. находящихся в «своем» и «чужом» праве. Только нахождение в «своем праве», т. е. сумма трех статусов – свобод-

ного, гражданина, и главы семьи – давало полноту всех личных, имущественных и политических прав. «Полное» гражданство в собственном правовом смысле является достоянием только взрослых мужчин, состоявших в военном ополчении и с оружием в руках защищавших интересы полиса. Несовершеннолетние юноши, девушки и женщины, являясь «де юре» свободными гражданами, вместе с тем обладали, говоря современным языком, частичной правоспособностью и были лишены ряда политических и экономических прав. Понимание гражданской свободы противопоставляется в полисе как рабству, так и «несвободе» – безгражданству. Причем если рабы в принципе не рассматривались в качестве людей, воспринимаясь как «говорящие орудия», то иностранцы и люди, лишённые гражданства (метеки в Афинах, периэки в Спарте, Прискиевы латины в Риме), не являясь рабами, вместе с тем не были в правовом отношении равны свободным гражданам и не могли принимать участие в политической жизни. Именно в полисе возникает градация между такими понятиями, как труд и работа.

При этом монолитность гражданской общины вовсе не исключала иерархическое деление внутри нее, что проявлялось в системе классов в Афинах или цензовой системе в Риме. Как показал Пьер Видаль-Накэ, афинская полиция была сообществом именно взрослых вооруженных мужчин, которое противостояло как рабам и негражданам, так и женщинам, ремесленникам и юношам-эфебам, т. е. полиция была также и «гоплитией» [12, с. 60]. Обладая равными правами, граждане, в зависимости от своего имущественного положения, и, как следствие, разной степени участия в общественной жизни и распоряжения общественной собственностью, могли реализовывать свои права с разной степенью интенсивности (например, занимать определенные государственные должности), одновременно неся расходы на общественные нужды. Показательно, что распад классической полисной модели связывается с переходом от организации армии, в которой каждый воин приходил со своим, соответствующим классу или разряду, оружием к стандартизации вооружения и выдаче его за государственный счет. Это способствовало росту численности армии, но разрушало систему связи статуса и интенсивности реализации права, а также создавало основу для формирования частных армий (например, реформы Перикла в Афинах или Гая Мария в Риме) [1].

Работа – удел рабов, деятельность которых не является творческой, осуществляется под воздействием принуждения, предполагает внешний контроль и применение мер негативного воздействия, предусмотренных за невыполнение либо нарушение установленных «свыше» правил рабочего распорядка.

Труд – привилегия свободных граждан, которые вправе выбирать вид и форму трудовой занятости, а также самостоятельно определять ее сроки и конечные результаты. Видами свободного труда являются: военная деятельность, осуществляемая с целью вооруженной защиты полиса, занятие спортом и творчеством, одной из разновидностей которого является философия – выраженная в различных направлениях и течениях «любовь к мудрости». Следует подчеркнуть, что античная философия не является наукой в современном смысле этого понятия. У философов нет формального образования, ученых степеней и званий, отсутствуют научные специальности, обладающие выделенными предметом и методологией, нет специализированных учреждений, занимающихся образовательной и научной деятельностью. Вместе с тем существуют античные философские школы, подобные Платоновской академии, по образцу и подобию которых создаются и функционируют научные школы, в том числе и в наши дни. Суть этих школ заключается в наличии основателя того или иного направления познания, его учеников и учеников учеников. Главное, что отличает античную философскую школу – это наличие общей для различных поколений философов познавательной традиции, выступающей в качестве контекстуальной связующей между различными поколениями исследователей.

Полис: изоморфное пространство, причинность и власть Отца

Немаловажным с точки зрения развития преломления образа государства в общественном сознании является переход к идее изоморфного пространства. На раннем этапе развития полисной культуры доминировали представления о пространстве, близкие к аналогичным образам храмовой эпохи — оно мыслилось как структурированное и негомогенное. Так, например, учение пифагорейцев четко выделяет в пространстве дихотомии верх-низ, правое-левое и соответствующие им доброе-злое, мужское-женское и т. д. Тем не менее, уже в позднем пифагорействе Филолая и диалоге Платона «Тимей» пространство предстает как гомогенное и изоморфное (используется образ шара) [12, с. 36]. В свою очередь,

это вело к отказу от деления пространства на «свое» и «чужое». Полис превращался из точки в физическом пространстве в точку в пространстве социальном, которая могла свободно перемещаться в физическом мире. Он существовал там, где существовала гражданская община мужчин-воинов – своеобразная «странствующая республика» [6, р. 207], описанная в «Анабасисе» Ксенофонта и воплотившаяся в армии-государстве Александра Македонского.

Философия сыграла важнейшую роль в перестройке мировоззрения (по крайней мере, в интеллектуальной среде полисного общества) по отношению к пониманию государства, его роли и места в мире. Прежде всего в античной натурфилософии проявляется переход от телеологического сознания храмовой эпохи к айтиологическому [24] поиску первопричины. Поиск первопричины античными мыслителями ведет к развитию двух других важных для формирования образа государства в полисном сознании направлений. Во-первых, это историчность. Наличие причины и следствия неизбежно предполагает наличие процесса, связывающего их, т. е. исторического процесса. Таким образом, государство существует не столько для какой-то цели, сколько по какой-то причине его существование становится объективным и предопределенным историческим процессом. Историчность сознания породила характерный для античной мысли фатализм [19, с. 93].

Одновременно поиск первопричины физического мира обозначил переход от монизма к плюрализму, найдя высшее воплощение в ультраплюрализме Демокрита из Абдер, который считал, что каждому объекту соответствует первооснова [23, с. 43]. В политическом смысле сочетание историзма и плюрализма приводило к признанию многообразия государственных форм и оценки их с позиций консеквенционализма, что особенно ярко проявилось в идеях, приписываемых софистам Горгию и Калликлу [23, с. 59–62]. С позиций консеквенциалистской этики функцией государства становилось не поддержание некоего идеального общественного порядка, орто-праксии (что невозможно, поскольку формы такого порядка историчны и плюралистичны), но обеспечение наибольшего «общественного блага», «благой жизни» полиса, что становится идеальной функцией полиса как гражданского государства, согласно Аристотелю.

Тем не менее, с появлением школ эпикурейцев, и особенно стоиков, основой моральной философии становится «этика добродетели» или

аретология, противостоящая как деонтологической морали, характерной для храмового сознания, так и консеквенциализму софистов и натур-философов. В рамках такого подхода тесная связь морального кодекса и права, по сути, отождествляющая нормы морали и закона, характерная для деонтологии храмового сознания (классическим примером здесь служат нормы Пятикнижия Моисеева), заменяется концепцией справедливости, в которой закон вполне может не соответствовать справедливости. Так, Цицерон в «О законах» обосновывает как логически, так и примерами различие между *aequitas* (справедливостью) и *lex* (позитивным законом) (О законах, кн. I, XV (42)) [20]. Таким образом, можно утверждать, что в рамках полисного сознания происходит выделение абстракций права как воплощения добродетели справедливости и права как комплекса реально существующих норм и правил, подкрепленных авторитетом власти. Сочетание деонтологии, аретологии и консеквенциализма привело к пониманию преступления, близкому к современному, в котором имеют значение нарушение формальной нормы (деонтология), злые намерения (аретология) и преступные последствия (консеквенциализм).

Если обратиться к идеальным моделям Кожева, то стремление к поиску причины, т. е. обращенность к прошлому, позволяет утверждать, что для античной мысли идеальным типом власти является власть Отца. Это ярко проявляется в «Политике» Аристотеля, который как раз рассматривает семью (и, соответственно, отцовскую власть) как первопричину государства (Политика, кн. I, 6) [8].

В отношении формирования политического пространства плюрализм полисного сознания вел к признанию возможности существования альтернативных «разумных миров» – ойкумен. За пределами ойкумены располагался «мир варваров». Такая схема мироустройства отражала характерное для полисного сознания деление античного сообщества на свободных граждан – и свободных «чужих» (иностранцев, варваров) – рабов.

Заключение

Сравнение двух циклов развития государственной идеи в начале ее становления показывает как наличие сходных черт, свидетельствующих об эволюционной связи двух форм, так и различий, свидетельствующих об их самостоятельности. При этом взаимопроникновение основных эле-

ментов структуры мировоззрения, таких как восприятие пространства, чистого типа власти, причинности и целеполагания, монизма или плюрализма мира показывает, что сознание отсеивало идеи, соответствующие конкретному историческому моменту и потребностям общества на конкретном этапе исторического развития. Работая своеобразным ситом идей, социальная структура и общественная культура формировали образы сознания, наполнявшие смыслом понятия права и государства.

Список литературы

1. Gabba E. Republican Rome, the Army and the Allies. San-Francisco: University of California Press, Berkeley CA, 1976. 281 p.
2. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
3. Graeber D. Debt: The First 5000 Years. New York: Melville House, 2012. 544 p.
4. Grierson P. The Origins of Money. London: Athlone Press. 1977. 44 p.
5. Hudson M. The archeology of money: debt vs. barter theories of money // Credit and State Theories of Money. Cheltenham: Edward Elgar Press, 2004. 288 p.
6. Pritchett W.K. The Greek State at War. In 5 vols. Vol II. Berkley, Los Angeles. 1975. 326 p
7. Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead End // The Greek City from Homer to Alexander / ed. by O. Murray, S.F.R. Price. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1990. 372 p.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. IV / пер. и общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
9. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 369 с.
10. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 235–258.
11. Вен П. Греки и мифология: Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003.
12. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. 419 с.
13. Гуляев В. И. Города-государства древних майя // Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана» / отв. ред. В. М. Массон. Л., 1977.
14. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2015. 576 с.
15. Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-Классика, 2003. 320 с.
16. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 546 с.
17. История Древнего Востока: в 3 т. / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Неровной, И.Д. Свенцицкой. Том I: Ранняя древность / отв. ред. И.М. Дьяконов. М.: Наука, 1989.

18. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
19. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
20. Марк Туллий Цицерон. Диалоги / пер. В.О. Горенштейна / науч. ред. И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко. М.: Ладомир; Наука, 1994. 223 с.
21. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. I: Античность. СПб.: Петрополис, 1997. 336 с.
22. Хархордин О.В. Почему *res publica* – не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики // Современная республиканская теория свободы / под ред. Е. Рощина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 137–180.
23. Хархордин О.В. Республика или Дело публики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 162 с.
24. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
25. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Том I: от каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. 464 с.

References

1. Gabba, E. (1976). *Republican Rome, the Army and the Allies*. San-Francisco: University of California Press, Berkeley CA. 281 p.
2. Geertz, C. (1973). *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
3. Graeber, D. (2012). *Debt: The First 5000 Years*. New York: Melville House. 544 p.
4. Grierson, P. (1977). *The Origins of Money*. London: Athlone Press. 44 p.
5. Hudson, M. (2004). *The archeology of money: debt vs. barter theories of money. Credit and State Theories of Money*. Cheltenham: Edward Elgar Press. 288 p.
6. Pritchett, W.K. (1975). *The Greek State at War*. In 5 vols. Vol II. Berkley, Los Angeles. 326 p.
7. Runciman, W.G. (1990). *Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead End. The Greek City from Homer to Alexander*. ed. by O. Murray, S.F.R. Price. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press. 372 p.
8. Aristotel'. *Sochineniya [Aristotle. Works]*. (1983). V 4 t. T. IV. *Perevod i obshch. red. A. I. Dovatura*. Moscow: Mysl'. 830 p. (In Russian)
9. Assman, YA. (1999). *Egipet: teologiya i blagochestie rannej civilizacii [Egypt: theology and piety of early civilization]*. Moscow: Priscel's. 369 p. (In Russian)
10. Berent, M. (2000). *Bezgosudartvennyj polis: rannee gosudarstvo i drevnegrecheskoe obshchestvo [Stateless policy: early state and ancient Greek society]*. *Al'ternativnye puti k civilizacii - Alternative paths to civilization*. Moscow: Logos. pp. 235–258. (In Russian)
11. Ven, P. (2003). *Greki i mifologiya: Opyt o konstituiruyushchem voobrazhenii [Greeks and mythology: Experience about the constitutive imagination]*. Moscow: Izdatel'skij dom Iskusstvo. (In Russian)
12. Vidal'-Nake, P. (2001). *CHernyj ohotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire [Black hunter. Forms of thinking and forms of society in the Greek world]*. Moscow: Ladomir. 419 p. (In Russian)

13. Gulyaev, V.I. (1977). Goroda-gosudarstva drevnih majya [Cities-states of the ancient Maya]. Drevnie goroda [Ancient cities]. Materialy k Vsesoyuznoj konferencii «Kul'tura Srednej Azii i Kazahstana». Leningrad. (In Russian)
14. Dozhdev, D.V. (2015). Rimskoe chastnoe parvo [Roman private law]. Moscow: Norma. 576 p. (In Russian)
15. Emel'yanov, V.V. (2003). Ritual v Drevnej Mesopotamii [Ritual in Ancient Mesopotamia]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika. 320 p. (In Russian)
16. Zenkin, S.N. (2012). Nebozhestvennoe sakral'noe: teoriya i hudozhestvennaya praktika [Non-artistic sacred: theory and artistic practice]. Moscow: Izd-vo RGGU. 546 p. (In Russian)
17. Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient East]. (1989). V 3-h tomah / pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Nerovnoj, I.D. Svencickoj. Tom I: Rannyyaya drevnost' / otv. red. I.M. D'yakov. Moscow: Nauka. (In Russian)
18. Kozhev, A. (2006). Ponyatie vlasti [The concept of power]. Moscow: Praksis. 192 p. (In Russian)
19. Losev, A.F. (1988). Derzanie duha [Daring of spirit]. Moscow: Politizdat. 366 p. (In Russian)
20. Ciceron, M.T. (1994). Dialogi [Dialogues]. perevod V.O. Gorenshtejna, nauch. red. I.N. Veselovskij, V.O. Gorenshtejn i S.L. Utchenko. Moscow: Ladomir, Nauka. 223 p. (In Russian)
21. Reale, Dzh., Antiseri, D. (1997). Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei [Western philosophy from its origins to the present day]. V 4 tomah. T. I: Antichnost'. St. Petersburg: TOO TK «Petropolis». 336 p. (In Russian)
22. Harhordin, O.V. (2015). Pochemu res publica – ne gosudarstvo: grammatika stoikov i diskursivnye praktiki Cicerona v ego teorii respubliki [Why res publica is not a state: the grammar of the Stoics and the discursive practices of Cicero in his theory of the republic]. Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody [Modern republican theory of freedom]. pod red. E. Roshchina. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. pp. 137–180. (In Russian)
23. Harhordin, O.V. (2020). Respublika ili Delo publiki [Republic or Public Affairs]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 162 p. (In Russian)
24. Hyubner, K. (1996). Istina mifa [Truth of myth]. Moscow: Respublika. 448 p. (In Russian)
25. Eliade, M. (2002). Istoriya very i religioznyh idej [History of faith and religious ideas]. Tom I: ot kamennogo veka do Elevsinskih misterij. Moscow: Kriterion. 464 p. (In Russian)

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Ковалев Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: onuphriyphd@gmail.com

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Victor A. Kovalev, Cand. Sci. (Hist.), assistant professor of Legal theory and law enforcement activities department of Law faculty, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: onuphriyphd@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.11.2021

Received: 15 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 347 : 001.895 : 004
DOI 10.35231/18136230_2021_4_86

Экспериментальные правовые режимы как фактор цифровой трансформации инновационной предпринимательской среды

И. В. Бородушко

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Во введении раскрыта актуальность темы исследования и показано место экспериментальных правовых режимов в структуре факторов цифровой трансформации.

В основной части статьи представлено краткое описание истории развития регуляторных (регулятивных) песочниц и дана оценка состояния их правовой базы в России. Отмечены подходы к созданию экспериментальных правовых режимов в странах – участницах ЕАЭС. В статье в обобщенном виде представлена информация о формировании института регуляторных песочниц в Российской Федерации и состоянии организационно-правовых механизмов их запуска.

В заключение определены сильные и слабые стороны происходящих в России процессов в области создания цифровых песочниц и их воздействия на цифровую трансформацию инновационной предпринимательской среды.

Ключевые слова: цифровые инновации, экспериментальный правовой режим, цифровая трансформация, правовая база, эффективность регуляторных (регулятивных) песочниц.

Для цитирования: Бородушко И.В. Экспериментальные правовые режимы как фактор цифровой трансформации инновационной предпринимательской среды // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 86–98. DOI 10.35231/18136230_2021_4_86

Experimental legal regimes as a factor of the digital transformation of the innovative environment

Irina V. Borodushko

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The introduction reveals the relevance of the research topic and shows the place of experimental legal regimes in the structure of digital transformation factors.

The main part of the article provides a brief description of the history of the development of regulatory sandboxes and an assessment of the state of their legal framework in Russia. The approaches to the creation of experimental legal regimes in the EAEU member states are noted. The article summarizes information on the formation of the institution of regulatory sandboxes in the Russian Federation and the state of the organizational and legal mechanisms for their launch.

In the conclusion, the strengths and weaknesses of the processes taking place in Russia in the field of creating digital sandboxes and their impact on the digital transformation of the innovative business environment are identified.

Key words: digital innovation, experimental legal regime, digital transformation, legal framework, effectiveness of regulatory sandboxes.

For citation: Borodushko, I.V. (2021). Eksperimental'nye pravovye rezhimy kak faktor cifrovoj transformacii innovacionnoj predprinimatel'skoj sredy [Experimental legal regimes as a factor of the digital transformation of the innovative environment]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Law Journal*. No 4 (66). pp. 86–98. DOI 10.35231/18136230_2021_4_86 (In Russian).

Введение

Процесс цифровой трансформации современных социально-экономических систем определяется сложным комплексом взаимосвязанных факторов – экономических, правовых, социально-психологических, технологических, управленческих. Многообразны формы проявления факторов каждой группы. Факторы цифровой трансформации могут оказывать как позитивное, так и негативное воздействие. Наиболее часто возникающими проблемными вопросами являются: среди экономических факторов – недостаток финансовых средств; среди правовых – регуляторные барьеры; среди социально-психологических – недостаточный опыт сотрудников; среди технологических – отсталость базовой ИТ-структуры, среди управленческих – слабая разработанность цифровых стратегий.

К числу основных факторов, позитивно влияющих на внедрение цифровых технологий и активизацию инновационной деятельности компаний, следует отнести:

- комплексный подход, дающий синергетический эффект;
- формирование и использование дорожных карт инновационного проекта;

- распространенность платформенного мышления и расширение цифровых инноваций а управлении бизнесом [1; 2; 5; 6];
- создание и применение искусственного интеллекта;
- мониторинг процесса в целях аналитического сопровождения для менеджмента и обеспечения информационной безопасности;
- умение находить и эффективно использовать благоприятные возможности, открывающиеся через новые цифровые технологии;
- практику запуска экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.
- гармонизацию интересов государства, бизнеса, пользователей в ходе правового регулирования информационных правоотношений;
- наличие правового равенства участников отношений, связанных с цифровой трансформацией, которое обеспечивается наличием фактических возможностей использования предоставляемых законом прав.

Особое место в структуре цифровой трансформации принадлежит правовым факторам в силу их специфической природы. По мнению Н. А. Дмитрик, «использование права как социального регулятора в цифровой экономике, ее правовое измерение могут состояться только, если состоялось, то самое зацепление интересов... когда, по Канту, акторы цифровой экономики осознают свою свободу как следствие морального закона в себе» [3, с. 44]. Действительно, проблема правовой свободы в цифровой среде исключительно актуальна. Но иллюзией было бы ожидать, что участники жесткой конкурентной борьбы за рынки, за клиентуру, за первенство в гонке цифровых технологий способны отдавать приоритет «моральному закону в себе». Поэтому исключительно актуальными являются вопросы оптимизации правовых основ цифровой трансформации на национальном и международном уровне.

В данной статье внимание акцентируется на таком новом, актуальном и перспективном инструменте правового регулирования цифровой трансформации инновационных компаний, как экспериментальные правовые режимы (регуляторные песочницы). В работе рассмотрены вопросы истории их возникновения в мире, основы правового регулирования в России, позиции институтов власти, бизнес-сообщества и научной общественности касательно практики внедрения экспериментальных правовых режимов.

История возникновения регуляторных (регулятивных) песочниц

«Песочницы» различных видов как особые механизмы апробации инновационных решений в цифровой среде – новое явление в области взаимодействия бизнеса и институтов власти (регуляторов). Они впервые возникли в мировой практике лишь в середине второго десятилетия XXI в. Цель регуляторных песочниц – «создание безопасной среды технологической и регуляторной отработки инновационных решений»¹.

Наиболее известными являются следующие виды песочниц – цифровые, регуляторные (регулятивные), отраслевые, зонтичные, квазипесочницы, корпоративные, трансграничные, глобальные, оффшорные. Различные модели песочниц разрабатываются в США, Великобритании, ЕС, Франции, Сингапуре, Испании, Гонконге, Индонезии, Швейцарии, Нидерландах, Австралии, Малайзии и др. Наиболее распространенными и перспективными являются регуляторные песочницы. Российская Федерация и страны – члены ЕАЭС ориентированы на развитие регуляторных песочниц, получивших официальное наименование «экспериментальные правовые режимы».

Модель регуляторных песочниц впервые была разработана в Великобритании в 2016 г. Механизм работы регуляторных песочниц имеет свои особенности в разных странах. Единым является общий принцип их функционирования – создание особого режима правового регулирования. Это режим, «позволяющий инновационным компаниям протестировать свои продукты и услуги в контролируемой среде, без риска нарушить финансовое законодательство»². Это означает, что инновационные компании (обычно ИТ-компании) получают возможность провести пилотное внедрение инновационного решения, взаимодействуя с реальными потребителями в рыночных условиях. При этом для бизнеса созданы более комфортные условия, снижаются некоторые риски, а потребителю обеспечена защита его интересов в ходе применения инновационного продукта. Одновременно с этим регулятор, выступающий в качестве инициатора создания песочниц, получает возможность прямого диалога с инвесторами.

¹ Международный опыт применения «песочниц»: доклад. Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/> (дата обращения: 08.11.2021).

² Там же.

Применение регуляторных песочниц рекомендовано Международным союзом электросвязи и ОЭСР в качестве инструмента для достижения успеха в области цифровой трансформации.

Регуляторные песочницы основаны на строго индивидуальном подходе – они создаются под конкретные инвестиционные проекты с участием одной или нескольких компаний. Заявки компаний на создание регуляторной песочницы проходят процедуру оценивания, после которой регулятор принимает решение – заявка удовлетворяется, возвращается на доработку, либо отклоняется. Регулятор определяет по согласованию с инновационной компанией основные условия прохождения тестирования проекта.

Песочницы имеют вполне определенный срок действия (в России до трех лет), после которого происходит выход компании из режима регуляторной песочницы. Цикл регуляторной песочницы включает следующие этапы: 1) подача заявки и ее рассмотрение (заявителями могут быть органы власти, юридические лица, индивидуальные предприниматели); 2) регулятор и компания производят согласование условий, на которых создается песочница; 3) основной этап – тестирование инновационного проекта в реальных условиях рынка. При этом регулятор осуществляет мониторинг и контроль процесса тестирования, производится обмен знаниями между регулятором и компанией; 4) завершение проекта – выход компании из режима песочницы, оценка эффективности проведенного тестирования инновации, согласование с регулятором вопросов о дальнейшей работе компании.

Роль регуляторных песочниц многогранна: инновационная компания проводит тестирование проекта; регулятор получает информацию об инновационных процессах в цифровой сфере и расширяет прямые контакты с бизнесом; предпринимательское сообщество получает пример успешной реализации инновационных проектов в цифровой сфере, что способствует повышению инновационной активности бизнеса.

Привлекательность регуляторных песочниц для бизнеса определяется такими преимуществами в условиях создания инновационного продукта, как экономия на издержках, ускорение всего цикла работ, что обеспечивает компаниям существенные конкурентные преимущества.

Вместе с тем при оценке результатов работы компаний в режиме регуляторной песочницы необходимо учитывать, что регулятивная песочница в структуре рынка является временным искусственным

образованием, для которого были созданы искусственные же индивидуальные преимущества. Тем не менее, по оценкам зарубежных специалистов, практика создания песочниц представляет большую ценность в качестве образца «умного регулирования» процесса цифровой трансформации социально-экономических систем. Важными достоинствами песочниц являются: создание «дружелюбной» среды взаимодействия регулятора и инновационных компаний, формирование новых подходов к регулированию инноваций в цифровой сфере.

Развитие правовой базы регуляторных песочниц в Российской Федерации и ЕАЭС

Нормативно-правовую основу регуляторных песочниц составляет комплекс актов общего и специального регулирования, программы экспериментального правового режима.

Основополагающим правовым актом в области развития регулятивных песочниц в России является принятый в июле 2020 г. и вступивший в силу 28.01.2021 г. Федеральный закон № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ (в редакции от 02.07.2021 г.). Законом определен перечень девяти направлений (отраслей экономики, видов деятельности), по которым могут создаваться экспериментальные правовые режимы. Весьма впечатляющими являются цели введения экспериментальных правовых режимов, в числе которых: формирование новых видов экономической деятельности; расширение ассортимента товаров, услуг, работ; рост эффективности деятельности органов власти; привлечение новых инвестиций в сферу цифровых инноваций и др.

В вышеуказанном законе определены принципы экспериментальных правовых режимов: добровольность, равноправие, прозрачность, безопасность и др. Четко оговорены в законе предельно возможный срок действия песочниц (не более трех лет), необходимые условия их создания, правила прохождения всех этапов песочницы, права и обязанности сторон.

Положения данного закона конкретизированы и раскрыты в 17 подзаконных актах, из них 11 правительственных и шесть Минэкономразвития. Через три месяца после принятия Федерального закона № 258-ФЗ Постановлением Правительства РФ был утвержден перечень применяемых в цифровых песочницах технологий. Перечень охватывает все ключевые

цифровые технологии – нейротехнологии, искусственный интеллект, технологии работы с большими данными, квантовые технологии, робототехнику и сенсорику, технологии распределенного реестра, промышленный Интернет и др.¹

Принятие Федерального закона № 258 определило необходимость внесения изменений в некоторые другие нормативные акты. Поэтому в июле 2021 г. был принят Федеральный закон № 331², предусматривающий изменение некоторых статей законов «О безопасности дорожного движения», «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», «О связи», «О персональных данных», «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», в Воздушный кодекс Российской Федерации.

В ряд статей перечисленных актов были внесены указания на то, что действие требований некоторых статей может быть изменено в соответствии с положениями Федерального закона № 258. Кроме того, было внесено несколько изменений в сам закон: уточнен порядок рассмотрения Правительством РФ инициативных предложений о создании регуляторных песочниц, конкретизирован порядок обезличивания и обработки персональных данных субъектами экспериментальных правовых режимов; предусмотрена невозможность установления экспериментального правового режима, если это может нанести ущерб жизненно важным интересам личности, общества, государства.

Целенаправленное формирование институционального обеспечения регуляторных песочниц явилось первоочередной задачей в области практической реализации положений Федерального закона об экспериментальных правовых режимах. Постановлением Правительства РФ от 07.10.2020 г. № 1618 Минэкономразвития России было определено в качестве уполномоченного федерального органа исполнительной власти,

¹ Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: постановление Правительства от 28.10.2020 г. № 1750.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: федер. закон от 02.07.2021 г. № 331-ФЗ.

осуществляющего деятельность по нормативному правовому регулированию процесса развития экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Распоряжением Правительства РФ № 2790-р от 28.10.2020 г. была определена автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика» в качестве субъекта, представляющего предпринимательское сообщество в области создания и функционирования регуляторных песочниц.

Минэкономразвития в строгом соответствии с закрепленным в нормативных правовых актах регламентом осуществляет организационную деятельность по созданию регуляторных песочниц. После поступления заявки на создание регуляторной песочницы Минэкономразвития проверяет инициатора и представленный пакет документов на предмет соответствия законодательно установленным базовым требованиям. Прошедшее такую проверку предложение направляется на экспертизу в три адреса: отраслевое министерство, органы власти субъекта РФ, где будет проходить эксперимент, в АНО «Цифровая экономика», а также для информирования – в Совет Федерации. Если предложение успешно прошло экспертизу, Минэкономразвития готовит и вносит в Правительство РФ проект постановления об утверждении программы регуляторной песочницы.

После завершения экспериментального правового режима, наиболее ценные инновации могут быть распространены правительством на всю страну, возможность использования инновации закрепляется законодательно.

На 2021 г. запланирован запуск нескольких регуляторных песочниц. Так, в Томской области подготовлен запуск экспериментального правового режима для использования грузовых беспилотных летательных аппаратов (дронов). Также в 2021 г. намечено запустить экспериментальные правовые режимы для цифровых инноваций в области телемедицины, оценки эффективности лекарственных средств, пассажирских беспилотных такси, бизнес-аналитики с применением больших данных.

С большим опережением в сравнении с иными сферами экономики возникла в России регуляторная песочница в банковской сфере. В апреле 2018 г. Центробанком был запущен экспериментальный правовой режим для финансово-технических проектов с применением технологий распределенного реестра, а позже и блокчейн-платформы. Технологии распределенного реестра представляют собой такой способ создания баз

данных, при котором отсутствует единый центр управления и тем самым повышается операционная устойчивость системы распределенного реестра. Благодаря блокчейну – варианту реализации сети распределенных реестров – сокращается количество посредников между сторонами сделки, что уменьшает ее себестоимость, увеличивает прозрачность сделки.

Перспективы развития института экспериментальных правовых режимов определяются готовностью и согласованными действиями бизнеса и регуляторов в деле реализации своих возможностей, прав, обязанностей в области продвижения инновационных цифровых технологий. Как показывает опыт Санкт-Петербурга, существенную роль в этих процессах могут сыграть региональные органы государственной власти. В октябре 2021 г. стало известно, что Правительство Санкт-Петербурга одним из первых в стране инициировало создание рабочей группы, уполномоченной осуществлять подготовку правового поля, способствующего запуску в городе экспериментальных правовых режимов в области цифровых инноваций.

Членами рабочей группы являются представители трех сфер деятельности – государственного управления, предпринимательства, научных исследований. Рабочая группа призвана решать вопросы анализа и экспертизы инновационных проектов заявителей, разрабатывать рекомендации по формированию правового поля для цифровых инноваций. В «портфеле» рабочей группы уже имеется несколько проектов, представленных Санкт-Петербургским государственным университетом (цифровые инновации в системе обследования общественного мнения), компанией «Теокан» (система аэрофотосъемки для обнаружения неправомерного использования территорий, установления границ земельных участков и объектов на них)¹.

В Томской области 13 организаций под эгидой ООО «Региональный оператор "Беспилотные системы"» являются участниками пилотного проекта – регуляторной песочницы, в рамках которой ведется разработка функциональных сервисов с использованием беспилотных большегрузных дронов для аэрофотосъемки, грузоперевозок, сельскохозяйственных

¹ Власти Петербурга создали программу «регуляторных песочниц» для цифровых инноваций. ТАСС. 06.10.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12595813> (дата обращения: 08.11.2021).

работ¹. Уже в 2022 г. беспилотные дроны начнут доставлять грузы весом до 1500 кг в труднодоступные районы, будут контролировать состояние трубопроводов и линий электропередач, выполнять операции «точного земледелия», авиахимические работы. Ожидается, что данный проект даст старт крупномасштабной цифровой трансформации российской логистической системы.

Не оставлены без внимания регуляторные песочницы со стороны представителей научных кругов. Заслуживает внимания подход Д. И. Филиппова, который на примере финансовой сферы рассматривает регуляторные песочницы в контексте более широкой категории – регулирующей среды в целом². Тем самым более полно раскрывается природа экспериментальных регулятивных режимов на фоне всего многообразия механизмов регулирования цифровых инноваций. Интересен выдвигаемый автором тезис о соотношении понятий «регулятивный режим» и «правовой режим». Филиппов Д. И. также отмечает значимость гармонизации методов регулирования цифровых инноваций на межгосударственном уровне для наиболее полного раскрытия потенциала регулятивных песочниц. Он говорит об этом применительно к государствам – членам ЕС. Для России этот вопрос актуален, прежде всего в масштабах ЕАЭС.

Экспериментальные правовые режимы открывают перспективу активизации цифровой трансформации экономики России. Однако российский бизнес, для которого в целом характерна умеренная инновационная активность, пока занимает преимущественно выжидательную позицию в отношении применения в своей практике экспериментальных правовых режимов для тестирования цифровых инноваций. Одной из проблем нормативно-правового обеспечения регуляторных песочниц остается недостаточная проработка вопроса о методике оценки эффективности тестируемых цифровых инновационных проектов [4]. В качестве критериев оценки эффективности регуляторных песочниц могут быть использованы такие показатели, как уровень барьеров к участию в регуляторной песочнице, конкурентоспособность песочниц относительно иных специальных правовых режимов, качество управления рисками и др.

¹ Беспилотным дронам одобрили «цифровую песочницу». Интерфакс. 27.10.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/799940> (дата обращения: 08.11.2021).

² Филиппов Д. И. Теория и методология оценки влияния финансовых инноваций на развитие финансового рынка: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2019. С. 221–222. URL: <http://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2019/06/Philippov.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

Постепенно нарастает интерес к регуляторным песочницам в странах – членах ЕАЭС; в 2018 г. было принято распоряжение Евразийского межправительственного совета № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов (регулятивных песочниц) в рамках реализации цифровой повестки евразийского экономического союза». Высшим экономическим советом ЕАЭС в декабре 2020 г. было принято решение по вопросам развития экономической интеграции до 2025 г. В этом документе по пятому стратегическому направлению евразийской интеграции «Формирование цифрового пространства Союза, цифровых инфраструктур и экосистем» предусмотрен пункт 5.4.3. – «Проработка возможности использования механизма «регулятивных песочниц» при реализации цифровых проектов Союза»¹. В Казахстане ведется работа по подготовке закона о регуляторных песочницах. Национальный банк Казахстана запустил регуляторную песочницу в июле 2018 г. Указом президента Кыргызстана от 29.01.2021 г. предусмотрено развитие в стране регуляторных песочниц.

Заключение

Общей закономерностью является отставание законодательного регулирования от реальных социально-экономических процессов. Разработка цифровых инноваций также опережает формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Инертность законодательства тормозит процесс коммерциализации новых цифровых инноваций. Благодаря созданию экспериментальных правовых режимов отчасти компенсируется эта диспропорция. Цифровые инновационные проекты, проходящие тестирование в режиме регуляторных песочниц, реализуются в ускоренном порядке и, что особенно важно, не подвержены риску возникновения коллизии норм права.

Относительно слабой стороной действующей системы запуска экспериментальных правовых режимов остается незавершенность формирования методического аппарата для поэтапной оценки эффективности проектов цифровых инноваций.

¹ Решение Высшего евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0012/> (дата обращения: 10.11.2021).

Несомненным достоинством принятого порядка формирования экспериментальных правовых режимов является комплексный разносторонний подход к оценкам и принятию решений по поступившим заявкам на создание регуляторной песочницы, обеспечивающий отбор действительно наиболее ценных цифровых инновационных проектов.

Список литературы

1. Бородушко И.В. Тенденции цифровой трансформации в современной России // Путеводитель предпринимателя. 2021. Т. 14. №1. С. 11–20.
2. Бородушко И.В., Кокорин И.С. Развитие нормативно-правовой базы малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 2019. № 1 (55). С. 133–144.
3. Дмитрик Н. А. Цифровая трансформация: правовое измерение // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 28–46.
4. Ефремов А. А., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41–48.
5. Янковская Е.С. Управление международным инвестиционным сотрудничеством в России на этапе перехода к цифровой экономике // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2020. Т. 19. № 14. С. 73–81.
6. Янковская Е.С. Трансформация системы управления бизнесом в Российской Федерации в условиях глобальной цифровизации // Путеводитель предпринимателя. Т. 13. № 2. 2020. С. 37–45.

References

1. Borodushko, I.V. (2021). Tendencii cifrovoj transformacii v sovremennoj Rossii [Trends in digital transformation in modern Russia]. *Putevoditel' predprinimatel'ya – Entrepreneur's Guide*. T. 14. No 1. pp. 11–20. (In Russian)
2. Borodushko, I.V., Kokorin, I.S. (2019). Razvitie normativno-pravovoj bazy malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii [Development of the regulatory framework for small and medium-sized enterprises in the Russian Federation]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1 (55). pp. 133–144. (In Russian)
3. Dmitrik, N.A. (2019). Cifrovaya transformaciya: pravovoe izmerenie [Digital transformation: the legal dimension]. *Pravovedenie – Law*. T. 63. No 1. pp. 28–46. (In Russian)
4. Efremov, A.A., YUzhakov, V.N. (2021). Ocenka rezul'tativnosti i effektivnosti eksperimental'nogo regulirovaniya v sfere cifrovyh innovacij [Assessment of the efficiency and effectiveness of experimental regulation in the field of digital innovation]. *Informacionnoe obshchestvo – Information Society*. No 3. pp. 41–48. (In Russian)
5. Yankovskaya, E.S. (2020). Upravlenie mezhdunarodnym investicionnym sotrudnichestvom v Rossii na etape perekhoda k cifrovoj ekonomike [Management of international investment cooperation in Russia at the stage of transition to the digital economy]. *Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva – Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. T. 19. No 14. pp. 73–81. (In Russian)

6. YAnkovskaya, E.S. (2020). Transformaciya sistemy upravleniya biznesom v Rossijskoj Federacii v usloviyah global'noj cifrovizacii [Transformation of the business management system in the Russian Federation in the context of global digitalization]. *Putevoditel' predprinimatel'ya – Entrepreneur Guide*. Tom 13. No 2. pp. 37–45. (In Russian)

Об авторах

Бородушко Ирина Васильевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID ID: 0000-0001-9213-4126, e-mail: bi08@list.ru

About the author

Irina V. Borodushko, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Civil and International Private Law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9213-4126, e-mail: bi08@list.ru

Поступила в редакцию: 12.11.2021

Received: 12 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

УДК / UDC 347.45/.47(470.620)
DOI 10.35231/18136230_2021_4_99

Способы обеспечения исполнения обязательств по концессионному соглашению на примере Краснодарского края

Л. А. Сухомлинова¹, Н. В. Бобракова², А. С. Плетиков³

*¹Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
Новороссийск, Российская Федерация*

*²Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*³Министерство топливно-энергетического комплекса
и жилищно-коммунального хозяйства Краснодарского края,
Краснодар, Российская Федерация*

Актуальность исследования конструкции концессионных соглашений обусловлена ростом их популярности в правоприменительной практике. В статье предпринята попытка раскрыть особенности правового регулирования, носящие проблемный характер, а также предложить способы их решения.

Сложным в практической реализации данного договора выступает условие о способах обеспечения исполнения обязательств, так как закон содержит противоречивые нормы по данному вопросу. Учитывая общественную значимость, проведя анализ региональных особенностей, с учетом судебной практики на примере Краснодарского края, изучен процесс заключения концессионных соглашений в отношении объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего, холодного водоснабжения и (или) водоотведения.

Рассмотрена проблема заключения указанных концессионных соглашений, а именно формулирование условия о способах обеспечения исполнения обязательств, выдвинуты предложения о внесении изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: концессионное соглашение, теплоснабжение, тепловые сети, концедент, концессионер, обязательства, источники финансирования, банковская гарантия, страхование, залог.

Для цитирования: Сухомлинова Л.А., Бобракова Н.В., Плетиков А.С. Способы обеспечения исполнения обязательств по концессионному соглашению на примере Краснодарского края // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 99–113. DOI 10.35231/18136230_2021_4_99

Ways to ensure the fulfillment of obligations according to the concession agreement on the example of Krasnodar region

Ludmila A. Suhomlinova¹, Natalya V. Bobrakova², Andrey S. Pletikov³

*¹State Maritime University named after Admiral F.F. Ushakov,
Novorossiysk, Russian Federation*

*²Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

*³Ministry of Fuel and Energy complex and Housing
and Communal services of Krasnodar region,
Krasnodar, Russian Federation*

The relevance of the study of the construction of concession agreements is due to the growth of their popularity in law enforcement practice. An attempt is made in the article to reveal the peculiarities of legal regulation that are problematic in nature, as well as to propose ways to solve them.

Difficult in the practical implementation of this agreement is the condition on how to ensure the fulfillment of obligations, since the law contains conflicting norms on this issue. Taking into account the social significance, after analyzing regional features, taking into account judicial practice, using the example of the Krasnodar Territory, the process of concluding concession agreements for heat supply facilities, centralized hot water supply systems, cold water supply and (or) sewerage was studied.

The authors considered the problem of concluding such concession agreements, namely, the formulation of a condition on how to ensure the fulfillment of obligations, put forward proposals to amend the current legislation.

Key words: concession agreement, heat supply, heating networks, concessor, concessionaire, obligations, sources of financing, bank guarantee, insurance, pledge.

For citation: Suhomlinova, L.A., Bobrakova, N.V., Pletikov, A.S. (2021). Sposoby obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv po koncessionnomu soglasheniyu na primere Krasnodarskogo kraya [Ways to ensure the fulfillment of obligations according to the concession agreement on the example of Krasnodar region]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Law Journal*. No 4 (66). pp. 99–113. DOI 10.35231/18136230_2021_4_99 (In Russian).

Введение

Концессионные соглашения выступают одной из самых распространенных форм государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в сфере использования государственной инфраструктуры. Так происходит потому, что частные инвесторы максимально эффективно, в отличие от

государства, используют собственный капитал. Это позволяет, с одной стороны, максимально эффективно использовать объекты концессионных соглашений, так как частные инвесторы заинтересованы в получении прибыли, а с другой стороны, снижает финансовую нагрузку на бюджет, а также минимизирует иные риски, связанные с эксплуатацией сложных инфраструктурных объектов. Более того, успешные проекты в рамках концессионных соглашений позволяют повысить уровень удовлетворенности пользователей общественной услуги и повышают степень доверия граждан к власти.

В целях бесперебойного обеспечения абонентов услугами централизованного теплоснабжения надлежащего качества назрела необходимость в модернизации основного технологического оборудования и тепловых сетей многих муниципальных образований на всей территории Российской Федерации, в том числе в Краснодарском крае.

Так, на территории Краснодарского края функционирует 2801 котельная и 3320 км тепловых сетей (в двухтрубном исчислении). Средний уровень износа объектов теплоэнергетического комплекса составляет порядка 62% (по итогам 2020 г. средний уровень износа котельных – 58%, средний уровень износа тепловых сетей – 65%). Данные цифры – усредненные по региону, и это не означает, что все объекты теплоснабжения имеют такой уровень износа. Однако это говорит о том, что порядка половины объектов сферы жилищно-коммунального хозяйства Краснодарского края полностью выработали свой эксплуатационный ресурс. Большинство объектов теплоснабжения были построены и введены в эксплуатацию еще в 70–80 гг. прошлого века¹.

В связи с тем, что как местные, так и региональный бюджеты ограничены, и не могут обеспечить финансирование мероприятий по модернизации систем теплоснабжения в необходимом объеме, оптимальным вариантом решения данного вопроса является привлечение частного инвестора в рамках концессионного соглашения.

¹ См.: URL:<https://mintekgkh.krasnodar.ru/activity/teploenergetika/modernizatsiya-sistem-teplosnabzheniya> (дата обращения: 29.10.2021).

Правовая основа и практика заключения концессионных соглашений в Краснодарском крае

Идея ГЧП в сфере использования государственной инфраструктуры как один из вариантов для решения конкретных социально-экономических задач развития общества уже пользуется теоретической поддержкой [3]¹, однако правовая основа, особенно в области общественных услуг, находится в стадии становления [8].

Характеризуя ГЧП как общественно значимые проекты, В.Г. Варнавский определяет ГЧП в качестве институционального и организационного альянса между государством и бизнесом в целях реализации национальных и международных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ до обеспечения общественных услуг [1, с. 11]. По мнению О.А. Макаровой, этим же признакам в полной мере отвечает концессионное соглашение [4].

С 1 января 2017 г. к объектам концессионного соглашения отнесены объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем².

Необходимость передачи таких объектов по концессионным соглашениям обуславливается их спецификой, так как модернизацию этих объектов инфраструктуры целесообразно осуществлять на основе разделения затрат, рисков и обязательств между органами власти и бизнеса в рамках концессионных соглашений [5, с. 113].

Вопросы заключения и исполнения концессионных соглашений регулируют как федеральное законодательство, так и законы субъектов Российской Федерации. Региональные власти активно принимают участие в заключении концессионных соглашений [6].

Так, в Краснодарском крае порядок согласования концессионных соглашений, объектами которых выступают сети теплоснабжения, централизованные системы горячего, холодного водоснабжения и (или)

¹ Самигулин Р. Р. Концессионные механизмы развития регионов: дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях»: федер. закон от 03.07.2016 № 275-ФЗ // СЗ РФ. 04.07.2016. № 27 (Ч. I). Ст. 4208.

водоотведения, отдельные объекты таких систем и концедентом по которым выступают муниципальные образования Краснодарского края, а третьей стороной является Краснодарский край, определяется постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 31 января 2019 г. № 40. Согласно указанному порядку проект концессионного соглашения должен быть согласован с Министерством ТЭК и ЖКХ Краснодарского края, РЭК – департаментом цен и тарифов Краснодарского края, департаментом инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края, правовым департаментом администрации Краснодарского края, управлением делами администрации Краснодарского края, первым и курирующим заместителями главы администрации (губернатора) Краснодарского края, и только после этого передается на подпись губернатору¹.

Начиная с 2020 г. на территории Краснодарского края заключено 13 концессионных соглашений в отношении систем теплоснабжения и горячего водоснабжения, в том числе:

муниципальное образование Ейский район (№ 42 от 31.07.2020) – предельный объем частных инвестиций 481,219 млн р., предельный объем средств концедента – 112,55 млн р., концессионер – ООО «ЦУП ЖКХ», срок реализации – 20 лет;

муниципальное образование Северский район (включая Северское сельское поселение (№ 46 от 31.07.2020), Львовское сельское поселение (№ 47 от 31.07.2020), Черноморское городское поселение (№ 44 от 31.07.2020), Ильское городское поселение (№ 43 от 31.07.2020), Северский район (№ 45 от 31.07.2020) – предельный объем частных инвестиций 222,666 млн р., предельный объем средств концедента – 91,4 млн р., концессионер – ООО «ЦУП ЖКХ», срок реализации – 20 лет;

¹ Об утверждении Порядка согласования исполнительными органами государственной власти Краснодарского края концессионного соглашения, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем и концедентом по которому выступает муниципальное образование Краснодарского края, третьей стороной является Краснодарский край, и о внесении изменений в отдельные постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края: постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 31.01.2019 №40 // Официальный интернет-портал правовой информации (дата опубликования: 06.02.2019. Номер опубликования: 2300201902060009.

муниципальное образование Успенский район (№ 61 от 10.09.2020) – предельный объем частных инвестиций 162,18 млн р., средства концедента не предусмотрены, концессионер – ООО «Мир Энергосервис», срок реализации – 25 лет;

муниципальное образование город Горячий Ключ (№ 73 от 06.10.2020) – предельный объем частных инвестиций 248,854 млн р., средства концедента не предусмотрены, концессионер – ООО «Мир Энергосервис», срок реализации – 14 лет;

Казанское сельское поселение муниципального образования Кавказский район (№ 60 от 10.09.2020) – предельный объем частных инвестиций 2,15 млн р., предельный объем средств концедента – 6,50 млн р., концессионер – ИП Соболев А.М., срок реализации – 14 лет;

муниципальное образование Куцевский район (№ 96 от 18.12.2020) – предельный объем частных инвестиций 191,032 млн р., средства концедента не предусмотрены, концессионер – ООО «Базис», срок реализации – 25 лет;

Куцевское сельское поселение муниципального образования Куцевский район (№ 97 от 18.12.2020) – предельный объем частных инвестиций 65,382 млн р., средства концедента не предусмотрены, концессионер – ООО «Базис», срок реализации – 25 лет.

муниципальное образование Ленинградский район (№ 2 от 14.01.2021) – предельный объем частных инвестиций 322,711 млн р., средства концедента не предусмотрены, концессионер – ООО «СПКК», срок реализации – 20 лет;

муниципальное образование город Краснодар, в отношении объекта теплоснабжения по ул. Новороссийской, 11, 11А в Карасунском внутригородском округе города Краснодара (№ 87 от 30.07.2021) – предельный объем частных инвестиций 841,14 тыс. р., средства концедента не предусмотрены, концессионер – АО «АТЭК», срок реализации – 10 лет¹.

В настоящее время в разной стадии согласования находятся концессионные соглашения в отношении систем теплоснабжения и горячего водоснабжения в Тихорецком, Славянском, Апшеронском, Новопокровском, Усть-Лабинском, Мостовском, Брюховецком, Новокубанском районах, г.-к. Геленджик.

¹ См.: URL: <https://mintekgkh.krasnodar.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

Правовая природа концессионных соглашений

Сегодня, по данным открытых источников, концессия является основной формой реализации проектов государственно-частного партнерства¹.

Отметим, что главным критерием их отнесения, к объектам концессионного соглашения является тот факт, что они нуждаются в создании или реконструкции².

Целесообразность заключения концессионного соглашения обусловлена в первую очередь необходимостью повышения эффективности использования технологического оборудования, снижения потерь тепловой энергии и теплоносителя в распределительных сетях, повышения надежности теплоснабжения и горячего водоснабжения населения, предприятий и учреждений, а также повышения эффективности управления объектами производства тепловой энергии путем создания единой системы диспетчеризации.

Однако с целью обеспечения надлежащего исполнения обязательств по концессионному соглашению концессионер обязан предоставить безотзывную банковскую гарантию, которая должна быть непередаваемой и соответствовать требованиям, утвержденным Правительством Российской Федерации³, и иные разрешенные законом способы обеспечения.

Согласимся с мнением С.О. Постоваловой, что банковская гарантия является наиболее распространенным способом обеспечения исполнения договоров при участии в закупках ..., а законодательные изменения, вступающие в силу с 01.01.2022, приведут к повышению доступности при-

¹ По данным АНО «Национальный центр ГЧП» 2 815 проектов реализуются по концессионным соглашениям (85% от общего количества проектов), а объем частных инвестиций в концессионных проектах превышает 1 трлн руб. (47% от общего объема) // Просто и честно об инвестициях в инфраструктуру и государственно-частном партнерстве в России: аналитический обзор / АНО "Национальный центр ГЧП". М., 2019. С. 19. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/0e4/0e47bb71822ded76d93c0de43386dfb9.pdf> (дата обращения: 10.11.2021)

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.07.2019 № Ф10-2642/2019 по делу № А62-8040/2017.

³ Об утверждении требований к банковской гарантии, предоставляемой в случае, если объектом концессионного соглашения являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем: постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 1188 // Собрании законодательства Российской Федерации от 23 декабря 2013 г. № 51. Ст. 6888.

менения банковских гарантий, используемых в целях обеспечения обязательств для субъектов МСП, а также снимут существующие барьеры для участия в таких закупках [7].

Финансовое обеспечение на первый год действия инвестиционной программы предоставляется концессионером, как правило, не позднее шести месяцев со дня подписания соглашения, а его размер составляет от 2,5 до 10% от инвестиционной программы на календарный год в соответствии с приложением к соглашению, за исключением объектов, создание, реконструкция, модернизация которых производится за счет средств концедента.

Практика заключения концессионных соглашений свидетельствует о том, что на стадии согласования концессионных соглашений в правовом департаменте, а также между концедентом и концессионером часто возникают разногласия по вопросу о том, какой именно способ обеспечения исполнения обязательств применим в сфере теплоснабжения и какими документами должны подтверждаться источники финансирования. В самом названии термина «способы обеспечения исполнения обязательств» выражается функциональная направленность соответствующих мер: создать такие условия, при которых обязательства исполнялись бы надлежащим образом и гарантировался бы имущественный интерес кредитора [9].

Нормативное определение источников финансирования при заключении концессионных соглашений

В законе¹ предусмотрено, что потенциальный концессионер до принятия решения о заключении концессионного соглашения обязан указать источники финансирования деятельности по исполнению данного соглашения и подтвердить возможность их получения. Причем, он должен подтвердить наличие средств или возможности их получения в размере не менее пяти процентов от объема заявленных в проекте концессионного соглашения инвестиций.

Однако законодательство не содержит даже примерного перечня источников финансирования, что приводит к проблемам в правоприменительной практике.

¹ О концессионных соглашениях: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (пп. 3 п. 4.10 ст. 37) // Российская газета. 26.07. 2005. № 161.

Так, например Арбитражный суд Краснодарского края по делу № А32-13890/2021 по исковому заявлению ООО «ГрадиентСтрой» к администрации муниципального образования Ленинградский район о признании незаконным решения администрации муниципального образования Ленинградский район, оформленного протоколом №2 от 13.11.2020 об отклонении заявки истца на проведение конкурса, о признании незаконным постановления администрации муниципального образования Ленинградский район №1181 от 11.12.2020 о заключении концессионного соглашения и понуждению к исполнению обязанности провести конкурс согласно лоту, размещенному 28.09.2020, о признании концессионного соглашения объектов систем коммуникационной инфраструктуры недействительным (ничтожным), решением от 13.09.2021 г. отказал в удовлетворении исковых требований в полном объеме, указав следующее. Как следует из материалов дела, 23.09.2020 в адрес администрации муниципального образования Ленинградский район поступило предложение о заключении концессионного соглашения в отношении объектов теплоснабжения МО Ленинградский район от ООО «СПКК». По результатам рассмотрения данного предложения администрацией МО принято постановление от 25.09.2020 №827 «О принятии решения по результатам рассмотрения предложения о заключении концессионного соглашения». В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» в десятидневный срок на официальном сайте www.torgi.gov.ru было опубликовано извещение № 280920/1494722/01 о приеме заявок о готовности к участию в конкурсе на заключение концессионного соглашения на условиях, определенных в предложении о заключении концессионного соглашения. 06 ноября 2020 в адрес отдела ЖКХ администрации МО почтовым отправлением доставлен пакет документов от ООО «ГрадиентСтрой» (зарегистрирован вх. № 3929 от 6.11.2020 с вложениями). Комиссией по рассмотрению и согласованию проекта концессионного соглашения, утвержденной постановлением администрации МО Ленинградский район от 16.06.2016 №513 (с изм. от 24.09.2020 № 823), рассмотрены поступившие документы на соответствие требованиям ст. 37, 51 Федерального закона от 21.07.2005 №115-ФЗ «О концессионных соглашениях», постановления Правительства РФ от 31.03.2015 №300 «Об утверждении формы предложения о заключении концессионного соглашения с лицом, выступающим с инициативой заключения концессионного соглашения». По результатам анализа представленных заявителем

документов было установлено, что в пакете документов, представленном ООО «ГрадиентСтрой», отсутствовали сведения о наличии средств у займодавец Инфраструктура Инвест Капитал Лимитед, что ставит под сомнение предоставление займа ООО «ГрадиентСтрой», соответственно не гарантирует финансирование мероприятий по предлагаемому к заключению концессионного соглашения. Сведения о наличии у общества иных средств (собственных средств либо заемных средств, выданных кредитной организацией) или возможности их получения в размере не менее 5 процентов объема заявленных в проекте концессионного соглашения инвестиций отсутствуют¹.

Однако существует и иная противоречивая практика рассмотрения указанных споров, что вызвано несовершенством нормативно-правовой базы.

Так, согласно письму ФАС России от 03.03.2021 г. №ГМ/7425/21, договор займа с участием юридического лица может быть заключен по модели как реального, так и консенсуального договора. В первом случае он будет считаться заключенным с момента передачи денежных средств или иного предмета займа, а во втором – с момента достижения соглашения по всем существенным условиям договора. В своем письме ФАС отмечает, что определение «возможности получения денег» в законе о концессионных соглашениях отсутствует, в связи с чем такая возможность может быть обусловлена предоставлением консенсуального займа, в котором займодавец обязуется предоставить денежные средства в будущем.

Некоторые муниципальные образования, а также органы, согласующие проект договора, требуют предоставления банковской гарантии на этапе принятия решения о заключении концессионного соглашения, что, на наш взгляд, является преждевременным по следующим основаниям.

Согласно закону, концессионное соглашение должно включать в себя способы обеспечения исполнения концессионером обязательств по данному договору, размеры предоставляемого обеспечения и срок, на который оно предоставляется². К способам обеспечения исполнения обязательств закон относит предоставление безотзывной банковской га-

¹ См.: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4f6fc4b5-404a-4561-834f-1b788651165f>. (дата обращения: 01.10.2021).

² О концессионных соглашениях: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ // Российская газета. 26.07. 2005. № 161.

рантии, передачу концессионером концеденту в залог прав концессионера по договору банковского вклада (депозита), осуществление страхования риска ответственности концессионера за нарушение обязательств по концессионному соглашению.

В соответствии с законом, по концессионному соглашению, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем, банковская гарантия должна быть непередаваемой и соответствовать утвержденным Правительством Российской Федерации требованиям к таким гарантиям, в том числе к определению величины такой гарантии. Указанная величина подлежит обязательному отражению в концессионном соглашении в виде процентного значения от суммы обязательств концессионера по его расходам на создание и (или) реконструкцию (модернизацию) объекта концессионного соглашения¹.

Исходя из вышеизложенного, законодатель предусматривает обязанность концессионера указать лишь источник финансирования деятельности. Банковская гарантия является способом обеспечения исполнения обязательств, и должна быть представлена в силу закона после подписания, в срок и размере, предусмотренном соглашением сторон.

Предлагаемые изменения в Федеральный закон «О концессионных соглашениях»

С целью решения вышеуказанных проблем, представляется целесообразным внести изменения в пп. 3 п. 4.10 ст. 37 ФЗ-115 «О концессионных соглашениях» изложив его в следующей редакции:

«3) лицо, выступающее с инициативой заключения концессионного соглашения, до принятия решения о заключении этого соглашения обязано указать источники финансирования деятельности по исполнению концессионного соглашения и предоставить в уполномоченный орган подтверждение возможности их получения.

Проверка достаточности собственных средств (имущества) или возможности их получения концессионером, включая полученные им доходы, и оценка удовлетворительности финансового положения осуществляются

¹ О концессионных соглашениях: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (п. 6.1 ч.1 ст. 10) // Российская газета. 26.07. 2005. № 161.

на основании представляемых сведений и документов, подтверждающих источники происхождения указанных средств (имущества).

Для подтверждения информации, указанной концессионером, в зависимости от заявленных видов доходов (имущества) могут предоставляться следующие документы:

- копия бухгалтерского баланса или налоговой декларации по налогу на прибыль юридических лиц (далее – налоговая декларация), предоставляемые в налоговый орган в случаях, определенных законодательством Российской Федерации, заверенная в установленном порядке и содержащая отметку налогового органа о ее регистрации с указанием даты представления. При направлении налоговой декларации по почте дополнительно предоставляется копия квитанции об отправке заказного письма с описью вложения; при передаче в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи – копии квитанции о приеме налоговой декларации в электронном виде, протокола входного контроля налоговой декларации и подтверждения отправки (подтверждение специализированного оператора связи) на бумажных носителях. Отметка налогового органа в этих случаях не требуется;

- выписка по банковскому счету об остатке денежных средств, а также об оборотах за предшествующий год;

- справка банка о предварительном одобрении целевого финансирования на реализацию концессионного соглашения в размере не менее пяти процентов от объема заявленных в проекте концессионного соглашения инвестиций (предельного размера расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения, которые предполагается осуществить концессионером, на каждый год срока действия концессионного соглашения);

- договор займа, кредитный договор или договор ссуды. Консенсуальные договоры, предусматривающие передачу концессионеру денежных средств в будущем, не могут являться подтверждением источника финансирования;

- договор пожертвования, дарения и иные источники безвозмездного получения дохода (субсидии, субвенции, дотации, гранты и др.);

- иные документы, подтверждающие источники происхождения собственных средств (имущества) юридического лица».

Полагаем, что вышеуказанные изменения внесут правовую определенность в правоотношения, возникающие между концессионером и концедентом, а также будут способствовать более широкому применению концессионных соглашений в Российской Федерации.

Заключение

Отметим, что за последние несколько лет отчетливо наблюдается либерализация законодательства о концессионных соглашениях [2, с. 52], особенно в отношении вопросов, касающихся сторон концессионного соглашения и перемене лиц в концессионном соглашении, которым уделяется пристальное внимание. Вопрос о способах обеспечения исполнения обязательств по концессионным соглашениям не получил должной разработки и анализа со стороны органов власти, что затрудняет правоприменительную практику. С другой стороны, популярность концессий в такой экономически и стратегически важной сфере, как эксплуатация объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, возрастает, что неизбежно влечет актуальность предложенных нами поправок.

Полагаем, что эффективная и успешная реализация концессионных соглашений в России, в том числе и в сфере эксплуатации объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, зависит от дальнейшей работы законодателя по совершенствованию нормативно-правовой базы на основе предложений, сформулированных участниками концессионных соглашений.

Список литературы

1. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 312 с.
2. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Баженов А., Воротников А. М., Королев В. А. Государственно-частное партнёрство: теория и практика. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. 288 с.
3. Килинкаров В.В. Актуальные проблемы и тенденции в практике разрешения споров в сфере публично-частного партнерства в России // Вестник экономического правосудия. № 4, апрель 2018. С. 62–103.
4. Макарова О.А. Концессионное соглашение в сфере водоснабжения и водоотведения. Извлечение из книги «Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы: монография» (колл. авт., отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова). М.: Юстицинформ, 2018. 380 с.

5. Мирошников С.Н., Чаркина Е.С. Практика применения концессионных соглашений в свете изменений законодательства в 2016 году // *Управленческое консультирование*. 2017. № 5. С. 112–119.

6. Постников А. Е., Павлушкин А. В., Помазанский А. Е. О полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере инвестиционной деятельности // *Журнал российского права*. 2010. № 7. С. 18–26.

7. Постовалова С.О. Перспективы изменения Закона № 223-ФЗ: Банковские гарантии // *Вестник Института госзакупок*. № 7, июль 2021. С. 7–8.

8. Раздьяконова Н. В. Проблемы правоприменения законодательства о публично-частном партнерстве // *Вестник НГУ. Серия; Право*. 2013. Т. 9. Вып. 2. С. 61–68.

9. Солдатова В.И. Новеллы ГК России о способах обеспечения исполнения обязательств // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 8. С. 92–97.

References

1. Varnavskij, V.G. (2009). *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo* [Public-private partnership]. Moscow: IMEMO RAN. 312 p. (In Russian)

2. Varnavskij, V. G., Klimenko, A.V., Bazhenov, A., Vorotnikov, A. M., Korolev, V.A. (2010). *Gosudarstvenno-chastnoe partnyorstvo: teoriya i praktika* [Gosudarstvenno-chastnoe partnyorstvo: teoriya i praktika]. Moscow: Izdatel'skij dom GU-VSHE. 288 p. (In Russian)

3. Kilinkarov, V.V. (2018). Aktual'nye problemy i tendencii v praktike razresheniya spоров v sfere publichno-chastnogo partnerstva v Rossii [Current problems and trends in the practice of dispute resolution in the field of public-private partnership in Russia]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya – Bulletin of Economic Justice*. No 4. pp. 62–103. (In Russian)

4. Makarova, O.A. (2018). Koncessionnoe soglasenie v sfere vodosnabzheniya i vodootvedeniya [Concession agreement in the field of water supply and sanitation]. Izvlechenie iz knigi «Pravovoe vozdejstvie na ekonomiku: metody, rezul'taty, perspektivy: monografiya» (kollektiv avtorov, otv. red. V.A. Vajpan, M.A. Egorova). YUsticinform. 380 p. (In Russian)

5. Miroshnikov, S.N., Charkina, E.S. (2017). Praktika primeneniya koncessionnyh soglasenij v svete izmenenij zakonodatel'stva v 2016 godu [The practice of applying concession agreements in the light of legislative changes in 2016]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Management consulting*. No 5. pp. 112–119. (In Russian)

6. Postnikov, A.E., Pavlushkin, A.V., Pomazanskij, A.E. (2010). O polnomochiyah organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii v sfere investicionnoj deyatel'nosti [On the powers of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the field of investment activities]. *ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law*. No 7. pp. 18-26. (In Russian)

7. Postovalova, S.O. (2021). Perspektivy izmeneniya Zakona № 223-FZ: Bankovskie garantii [Prospects for changing the Law N 223-FZ: Bank Guarantees]. *Vestnik Instituta goszakupok – Bulletin of the Institute of Public Procurement*. No 7. pp. 7–8. (In Russian)

8. Razd'yakonova, N.V. (2013). Problemy pravoprimereniya zakonodatel'stva o publichno-chastnom partnerstve [Problems of law enforcement on public-private partnership]. *Vestnik NGU. Seriya; Pravo – Bulletin of NSU. Series; Right*. Tom 9, No 2. pp. 61–68. (In Russian)

9. Soldatova, V.I. (2016). Novelly GK Rossii o sposobah obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv [Novella of the Civil Code of Russia on ways to ensure fulfillment of obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No 8. pp. 92–97. (In Russian)

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Сухомлинова Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск, Российская Федерация, e-mail: sukhomlunovalow@gmail.com

Бобракова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Nv.bobrakova@gmail.com

Плетиков Андрей Сергеевич, начальник отдела теплоэнергетики Министерства топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства Краснодарского края, Краснодар, Российская Федерация, e-mail: aple1986@gmail.com

About the authors

Ludmila A. Suhomlinova, Cand. Sci. (Law), Assistant professor of civil and international law, State Maritime University named after Admiral F.F. Ushakov, Novorossiysk, Russian Federation, e-mail: sukhomlunovalow@gmail.com

Natalya V. Bobrakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of State Law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: Nv.bobrakova@gmail.com

Andrey S. Pletikov, Head of department of heat supply Ministry of Fuel and Energy complex and Housing and Communal services of Krasnodar region, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: aple1986@gmail.com

Поступила в редакцию: 13.11.2021

Received: 13 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Статья / Article

УДК / UDC 347.97/.95

DOI 10.35231/18136230_2021_4_114

Управляющая функция методологии судебной экспертизы как одна из основ легитимности заключения о результатах экспертизы в гражданском судопроизводстве

И. В. Юдин

*Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация*

В статье исследуется проблема признания судом заключения о результатах экспертизы недопустимым доказательством по гражданскому делу в связи с игнорированием экспертом методологии судебной экспертизы.

Рассмотрена суть методологии судебной экспертизы. Проведен анализ влияния методологии судебной экспертизы через используемые экспертом методы и методики на легитимность экспертного заключения. Установлено наличие управляющей функции методологии судебной экспертизы в процессе получения такого доказательства, как заключение о результатах экспертизы.

Сформулирован вывод о прямой зависимости легитимности заключения о результатах экспертизы от соблюдения экспертом методологии судебной экспертизы.

Ключевые слова: методология судебной экспертизы; метод судебной экспертизы; методика судебной экспертизы; заключение о результатах судебной экспертизы.

Для цитирования: Юдин И. В. Управляющая функция методологии судебной экспертизы как одна из основ легитимности заключения о результатах экспертизы в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 114–125. DOI 10.35231/18136230_2021_4_114

The managing function of the forensic examination methodology as one of the foundations of the legitimacy of the conclusion on the results of the examination in civil proceedings

Igor V. Iudin

*Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation*

The article examines the problem of the court's recognition of the conclusion on the results of the examination as inadmissible evidence in a civil case due to the expert's ignorance of the judicial examination methodology.

The essence of the methodology of judicial examination is considered. The analysis of the influence of the methodology of judicial examination through the methods and techniques used by the expert on the legitimacy of the expert opinion is carried out. It has been established that there is an administrative function of the judicial examination methodology in the process of obtaining such evidence as a conclusion on the results of the examination.

A conclusion is made about the direct dependence of the legitimacy of the conclusion on the results of the examination on the expert's compliance with the methodology of the judicial examination.

Key words: methodology of forensic examination; method of forensic examination; forensic examination technique; conclusion on the results of the forensic examination.

For citation: Iudin, I.V. (2021) Upravlyayushchaya funkciya metodologii sudebnoj ekspertizy kak odna iz osnov legitimnosti zaklyucheniya o rezul'tatah ekspertizy v grazhdanskom sudoproizvodstve [The managing function of the forensic examination methodology as one of the foundations of the legitimacy of the conclusion on the results of the examination in civil proceedings]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 114–125. DOI 10.35231/18136230_2021_4_114 (In Russian).

Введение

При рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции Российской Федерации на современном этапе активно применяется такое доказательство, как заключение о результатах экспертизы. Важность этого доказательства трудно переоценить, поскольку именно в такой процессуальной форме суд использует специальные узкопрофильные познания, которыми не обладает сам, но которые необходимы для разрешения гражданского спора. Вместе с тем выводы эксперта могут быть приняты судом как допустимое доказательство только при условии соблюдения всех процессуальных и методологических норм. В этом смысле методология судебной экспертизы заслуживает пристального внимания и изучения, в том числе и через призму управляющего воздействия этой методологии на эксперта.

Общее понятие методологии, методов и методики судебной экспертизы

Понятие «методология» является достаточно широким и включает в себя как теоретическую, так и практическую часть. С точки зрения теоретической методология изучает процесс научной деятельности с позиции применения научных методов познания, гносеологии, философии. Практическая часть методологии рассматривает методы (специальные, а не общенаучные) и методики, используемые для решения конкретной задачи в определенной области знаний, при этом и методы, и методики должны соответствовать определенному набору критериев, которые могут быть установлены, в том числе нормативными актами.

В ситуации с методологией экспертного исследования логично ориентироваться на прикладное понимание методологии. Как отмечает Т.В. Аверьянова: «... экспертиза – разновидность практической деятельности, опирающейся на науку, но не являющейся научным исследованием»¹. Свою точку зрения она обосновывает сравнением научных и экспертных целей: «Цели применения методов научного исследования обусловлены целями самого этого исследования – познание сущности объектов исследования и на этой основе закономерностей объективной действительности. ... Цели практической деятельности – не открытие объективных закономерностей окружающего мира, не построение теории, не проверка научных гипотез. Ее цели утилитарны, они заключаются в удовлетворении тех или иных потребностей людей, в решении сугубо практических задач»².

Несмотря на использование специальных знаний в сфере различных наук – физики, химии, биологии и т. д., элементы научного исследования в судебной экспертизе ориентированы именно на научно-практическую деятельность. Производство судебной экспертизы не является полноценным научным исследованием, но содержит элементы процесса познания как общенаучные, так и специальные, позволяющие решать конкретные экспертные задачи. В этом смысле отчетливо видна практическая ориентация исследовательской деятельности эксперта, направленная на формирование отдельного доказательства в судебном процессе – заключения о результатах экспертизы, поэтому методологию судебной экспертизы

¹ Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. М.: Норма, 2008. С. 234–235.

² Там же.

следует рассматривать с практической точки зрения как совокупность методов и методик, используемых экспертом, а также принципов и средств организации использования этих методов и методик.

Интерпретацию понятия «метод судебной экспертизы» дает Словарь основных терминов судебных экспертиз. Под методом судебной экспертизы понимается «система логических (или) инструментальных операций, способов, приемов получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом»¹.

Рассматривая методы экспертного исследования, необходимо отметить специфику, которая присуща только им. Принимая во внимание, что конечным результатом экспертного исследования является заключение о результатах экспертизы, используемое как отдельный вид доказательств в гражданском судопроизводстве, методы, применяемые судебной экспертизой, должны соответствовать требованиям законности и этики, отличаться точностью и надежностью результатов. На практике это означает, что различные научные и специальные методы могут использоваться при производстве экспертиз только при условии, что они максимально исключают возможность экспертной ошибки благодаря многократному практическому подтверждению и наличию необходимой законодательной и материально-технической базы для их использования. Таким образом, методы судебной экспертизы должны соответствовать такому критерию, как допустимость.

Тестирование экспертных методов на допустимость проводится, в том числе временем и практикой. Необходимость такого тестирования поддерживается многим исследователями. В частности, рассматривая проблемы допустимости судебной психофизиологической экспертизы, Я.В. Комиссарова отмечает: «Лишь при условии соблюдения научно обоснованных и апробированных практикой стандартов применения полиграфа, заключение эксперта-полиграфолога может быть признано допустимым доказательством по уголовному делу»². Аналогичной точки зрения придерживается Т.Ф. Моисеева [4, с. 174] и др. авторы.

С методами судебной экспертизы неразрывно связаны экспертные методики. Разные авторы дают различные определения этого понятия. Например, А.Р. Шляхов определяет экспертную методику таким образом:

¹ Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: ВНИИСЭ. 1980. С. 43.

² Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учеб. для магистров. М.: Проспект, 2018. С. 134.

«Методика каждого вида судебной экспертизы – это система методов, приемов и технических средств, применяемых для решения конкретных задач в определенной последовательности и учитывающая специфику решаемых вопросов и исследуемых вещественных доказательств» [8, с. 17]. По мнению В.С. Митричева, «Под методикой экспертного исследования понимается целенаправленное и системное использование совокупности приемов и методов, с наибольшей эффективностью, приводящей на практике к решению вопросов определенного рода» [3, с. 18]. В Словаре основных терминов судебных экспертиз методика судебной экспертизы определяется как «... система методов, приемов, технических средств, применяемых при изучении объектов судебной экспертизы для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы»¹.

Приведенные определения методики судебной экспертизы являются достаточно общими. Более конкретное определение предлагает М.Е. Бондарь. Она пишет: «Экспертная методика – это программа решения экспертной задачи, состоящая из последовательных практических и мыслительных операций, направленных на познание свойств и связей исследуемых объектов и предполагающих для этого применение системы определенных методов и средств исследования»².

Таким образом, методы и методики, составляющие методологию судебной экспертизы, систематизируют и упорядочивают исследовательскую деятельность эксперта при производстве судебной экспертизы. При этом методы судебной экспертизы должны быть допустимыми.

Влияние методологии судебной экспертизы на допустимость заключения эксперта как доказательства в гражданском судопроизводстве

Производство судебной экспертизы в рамках гражданского судебного процесса заключается в проведении экспертом исследования для ответа на вопросы, которые поставлены перед ним в определении суда о назначении экспертизы. Вместе с тем специфика такого доказательства, как заключение о результатах судебной экспертизы в гражданском процессе

¹ Словарь основных терминов судебных экспертиз / ред.-сост. Ю.Г. Корухов. М.: СУДЭК, 2009. С. 43.

² Бондарь М.Е. Экспертная методика, как одна из основных категорий теории и практики судебной экспертизы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 10.

предполагает, что исследовательская составляющая должна вписываться в рамки, установленные Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, поскольку в противном случае мнение эксперта не будет иметь соответствующего статуса. Рассуждая об оценке экспертного заключения, Ю.К. Орлов правильно отмечает: «Соблюдение процессуальной формы производства судебной экспертизы – необходимое условие допустимости заключения эксперта как судебного доказательства» [5, с. 6].

Процессуальная составляющая судебной экспертизы тесно переплетена с процедурой проведения экспертизы. Допустимость используемых экспертом методов прямо влияет на допустимость заключения о результатах экспертизы как доказательства. Кроме того, системный подход к проведению экспертного исследования позволяет максимально исключить вероятность экспертной ошибки. Как мы уже установили, упорядочить и систематизировать исследовательскую деятельность эксперта для получения надлежащего доказательства в рамках гражданского судопроизводства позволяет методология судебной экспертизы. Поэтому заключение о результатах судебной экспертизы может рассматриваться судом как отдельный вид доказательств, предусмотренный ст. 55 ГПК РФ, только при условии соблюдения экспертом всех методологических установок и требований.

Данная позиция подтверждается судебной практикой. В частности, Верховный суд Российской Федерации в Определении от 19.09.2018 г. по делу № 26-КГ18-30 мотивировал отмену решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, в том числе тем обстоятельством, что в основу этих судебных решений было положено заключение о результатах судебной почерковедческой экспертизы, проведенной с нарушением требований соответствующей методики¹. Установив несоответствие проведенного экспертного исследования процессуальным и методическим требованиям, Верховный суд Российской Федерации пришел к выводу, что «... указанное экспертное заключение не могло рассматриваться судом как допустимое доказательство, имеющее значение при рассмотрении спора по существу»². Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в апелляционном определении по гражданскому делу №33-18635/17, оставляя в

¹ URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1696186

² Там же.

силе решение суда первой инстанции, отмечала: «... Оценивая указанное заключение эксперта, суд правильно исходил из того, что отсутствуют основания не доверять данному заключению, поскольку оно составлено на основании материалов гражданского дела, с использованием профильной методической и научно-практической литературы, эксперты предупреждены об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения. Выводы экспертов соотносятся с другими доказательствами по делу. Нарушений требований действующего законодательства об оценочной деятельности при его составлении не усматривается»¹. Аналогичная позиция содержится и в других судебных решениях, что позволяет говорить о сформировавшейся судебной практике оценки заключений о результатах экспертизы.

Таким образом, методы и методики, использованные экспертом при выполнении судебной экспертизы, упорядочивают и систематизируют экспертное исследование, обеспечивают его допустимость, а потому исследуются судом при оценке заключения о результатах судебной экспертизы в судебной заседании. Следовательно, можно сделать вывод о прямом влиянии методологии судебной экспертизы на допустимость этого заключения как доказательства.

Управляющая функция методологии судебной экспертизы

Влияние методологии судебной экспертизы на допустимость экспертного заключения как доказательства в гражданском процессе, реализуемое через использование экспертом соответствующих экспертных методов и методик, позволяет выделить управляющую функцию этой методологии.

Экспертная методика устанавливает для эксперта определенные рамки. Методология судебной экспертизы через входящие в нее методы и методики формирует набор обязательных для эксперта предписаний, отступить от которых он не имеет права. В противном случае могут возникнуть сомнения в легитимности заключения о результатах экспертизы.

Именно предписания определяют программу действий или, другими словами, алгоритм действий эксперта. Все предписания принято разделять на альтернативные и категорические, но даже в ситуации с альтернативными предписаниями речь идет не об абсолютной свободе выбора,

¹ URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/e991e773-60e2-419f-b11a-a0604e29bc66?caseNumber=33-18635/17>

а о выборе из нескольких, заранее определенных и утвержденных вариантов. Таким образом, даже альтернативные предписания оставляют эксперту минимальное поле для маневра. Что касается категорических предписаний, то они очевидно устанавливают эксперту строго определенные рамки. При этом, регуляторная функция предписаний может распространяться и на условия применения предусмотренных методикой методов и средств.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что методология судебной экспертизы через регламентацию действий эксперта управляет процессом проведения экспертного исследования.

Рассматривая управляющую функцию методологии судебной экспертизы, вполне логично обратить внимание на три важных момента: унификацию и стандартизацию экспертных методик; важность соблюдения требований к структуре заключения о результатах судебной экспертизы; обязательное использование стандартных экспертных методик как государственными, так и негосударственными экспертами.

Восприятие, с практической точки зрения, экспертной методики как некоего алгоритма действий эксперта предполагает унификацию и стандартизацию этих методик. В этом смысле можно согласиться с позицией О.А. Крестовникова о том, что «Общая характеристика методики как интегративного уровня экспертной деятельности свидетельствует о его особом значении для повышения общего уровня и эффективности института судебной экспертизы. Важным инструментом достижения этой цели является создание и внедрение в практику типовых стандартизированных судебно-экспертных методик. Представляя апробированные технологии судебно-экспертной деятельности, такие методики явятся, с одной стороны, заданными критериями качества научных разработок, и, с другой – критериями судебной оценки произведенных практическими экспертами исследований в качестве судебных доказательств» [2, с. 232].

Тезис о необходимости стандартизации судебно-экспертной деятельности обосновывает С.А. Смирнова [7, с. 263], поддерживают В.Ю. Владимиров и Я.Д. Забродский [1].

Управляющая функция предполагает наличие определенной структуры заключения о результатах экспертизы. Эта структура включает в себя описание объектов экспертного исследования, средств и методов исследования, указания по процедуре, условиям и последовательности применения средств и методов исследования, характеристику возможных

результатов применения средств и методов исследования. Несоответствие заключения о результатах экспертизы этой структуре влечет за собой отсутствие доказательственной силы у этого заключения. Такая позиция изложена, в частности, в Решении от 01.07.2009 г. по делу А14 – 4249/2008/143/3 Арбитражным судом Воронежской области, мотивировавшим отказ в принятии заключения о результатах экспертизы как допустимого доказательства несоответствием этого заключения стандартной структуре, определенной действующим процессуальным законодательством и профильными экспертными нормативными актами¹.

Крайне важным является вопрос обязательности использования стандартных экспертных методик при производстве судебных экспертиз. При общей очевидности данного утверждения, на практике возникают проблемы с использованием надлежащих экспертных методик негосударственными экспертами. Отчасти такое положение дел объясняет В.А. Эпштейн, который отмечает, что «... в настоящее время деятельность негосударственных судебно-экспертных организаций хоть и разрешена законодательством, но практически не регулируется» [9].

Другой составляющей этой проблемы выступает недостаточный уровень профессиональной подготовки экспертов. Вопросы повышения профессиональной компетенции активно обсуждаются сегодня разными авторами, в частности Д.Д. Селюков справедливо отмечает, что «Подготовку специалистов по специальностям судебно-экспертной деятельности необходимо проводить в вузах, составив для каждой специальности учебный план и программы изучаемых дисциплин» [6, с. 466].

Путь к разрешению проблемы обязательности использования стандартных экспертных методик и повышению качества образовательной и профессиональной подготовки экспертов лежит через внесение изменений в профильное законодательство, в частности, через принятие новой редакции ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Таким образом, управляющая методологии судебной экспертизы реализуется через регламентацию процедуры, условий и последовательности применения методики (средств и методов) экспертного исследования, обеспечение правильного и полного описания объектов экспертного исследования и позволяет минимизировать риск экспертной

¹_URL: <https://ras.arbitr.ru>, документ А 14-4249-2008_20090701_Reshenija_i postanovlensya.pdf

ошибки и получить объективное заключение о результатах судебной экспертизы, которое в дальнейшем будет абсолютно легитимным доказательством в судебном процессе.

Заключение

Обобщая изложенное, можно прийти к следующему выводу: методология судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве наделена управляющей функцией, которая необходима для получения легитимного доказательства – заключения о результатах экспертизы. Эта управляющая функция реализуется через совокупность методов и методик, используемых экспертом при проведении исследования для разрешения вопросов, поставленных перед ним в определении суда о назначении экспертизы и включает в себя принципы и средства организации использования этих методов и методик.

Список литературы

1. Владимиров В.Ю., Забродский Я.Д. О необходимости унификации правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. 704 с.
2. Крестовников О.А. К вопросу об унификации и стандартизации судебно-экспертных методик. Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. 704 с.
3. Митричев В.С. Общие положения методики криминалистического идентификационного исследования материалов документов // Тр. ВНИИСЭ. М., 1974. Вып. 9. 185 с.
4. Моисеева Т.Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15–16 января 2014 г.). М.: Проспект, 2014. 272 с.
5. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995. 64 с.
6. Селюков Д.Д. Подготовка научных кадров – проблема развития судебно-экспертной деятельности (на примере судебной автотранспортно-экспертной деятельности). Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. 704 с.
7. Смирнова С.А. Законодательное регулирование судебно-экспертной деятельности // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации

методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 21 января 2016 г. М.: Проспект, 2016. – 352 с.

8. Шляхов А.Р. Предмет и система криминалистической экспертизы // Тр. ВНИИСЭ. М., 1971. Вып. 3. 245 с.

9. Эпштейн В.А. Вопросы регулирования деятельности негосударственных экспертных организаций в гражданском и арбитражном процессах // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. 704 с.

References

1. Vladimirov, V.YU., Zabrodskij, YA.D. (2019). *O neobходимosti unifikacii pravovogo obespecheniya sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii* [On the need to unify the legal support for forensic activities in the Russian Federation.]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennyh usloviyah* [Theory and practice of forensic expertise in modern conditions]. materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow: RG-Press. 704 p. (In Russian)

2. Krestovnikov, O.A. (2019). *K voprosu ob unifikacii i standartizacii sudebno-ekspertnyh metodik* [On the issue of unification and standardization of forensic methods]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennyh usloviyah* [Theory and practice of forensic expertise in modern conditions]. materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow: RG-Press. 704 p. (In Russian)

3. Mitrichev, V.S. (1974). *Obshchie polozheniya metodiki kriminalisticheskogo identifikacionnogo issledovaniya materialov dokumentov* [General provisions of the methodology of forensic identification research of document materials]. Тр. VNIISE. Moscow. Vyp. 9. 185 p. (In Russian)

4. Moiseeva, T.F. (2014). *Novye metody i sredstva v formirovanii novyh vidov sudebno-ekspertnyh issledovanij* [New methods and tools in the formation of new types of forensic research]. *Sudebnaya ekspertiza: metodologicheskie, pravovye i organizacionnye problemy novyh rodov (vidov) sudebnyh ekspertiz* [Forensic expertise: methodological, legal and organizational problems of new genera (types) of forensic examinations]. materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Moskva, 15–16 yanvarya 2014 g.). Moscow: Prospekt. 272 p. (In Russian)

5. Orlov, YU.K. (1995). *Zaklyuchenie eksperta i ego ocenka (po ugolovnym delam)* [Expert's opinion and assessment (in criminal cases)]. Moscow: YUrist. 64 p. (In Russian)

6. Selyukov, D.D. (2019). *Podgotovka nauchnyh kadrov – problema razvitiya sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti (na primere sudebnoj avtodorozhno-ekspertnoj deyatel'nosti)* [Training of scientific personnel is a problem in the development of forensic activities (using the example of judicial road-expert activities)]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennyh usloviyah* [Theory and practice of forensic expertise in modern conditions]. materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow: RG-Press. 704 p. (In Russian)

7. Smirnova, S.A. (2016). *Zakonodatel'noe regulirovanie sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti* [Legislative regulation of forensic expert activities]. *Problemy klassifikacii sudebnyh ekspertiz, sertifikacii i validacii metodicheskogo obespecheniya, standartizacii sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti* [Problems of classification of forensic examinations, certification and validation of methodological support, standardization of forensic expert activities]. Moscow: Prospekt. 352 p. (In Russian)

8. SHlyahov, A.R. (1971). *Predmet i sistema kriminalisticheskoy ekspertizy* [Subject and forensic examination system]. Tr. VNIISE. Moscow. Vyp. 3. 245 p. (In Russian)

9. Epshtejn, V.A. (2019). *Voprosy regulirovaniya deyatel'nosti negosudarstvennyh ekspertnyh organizacij v grazhdanskom i arbitrazhnom processah* [Issues of regulation of the activities of non-state expert organizations in civil and arbitration processes]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy v sovremennykh usloviyah* [Theory and practice of forensic expertise in modern conditions]. materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow: RG-Press. 704 p. (In Russian)

Об авторе

Юдин Игорь Васильевич, соискатель кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация, e-mail: ivyu078@mail.ru

About the author

Igor V. Iudin, aspirant of the Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: ivyu078@mail.ru

Поступила в редакцию: 13.10.2021

Received: 13 October 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 378 : 004.9 : 349

DOI 10.35231/18136230_2021_4_126

Информатизация образования в современных условиях: проблемы теории и практики

А. Ю. Свистунов¹, Ю. А. Свистунов²

*¹Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация,*

*²Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В данной статье изложен анализ цифровизации и информатизации высшего образования в Российской Федерации в современных условиях. Исследование цифровизации образования имеет важнейшее значение для характеристики вектора развития Российской Федерации, поскольку отражает современную ситуацию и динамику.

На основе анализа были выделены важнейшие направления в развитии цифровизации и информатизации образовательного процесса, для которых отмечается весьма перспективная ситуация. На современном этапе представляется особенно важным анализировать цифровизацию и информатизацию образования как один из важнейших факторов повышения качества образования.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» говорится, что «профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности»¹.

© Свистунов А. Ю., Свистунов Ю. А., 2021

¹ Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://study.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1:0>.

Представляется, что именно информатизация и цифровизация образовательного процесса позволит решить все задачи, поставленные перед высшим образованием на современном этапе.

Ключевые слова: высшее образование, совершенствование и гармонизация законодательства, информатизация и цифровизация.

Для цитирования: Свистунов А.Ю., Свистунов Ю.А. Информатизация образования в современных условиях: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 126–137. DOI 10.35231/18136230_2021_4_126

Informatization of education in modern conditions: problems of theory and practice

Aleksey Yu. Svistunov¹, Yuri A. Svistunov²

*¹Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
Krasnodar, Russian Federation,*

*²Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russian Federation*

This article presents an analysis of digitalization and informatization of higher education in the Russian Federation in modern conditions. The study of digitalization of education is of great importance for characterizing the vector of development of the Russian Federation since it reflects the current situation and dynamics.

Based on the analysis, the authors identified the most important directions in the development of digitalization and informatization of the educational process, for which a very promising situation is noted. At the present stage, it seems especially important to analyze the digitalization and informatization of education as one of the most important factors in improving the quality of education.

The Federal Law «On Education in the Russian Federation» states that «vocational education is a type of education that is aimed at acquiring by students in the process of mastering basic professional educational programs of knowledge, skills, skills and the formation of competence of a certain level and volume, allowing a certain area and (or) perform work in a specific profession or specialty».

It seems that it is the informatization and digitalization of the educational process that will make it possible to solve all the tasks set for higher education at the present stage.

Key word: higher education, improvement and harmonization of legislation, informatization and digitalization.

For citation: Svistunov, A.Yu., Svistunov, Yu.A. (2021). Informatizaciya obrazovaniya v sovremennyh usloviyah: problemy teorii i praktiki [Informatization of education in modern conditions: problems of theory and practice]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 126–137. DOI 10.35231/18136230_2021_4_126 (In Russian).

Введение

В XXI в. качественное образование является одной из самых важных сфер человеческой деятельности, которая переплетена со всеми другими областями общественной жизни и оказывает значительное влияние на них.

Информатизация и цифровизация образовательного процесса затрагивает все сферы российского общества, в том числе высшего образования, и направлена в первую очередь на развитие производительных сил и государства в целом. Инновационные и информационные технологии, внедряемые в образовательный процесс, породили объективную необходимость в формулировании и теоретическом обосновании новых принципов и методик в образовании, таких как: становление системы непрерывного образования всех уровней; формирование информационно-образовательного пространства на всей территории государства; внедрение интерактивных, инновационных и информационных форм и методов обучения, а также системы дистанционного обучения на основе цифровизации и информатизации образования.

Особенно остро встал вопрос о применении цифровых образовательных технологий, интерактивных форм обучения в период 2020–2021 гг. в связи с распространением заболеваний, вызванных COVID-19. Это обусловило необходимость «перестраивания» методов и способов преподавания дисциплин с использованием IT-технологий, в то же время реализация проектных практик в системе высшего образования применялась всегда, в большей или меньшей мере, в разных направлениях подготовки и уровнях образования.

Основные направления развития цифровизации российского образования

Поэтапное развитие современного российского образования предполагает целый комплекс мер, направленных на повышение уровня высшего и среднего профессионального образования, внедрение инновационных и порой, революционных методов и форм преподавания. Отметим, что различные исследования о компетентностном подходе в образовании появились в конце 1990-х гг. Среди работ можно выделить исследования В. В. Серикова [9], Е. Я. Коган [3; 4] и др. В 2000 г. во исполнение Федерального закона «Об образовании в Российской Феде-

рации» Министерством образования РФ была принята «Концепция научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации»¹, которая стала базовым документом для определения принципов воздействия качественного и современного образования в процессе обновления и развития государства, потенциала в экономической, социальной, интеллектуальной сфере. Концепция предусматривала «качественную перестройку действующей системы образования; применение инновационных методов».

В 2002 г. была принята новая «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года»². Данный документ устанавливал, что «модернизация образования – это масштабная программа государства, осуществляемая при активном содействии общества». Стратегическим направлением развития профессионального образования является укрепление и модернизация материально-технической базы и инфраструктуры образовательных учреждений, в том числе «путем включения их в глобальную сеть Интернет и локальные информационные сети, оснащение вузов современным оборудованием, приборами, материалами». При этом особое внимание должно уделяться «развитию в российской высшей школе научных исследований и разработок, оказывающих решающее влияние на укрепление кадрового и технологического уровня народного хозяйства страны; информатизации образования и оптимизация методов обучения, активное использование технологий открытого образования; углубление в высшей школе интеграционных и междисциплинарных программ, соединение их с прорывными высокими технологиями». По мнению чиновников Министерства образования РФ, это должно привести к обновлению системы научно-методического обеспечения образования, перестройке организации педагогической науки, преодолению ее оторванности от запросов современного общества.

Таким образом, мы видим стратегическое развитие системы российского образования. К 2022 г. система образования России наряду с традиционными методами и практиками планирует внедрить методы,

¹ О Концепции научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации на 2001–2005 годы: приказ Министерства образования Российской Федерации от 6 июня 2000 года № 1705. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102102212&rdk=&intelsearch>

² О концепции модернизации российского образования на период до 2010 года: приказ Министерства образования РФ от 11 февраля 2002 г. № 393 // Бюллетень Минобразования РФ. 2002. № 2.

использующие информатизацию и цифровизацию, в числе которых различные инновационные подходы, в частности методы объединения коллективного и индивидуального начал в образовании, метод проектной подготовки, междисциплинарного подхода и др. Система образования должна удовлетворять потребности личности и общества в высококачественных образовательных услугах, что предопределяет перспективы экономического, политического и духовного развития страны. Это возможно только в условиях глубокого синтеза теоретической, фундаментальной науки и практических, прикладных технологий, разрабатываемых в отраслях народного хозяйства. Такой синтез не только повысит качество образовательного процесса и получения обучающимися профессиональных знаний, навыков и умений, но и позволит решить вопрос оптимального трудоустройства в соответствии с полученной квалификацией [7, с. 58, 102]. Особенно применение информатизации и цифровизации образования стало актуальным в условиях постпандемической реальности.

Информатизация и цифровизация образования как приоритетные тенденции развития высшего образования в Российской Федерации

В настоящее время, с учетом пандемии и вынужденным внедрением дистанционных форм обучения, в системе высшего образования происходят качественные изменения, направленные на создание органичной среды, создающей условия для обучающихся самостоятельно добывать, обрабатывать и систематизировать информацию, использовать информационные системы для обмена знаниями и умениями как в студенческой среде для совместной деятельности (проектный подход), так и для выполнения контрольных мероприятий в образовательном процессе. Развитию качества образовательного процесса способствует активное применение в последнем качественно новых методов и технологий, в частности активных, интерактивных и компьютерных. Под информатизацией образования понимается сложный процесс обеспечения сферы образования современными информационными технологиями, которые направлены на реализацию педагогических целей обучения и воспитания, принципиально новых, востребованных современным обществом образовательных результатов [6, с. 506]. Развитие и совершенствование этих методов обучения – насущная необходимость в образовательном

процессе России. Эффективные результаты обучения и формирование компетенций у студентов и слушателей могут быть достигнуты с использованием различных активных и интерактивных форм проведения занятий, а также методов организации учебного процесса. Это повлекло за собой необходимость не только переработки государственных образовательных стандартов, но и перевода процесса обучения на новые, прогрессивные методы обучения¹.

Процесс разработки и внедрения информатизации и цифровизации в образовании достаточно многогранен и требует применения специальных знаний и умений. Механическое использование компьютерных технологий не приведет к качественному скачку в повышении качества образовательного процесса, важно не забывать сочетание коллективного и индивидуального подхода к обучаемым, учет их индивидуальности и особенностей преподавания. В связи с этим существенно возрастает роль преподавателя, как руководителя учебного процесса. Следовательно, умелое сочетание традиционных педагогических приемов с качественным использованием информатизации и цифровизации в учебном процессе позволяет быстро и оперативно, а главное, свободно ориентироваться в окружающем информационном пространстве и постоянно повышать качество образования. Современная образовательная политика Российской Федерации предусматривает использовать в качестве одного из направлений системную информатизацию и цифровизацию образования. Это неминуемо сопровождается не только разработкой качественно новых принципов, но и внедрением инновационных методов и технологий в образовательном процессе. Среди последних можно выделить непрерывное образование, основанное на эффективных формах обучения, базирующихся на сочетании «классической» и информационно-дистанционной технологий и методик, а также повышение квалификации и качества профессионального уровня образования. В совокупности это приводит к постоянному развитию личности.

Развитие информационного пространства привело к возникновению новых форм коммуникации, распространению информационно-коммуни-

¹ Мамонов В.В., Свистунова Л.Ю. Применение интерактивных форм в учебном процессе по дисциплине «Конституционное право»: учеб.-метод. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 76 с.

кационных технологий, которые являются все более интересными и востребованными в процессе получения образования и повышения профессионального уровня¹.

Реализация методов информатизации в образовательном процессе позволяет применять индивидуальные траектории обучения, накапливать данные о цифровом следе обучающихся, сочетать теоретические и практические способы в процессе обучения и др. Использование средств и инструментов поисковых систем, например Google, а также различных баз данных в учебном процессе способствует повышению интереса обучающихся к получаемой квалификации и, соответственно, расширяет возможности очного и дистанционного обучения [8, с. 73]. Особая значимость повышений качества цифровизации и информатизации учебной деятельности студентов заключается в его направленности на повышение качества формирования общих и профессиональных компетенций и применение их на практике [10].

Одним из таких методов цифровизации является проектный, который в современной педагогике представляет собой одну из личностно ориентированных технологий обучения, объединяющей в себе исследовательские, поисковые, проблемные подходы, сочетание индивидуальных и групповых траекторий обучения. Данный метод не выступает самостоятельным алгоритмом процесса обучения, но является важным компонентом образовательного процесса, особенно при сочетании традиционного и дистанционного форматов обучения студентов в системе высшего и среднего профессионального образования.

Информационные технологии в современном меняющемся мире играют важнейшую роль для обеспечения открытости в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, повышения их взаимодействия с институтами гражданского общества и развития межгосударственного сотрудничества. Например, для прогнозирования социально-политических и экономических процессов необходимо построить модель этих процессов. Если алгоритм процесса исследования несложный, однокомпонентный, достаточно построить ана-

¹ Вьюшкина Е.Г. Компьютерная технология повышения качества усвоения иноязычной специальной (юридической) лексики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2002. 29 с.

литический анализ модели. В случае многофакторной структуры алгоритма с возможностью цифровой обработки эмпирической информации математическая модель перекладывается на язык программирования, что повышает качество и достоверность исследуемых данных. С использованием математических моделей становится более гибким исследование особенностей политических и правовых процессов с получением качественных результатов исследования и достоверности получения прогнозов на основе технологии обработки числовых данных.

Внедрение в процесс образования и повышения профессионального уровня обучаемых информационных и, в частности, интернет-технологий, сопровождается постоянными поисками применяемых методов и оценки их значения [2, с. 81]. Иногда эти процессы используются в решении конкретных задач, а иногда являются необходимыми мерами применения виртуальной среды к реальным проблемам политической, экономической и правовой жизни общества в современных условиях информационного мира [5, с. 109]. Также представляется, что темпы развития техники и технологий значительно опережают уровень теоретического осмысления опыта использования данного инструментария. Это приводит не только к необходимости повышения цифровой и информационной грамотности участников образовательного процесса, желанию преподавателей и практических работников к применению активных, интерактивных и информационных методов и технологий, но и раскрывает проблемы технического оснащения учебных заведений [1].

Особенно остро стоит вопрос о соотношении авторских прав участников проекта и других совместных форм образовательного процесса в высшем образовании, особенно в технических специальностях. На данном этапе непонятно, каким образом распределять степень участия и профессиональные навыки, полученные студентами при осуществлении единого проекта, а также степень авторства тех или иных выводов, полученных по результатам проектной деятельности. Более того, на сегодняшний момент остается без детального регламентирования вклад преподавателей (особенно, если образовательный процесс носил междисциплинарный характер) в данной деятельности и определение так называемой часовой нагрузки в данную деятельность. Отметим, что если в гуманитарных дисциплинах это возможно распределением нагрузки на курсовые работы, то в технических дисциплинах это представляется невозможным с точки зрения справедливого распределения, поскольку

междисциплинарный подход в проекте не позволит на раннем этапе деятельности определить степень участия и вклада представителей каждого участника (преподавателей, представителей работодателей и студентов) из направлений в достижение результата.

Заключение

Развитие информационного пространства привело к возникновению новых форм коммуникации, распространению информационно-коммуникационных технологий, которые являются все более интересными и востребованными в процессе получения образования и повышения профессионального уровня.

Объективно, что использование в учебном процессе комплекса методических и педагогических методик приведет к повышению качества образовательного процесса. Однако применение в учебном процессе синтеза традиционных и информационных технологий (компьютерных, дистанционных, инновационных и интерактивных методов) позволяет существенно интенсифицировать обучение, повысить уровень индивидуализации образовательного процесса, а также обеспечить осуществление контрольных мероприятий в целях подготовки профессиональных специалистов.

Представляется, что для повышения мотивации в освоении информационных технологий необходимо учитывать сферу научных интересов как студентов, так и преподавательского состава. Современный человек должен уметь владеть огромной, постоянно обновляемой базой данных различного содержания, необходимой для его повседневной, профессиональной и личной жизни, и использовать для этого новейшие технические средства в сфере информации, обладать высокой общей культурой, аппаратом статистического анализа. При этом необходимо учитывать не только огромное количество фактов и явлений, но и постоянно отслеживать динамику, чтобы смоделировать более или менее точный прогноз их развития.

Таким образом, использование ресурсов информации и информатизации в рамках повышения качества образования представляется необходимым условием для формирования профессионала нового уровня – специалиста, способного творчески мыслить, умеющего работать с информацией и учиться самостоятельно, применять дистанционные способы повышения собственного профессионального уровня. Также особый

смысл приобретает способ подачи информации, отвечающей требованиям современного многополярного мира, с обязательным соблюдением основ конституционного строя Российской Федерации.

Список литературы

1. Астафьева И.А. Высшее образование: вектор на проектное обучение // Наука и образование on-line. URL: <https://eee-science.ru/item-work/2020-3020/>
2. Вьюшкина Е.Г. Массовые открытые онлайн-курсы: теория, история, перспективы использования // Изд. Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 78–82.
3. Коган Е.Я. Компетентностный подход и новое качество образования // Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию: материалы семинара / под ред. А.В. Великановой. М., 2001. 59 с.
4. Коган Е.Я., Прудникова В. Реформа образования: региональный потенциал // Образование в документах. 1997. № 13. С. 23–41.
5. Кузнецова В.Е. О системе учебных занятий инновационного формата при подготовке бакалавров // Фундаментальные и прикладные исследования по приоритетным направлениям биоэкологии и биотехнологии: сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции / гл. ред. Е.И. Антонова. 2020. С. 109–113.
6. Осипова С.И., Баранова И.А., Игнатова В.А. Информатизация образования как объект педагогического анализа // Фундаментальные исследования. 2011. № 12 (часть 3) С. 506–510.
7. Проектное обучение. Практики внедрения в университетах / под ред. Л.А. Евстратовой, Н.В. Исаевой, О.В. Лешукова. М., 2018. 152 с.
8. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) [Электронный ресурс]. Эл. изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 398 с.
9. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование: поиск новой парадигмы. М., 1998. 181 с.
10. Шкунова А.А., Плешанов К.А. Организация проектной деятельности студентов в вузе: результаты научного исследования и перспективы развития // Вестник Мининского университета. 2017. № 4.

References

1. Astaf'eva, I.A. (2020). Vysshee obrazovanie: vektor na proektnoe obuchenie [Higher education: a vector for project training]. *Nauka i obrazovanie on-line – Science and education on-line*. URL: <https://eee-science.ru/item-work/2020-3020/> (In Russian)
2. V'yushkina, E.G. (2015). *Massovye otkrytye onlajn-kursy: teoriya, istoriya, perspektivy ispol'zovaniya* [Mass open online courses: theory, history, prospects for use]. Izd. Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Ed. Saratov University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. T. 15. Vyp. 2. pp. 78–82. (In Russian)

3. Kogan, E.YA. (2001). *Kompetentnostnyj podhod i novoe kachestvo obrazovaniya* [Competent approach and new quality of education]. *Sovremennye podhody k kometentnostno-orientirovannomu obrazovaniyu: Materialy seminara* [Modern approaches to competency-oriented education: Seminar materials]. Pod red. A.V. Velikanovoj. Moscow. 59 p. (In Russian)
4. Kogan, E.YA., Prudnikova, V. (1997). *Reforma obrazovaniya: regional'nyj potencial* [Education reform: regional potential]. *Obrazovanie v dokumentah – Education in documents*. No 13. pp. 23–41. (In Russian)
5. Kuznecova, V.E. (2020). *O sisteme uchebnyh zanyatij innovacionnogo formata pri podgotovke bakalavrov* [On the system of training classes of an innovative format in the preparation of bachelors]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya po prioritetnym napravleniyam bioekologii i biotekhnologii* [Basic and applied research in the priority areas of bioecology and biotechnology]. *Sbornik materialov III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / gl. red. E.I. Antonova*. pp. 109–113. (In Russian)
6. Osipova, S.I., Baranova, I.A., Ignatova, V.A. (2011). *Informatizaciya obrazovaniya kak ob"ekt pedagogicheskogo analiza* [Informatization of education as an object of pedagogical analysis]. *Fundamental'nye issledovaniya – Basic research*. No 12 (chast' 3). pp. 506–510. (In Russian)
7. *Proektnoe obuchenie. Praktiki vnedreniya v universitetah* [Project training. Implementation practices at universities]. (2018). Pod red. L.A. Evstratovoj, N.V. Isaevoj, O.V. Leshukova. Moscow. 152 p. (In Russian)
8. Robert, I.V. (2014). *Teoriya i metodika informatizacii obrazovaniya (psihologo-pedagogicheskij i tekhnologicheskij aspekty)* [Theory and Methodology of Informatization of Education (Psychological, Pedagogical and Technological Aspects)]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy. 398 p. (In Russian)
9. Serikov, V.V. (1998). *Lichnostno-orientirovannoe obrazovanie: poisk novoj paradigm* [Personality-oriented education: search for a new paradigm]. Moscow. 181 p. (In Russian)
10. SHkunova, A.A., Pleshanov, K.A. (2017). *Organizaciya proektnoj deyatel'nosti studentov v vuze: rezul'taty nauchnogo issledovaniya i perspektivy razvitiya* [Organization of student design activities at the university: results of scientific research and development prospects]. *Vestnik Mininskogo universiteta – Bulletin of Mininsky University*. No 4. (In Russian)

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Свистунов Алексей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент кафедры комплексных систем водоснабжения, факультет гидромелиорации, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, e-mail: svistunov09@gmail.com

Свистунов Юрий Андреевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: svistunov09@gmail.com

About the authors

Aleksey Yu. Svistunov, Cand. Sci. (Tech.), Assistant professor of complex system of water supply department, hydrotechnical melioration faculty, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: svistunov09@gmail.com

Yuri A. Svistunov, student, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: svistunovyuri99@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.09.2021

Received: 15 September 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Статья / Article

УДК / UDC 343 : 340.130.54

DOI 10.35231/18136230_2021_4_138

Современное состояние предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, как основание для совершенствования уголовного законодательства

Г. Ю. Сокольский

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, в частности сильнодействующих веществ, применяемых в спорте.

Проанализировано современное российское законодательство по вопросам незаконного оборота таких веществ. Изучены списки сильнодействующих и ядовитых веществ, перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Сделаны выводы по совершенствованию уголовного законодательства в области незаконного оборота и других общественно опасных деяний, касающихся сильнодействующих веществ, применяемых в спорте.

Ключевые слова: сильнодействующие вещества, уголовная ответственность, спорт, допинг.

Для цитирования: Сокольский Г. Ю. Современное состояние предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, как основание для совершенствования уголовного законодательства // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 138–151. DOI 10.35231/18136230_2021_4_138

The current state of the subject of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation as a basis for improving criminal legislation

Georgy Yu. Sokolsky

*Pushkin Leningrad State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article deals with issues related to the subject of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, potent substances used in sports.

The modern Russian legislation on the illegal trafficking of such substances is analyzed. The lists of potent and poisonous substances, the list of substances and (or) methods prohibited for use in sports have been studied.

Conclusions are drawn on the improvement of criminal legislation in the field of illegal trafficking and other socially dangerous acts concerning potent substances used in sports.

Key words: potent substances, criminal liability, sport, doping.

For citation: Sokolsky, G. Yu. (2021). Sovremennoe sostoyanie predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 234 UK RF, kak osnovanie dlya sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva [Potent substances used in sports as a subject of Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 138–151. DOI 10.35231/18136230_2021_4_138 (In Russian).

Введение

На сегодняшний день незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, достиг огромных масштабов. Практически в любом тренажерном зале среди опытных атлетов найдутся такие, которые имеют опыт их применения.

В основном это касается анаболических андрогенных стероидов, применение которых в спорте берет свое начало с середины прошлого века. Такие вещества запрещены для использования в современном профессиональном спорте запрещенным списком РУСАДА. Следует отметить, что помимо дисциплинарного существует также и уголовно-правовой запрет на незаконный оборот таких веществ.

С момента возникновения такого запрета в июле 2001 г., список запрещенных препаратов постоянно дополнялся, и спустя 20 лет достиг значительной доли всех сильнодействующих веществ, запрещенных к обороту.

Так, предмет ст. 234 изучали Байдин А.Н. [1], Брусникина О.А. [2], Песков А.Н. [2], Ермаков М.Г. [3], Кухарук В.В. [5], Сулейманова С.Т. [6], Сомов Д.В. [6], Федоров А.В. [7; 8], Чистова Л.Е. [9], Юркина Т.П. [10] и др.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ

Исходя из уголовно-правового анализа ст. 234 УК РФ, предметом данного преступления выступают как сильнодействующие, так и ядовитые вещества.

Перечень таких веществ установлен списком сильнодействующих веществ для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – Список) и списком ядовитых веществ для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, которые утверждены Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964¹.

Список сильнодействующих веществ содержит 96 позиций, список ядовитых – 36 позиций.

Между тем, следует отметить, что списки ядовитых веществ изменялись и дополнялись лишь однажды (1 октября 2012 г.), тогда как список сильнодействующих веществ претерпевал изменения одиннадцать раз (30 июня 2010 г., 22 февраля, 1 октября 2012 г., 4, 26 февраля, 7 ноября 2013 г., 26 сентября 2016 г., 19 декабря 2018 г., 27 мая, 8 ноября 2019 г., 18 сентября 2020 г.).

Это обстоятельство говорит о высокой общественной опасности и распространенности незаконного оборота сильнодействующих веществ.

Кроме того, с развитием фармакологической отрасли появляются все новые препараты, которые при их бесконтрольном применении могут нанести существенный вред здоровью.

Исследователи определяют их как синтетические и природные вещества с обязательным признаком включенности в Список [3, с. 63].

Таким образом, особый интерес представляет именно список сильнодействующих веществ.

Сильнодействующие вещества, применяемые в спорте, как предмет преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ

Анализ списка сильнодействующих веществ показывает, что на 2021 г. из 96 позиций сильнодействующих веществ 72 используются в спорте, что составляет 75 % от всех сильнодействующих веществ.

Между тем, следует отметить, что на 72 сильнодействующих вещества, используемых в спорте, приходится:

65 позиций – анаболические андрогенные стероиды (67,71 %).

¹ Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 2. Ст. 89.

3 позиции – другие анаболические агенты (3,13 %).

1 позиция – модуляторы метаболизма (1,04 %).

3 позиции – другие сильнодействующие вещества, используемые в спорте в основном для похудения (3,13 %).

Полученные данные вызывают научный интерес к определению предмета ст. 234 УК РФ и требуют его новой трактовки.

Кроме того, исторический аспект уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, показывает, что Список, начиная с 2013 г., лишь пополнялся в основном веществами, напрямую используемыми в спорте [6, с. 253].

Так, из 25 внесенных с 2013 г. сильнодействующих веществ 20 составляли вещества, используемые в спорте.

Исследование 76 уголовных дел районных судов Санкт-Петербурга за период с 2011 по 2020 г., по которым был вынесен и вступил в законную силу приговор, показало, что предметом 36 из них были сильнодействующие вещества, применяемые в спорте.

Из данного количества предметом 34 – анаболические стероиды (станозолол, метандиенон, 1-тестостерон и др.), 2 – другие вещества, применяемые в спорте (сIBUTрамин).

Кроме того, не были учтены ранее считавшиеся сильнодействующими, а ныне относящиеся к прекурсорам наркотических средств (эфедрин).

Также, следует отметить, что привлечение к уголовной ответственности за незаконный оборот ядовитых веществ было лишь однажды (из 76 уголовных дел)¹.

Вызывает интерес позиция Калининского районного суда по уголовному делу № 1-559/2016: *«Суд полагает, что обвинение, с которым согласился подсудимый Сирота А.Б., – с учетом изменения обвинения государственным обвинителем в соответствии со ст. 246 ч.8 УПК РФ в сторону смягчения путем исключения из предъявленного органами следствия обвинения тестостерона энантата и нандролона деканоат, так как указанные вещества сами по себе не включены в Список сильнодействующих веществ для целей статьи 234 и других статей УК РФ, утвержденный постановлением Правительства РФ от*

¹ См.: Уголовное дело № 1-670/2018 // Архив Невского районного суда Санкт-Петербурга за 2018 г.

29.12.2007 года № 964, – обосновано, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу»¹. Разумеется, данные вещества сами по себе не включены в Список, однако они содержат в своем составе такие вещества, включенные в Список как 1-тестостерон и нандролон соответственно. Поэтому данная позиция суда представляется не правильной.

К сожалению, мало кто из авторов, исследующих незаконный оборот сильнодействующих веществ, обращал внимание на сложившуюся проблему в области предмета преступления ст. 234 УК РФ, в частности сильнодействующих веществ, тогда как эти вещества на три четверти состоят из запрещённых и используемых в спорте препаратов.

Представляет также интерес сравнение Списка с Перечнем субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230¹ и 230² Уголовного кодекса Российской Федерации, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»² (далее – Перечень).

Данный Перечень очень похож по своей структуре на запрещенный список РУСАДА, но недостаточно полный. Это еще отмечал В.В. Кухарук [5, с. 43]. Кроме того, в нем отображены не все сильнодействующие вещества, применяемые в спорте.

Автору удалось произвести сравнение Списка с запрещенным списком РУСАДА 2021 г., который полностью дублирует запрещенный список WADA, а также с Перечнем.

Так, 65 позиций списка занимают анаболические андрогенные стероиды, которые подпадают под категорию S1 «Анаболические агенты» – «1. Анаболические андрогенные стероиды», либо являются производными этих препаратов (например, метандиенон, оксандролон, станозолол и др.).

¹ Уголовное дело № 1-559/2016 // Архив Калининского районного суда Санкт-Петербурга за 2016 г.

² Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 14. Ст. 2074.

Другие три содержатся в категории S1 «Анаболические агенты» – «2. Другие анаболические агенты» (зеранол, зилпатерол, остарин).

Также одна позиция является модулятором метаболизма и подпадает под категорию S4 «Гормоны роста и модуляторы метаболизма» – «4. Модуляторы метаболизма» (GW1516).

Еще три могут использоваться в спорте, в основном для похудения (2,4-динитрофенол, сибутрамин, цефедрин).

Как отмечается, «анаболические стероиды – это группа стероидных соединений, оказывающих стимулирующее влияние на синтез белка в организме»¹. Именно они оказывают самое негативное воздействие на организм при их неправильном приеме. Это основание заставило законодателя включить их в Список, а ранее, в 2001 г. – в списки ПККН.

Безусловно, на сегодняшний день большая часть Списка (67,71 %) состоит именно из них, что следует учитывать при дальнейшей уголовно-правовой характеристике предмета ст. 234 УК РФ.

Возникает логический вопрос: одинаковую ли общественную опасность несут в себе анаболические стероиды и остальные сильнодействующие и ядовитые вещества? Ответ предельно ясен: степень и характер общественной опасности разный.

Определяя степень общественной опасности анаболических стероидов, следует отметить, что некоторые виды спорта полностью основываются на их применении (например, бодибилдинг) и применяются опытными атлетами для достижения высоких спортивных результатов. Однако их бесконтрольное применение, особенно начинающими атлетами, повышает степень их общественной опасности.

В связи с этим следует отметить, что степень общественной опасности их незаконного оборота, не совпадает, но находится примерно на одном уровне с незаконным оборотом других сильнодействующих и ядовитых веществ.

Для этого есть судебское усмотрение при вынесении обвинительного приговора виновному по ст. 234 УК РФ, поскольку, назначая наказание, суд учитывает характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

¹ Кропотков А.В., Елисеева Е.В., Гельцер Б.И. Запрещенные вещества в спорте и допинговый контроль: учеб. пособие. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 43.

Подобное утверждение не относится к характеру общественной опасности незаконного оборота анаболических стероидов. Это объясняется количеством позиций в Списке и их наличием в запрещенном списке РУСАДА и WADA.

Основываясь на данных списках по состоянию на 2021 г., можно говорить о факультативном непосредственном объекте ст. 234 УК РФ.

Дополнительный факультативный объект ст. 230¹, 230² и 234 УК РФ

Как верно отмечал Н.И. Коржанский, «факультативным непосредственным объектом преступления признается то общественное отношение, которое данное преступление в одних случаях изменяет, а в других нет» [4, с. 82]. Так, осуществляя незаконный оборот сильнодействующих веществ виновный способствует распространению запрещенных в спорте препаратов, употребляя которые, выступающие атлеты нарушают правила спорта.

Таким образом, исходя из анализа предмета преступления, полагаем, что факультативным объектом ст. 234 УК РФ являются общественные отношения в сфере спорта.

Подобным образом выделяются факультативные объекты других общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ¹.

Если конкретизировать эти общественные отношения, то главным и основным будет право соревнующихся атлетов и зрителей на честный, здоровый, а также свободный от допинга спорт. Особенно это касается олимпийских видов спорта, так как их федерации сотрудничают с WADA, и на соревнованиях по таким видам спорта осуществляется допинг-контроль.

Данное положение затрагивает и общественные отношения нравственности, которую определяют в науке уголовного права как «исторически сложившуюся и добровольно принимаемую людьми особую форму общественного сознания в виде совокупности обычаев, взглядов и правил поведения, существование которых детерминировано культурными и духовными традициями данного общества, и отражает господствующие в

¹ См.: Павлов В.Г. Актуальные проблемы уголовного права: учеб. пособие. СПб.: Юридический центр, 2020. С. 87.

сознании большинства его членов представления о добре и зле, справедливости, чести, долге и т.п.»¹.

Кроме того, следует отметить, что данный дополнительный факультативный объект следует выделить также в ст. 230¹ и 230² УК РФ. Основным непосредственным объектом этих преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья лиц, занимающихся спортом (спортсменов), а дополнительным факультативным будут общественные отношения, обеспечивающие право соревнующихся атлетов и зрителей на честный, здоровый, а также свободный от допинга спорт.

Наряду с обозначенным дополнительным, следует заметить, что в ст. 234 УК РФ исследователи выделяли такой факультативный объект, как здоровье личности, сохранность собственности, общественная и экологическая безопасность².

Следует согласиться с данной позицией, однако на момент данных исследований проблема предмета в части его содержания не стояла так остро как сейчас.

Таким образом, возникает проблема совершенствования уголовной ответственности за незаконный оборот и другие деяния, связанные с сильнодействующими веществами, применяемые в спорте.

Проблема совершенствования уголовного законодательства

Проблему законодательного несовершенства ст. 234 УК РФ не раз отмечали в уголовно-правовой литературе [1, с. 129; 3, с. 66; 10, с. 140].

Анализ предмета в области сильнодействующих веществ показал, что 72 из 96 – это сильнодействующие вещества, применяемые в спорте.

Все это позволило нам выделить такой дополнительный факультативный объект, как общественные отношения, обеспечивающие право спортсменов и зрителей на честный, здоровый, а также свободный от допинга спорт.

¹ Старков Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.

² См., например: Ермаков Е.Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 74; Шмелева Е.Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 69.

Подобный дополнительный факультативный объект следует выделить, анализируя ст. 230¹, 230² и 234 УК РФ.

Необходимо заметить, что предмет ст. 230¹ и 230² УК в части субстанций, находящихся в Перечне, содержит препараты, которые уже есть в Списке. Кроме этого, запрещенный список РУСАДА уже включает все эти позиции из Перечня и Списка.

Таким образом, следует говорить о неполноте данных законодательных актов.

Это обстоятельство играет огромную роль в уголовно-правовой защите спорта, а конкретно антидопинговых правил в нем.

Для примера следует обозначить, что в запрещенном списке РУСАДА содержатся слова «включая, но не ограничиваясь следующими», что позволяет выделить наиболее распространённые субстанции, а также неучтенные. Это объясняется тем, что фармакологическая отрасль не стоит на месте, и постоянно происходит поиск и разработка новых препаратов, а так как запрещенный список РУСАДА обновляется лишь раз в один год, это позволяет предотвратить применение абсолютно новейшего препарата, например относящийся к категории S1 «Анаболические агенты» – «1. Анаболические андрогенные стероиды».

Данный прием следует взять на вооружение законодателю при составлении перечня.

Необходимо также отметить, что из-за сходства Перечня и Списка, следует исключить из Списка все позиции, применяемые в спорте, так как для других целей их использовать не представляется возможным. Эти позиции переместить в Перечень, но в новой его редакции, содержащей запрещенные субстанции и методы.

Что касается субстанций, разумно дублировать лишь категорию S1 «Анаболические агенты» и др.

Относительно методов дублировать:

- М. 1. Манипуляции с кровью и ее компонентами.
- М. 2. Химические и физические манипуляции.
- М. 3. Генный и клеточный допинг.

При этом, если с методами все ясно, и уголовная ответственность должна наступать за применение в отношении спортсмена и склонении его к ним, то субстанции в этом Перечне следует добавлять по руководству врачей и фармацевтов по спортивной медицине. Так как, если категория S1 «Анаболические агенты» содержит все вещества, обозначенные

в действующем Списке и применяемые только для спортивных целей, то вещества других категорий могут применяться не только в спорте (например, диуретики, бета-2-агонисты и др.).

Отметим, более того, за незаконный оборот таких категорий, как например S6 «Стимуляторы», по действующему законодательству предусмотрена уголовная ответственность (например, амфетамин, кокаин и др.).

Таким образом, мы можем выделить предмет преступления таких деяний, как применение в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и методов, склонении его к ним, незаконный оборот таких субстанций или оборудования для их производства и нарушение правил их легального оборота.

Логически назревает вопрос об объекте такого преступления.

Основным непосредственным объектом таких деяний будут общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья лиц, занимающихся спортом (спортсменов).

Дополнительным факультативным объектом будут общественные отношения, обеспечивающие право спортсменов и зрителей на честный, здоровый, а также свободный от допинга спорт.

Такие деяния будут граничить с такими видовыми объектами, как общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения, а также безусловно общественные отношения, обеспечивающие охрану общественной нравственности.

Под здоровьем населения в науке уголовного права понимается «состояние жизнедеятельности, которое обеспечивает необходимые условия для выполнения биологических и видоспецифических (общественно-трудовых) функций»¹.

Под общественной нравственностью «исторически сложившуюся и добровольно принимаемую людьми особую форму общественного сознания в виде совокупности обычаев, взглядов и правил поведения, существование которых детерминировано культурными и духовными традициями данного общества, и отражает господствующие в сознании

¹ Надысева Э.Х. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: вопросы современного состояния и совершенствования законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 27.

большинства его членов представления о добре и зле, справедливости, чести, долге и т.п.»¹.

Так, эти деяния наносят вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану здоровья населения. Данное утверждение не вызывает сомнения, поскольку неконтролируемое применение анаболических агентов наносит вред здоровью, его возможности выполнять биологические функции.

Кроме того, эти деяния также посягают и на отношения, обеспечивающие охрану общественной нравственности. Это справедливо, поскольку цели спорта представляют укрепление здоровья, зрелищность соревнований, выявление сильнейшего и т. д.

Применение запрещённых субстанций и методов нарушает честность спортивных соревнований в виде совокупности обычаев, а также установленных в обществе правил поведения.

Само существование этих правил было детерминировано культурными и духовными традициями спортивного общества.

Кроме того, данные правила отражают господствующие в сознании большинства его членов представления о честности и справедливости.

Для уголовно-правовой охраны спорта и здоровья спортсменов следует редактировать уголовный закон и упорядочить уголовную ответственность за совершение следующих деяний в сфере спорта от наиболее общественно опасных к менее общественно опасным:

1. Применение в отношении спортсмена запрещённых субстанций и (или) методов, применяемых в спорте.
2. Склонение спортсмена к использованию запрещённых субстанций и (или) методов, применяемых в спорте.
3. Незаконный оборот запрещённых субстанций, применяемых в спорте.
4. Нарушение правил оборота запрещённых субстанций, применяемых в спорте, и оборудования для их изготовления или переработки.

Данные общественно опасные деяния следует расположить на границе преступлений против здоровья населения и преступлений против общественной нравственности, а именно ст. 239¹, 239², 239³, 239⁴ УК РФ.

¹ Старков Е.А. Указ. соч. С. 13.

Заключение

На сегодняшний день список сильнодействующих веществ содержит большинство позиций, которые применяются в спорте. Кроме этого, уголовным законодательством в 2016 г. в области уголовной-правовой охраны спорта путем введения ст. 230¹ и 230² УК РФ, был разработан специальный перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Так, ни Список, ни Перечень не в полной мере синхронизированы с запрещенным списком РУСАДА, что не дает полноценной уголовно-правовой охраны общественных отношений в области выделенного дополнительного факультативного объекта.

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что уголовное законодательство нуждается в совершенствовании в области незаконного оборота, а также других деяний, связанных с сильнодействующими веществами, применяемыми в спорте.

Список литературы

1. Байдин А. Н. История развития российского уголовного законодательства о борьбе с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ // Общество и право. 2010. № 2. С. 125–129.
2. Брусникина О. А., Песков А. Н. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 31. С. 41–54.
3. Ермаков М. Г. Свойства сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. С. 62–66.
4. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны: монография. М.: Издательство Академии МВД СССР, 1980. 248 с.
5. Кухарук В. В. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе // Право и политика. 2018. № 5. С. 42–51.
6. Сокольский Г. Ю., Сафонов В. Н. Возникновение и развитие уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте // Ленинградский юридический журнал. 2021. №3 (65).
7. Сулейманова С. Т., Сомов Д. В. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. № 3 (19). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/suleymanova_st_somov_dv_17_3_11.pdf (дата обращения: 2 сентября 2020.)
8. Федоров А. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Наркоконтроль. 2007. № 1. С. 11–22.
9. Федоров А. В. Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917–2008 гг.) // Наркоконтроль. 2008. № 2. С. 8–27.

10. Чистова Л. Е. Незаконный сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 135–140.
11. Юркина Т. П. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота допинга // Вестник ОмГУ. Серия Право. 2013. № 1 (34). С. 222–224.

References

1. Bajdin, A.N. (2020). Istoriya razvitiya rossijskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva o bor'be s nezakonnym oborotom sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv [History of the development of Russian criminal legislation on the fight against illicit trafficking in potent and poisonous substances]. *Obshchestvo i parvo – Society and law*. No 2. pp. 125–129. (In Russian)
2. Brusnikina, O.A., Peskov, A.N. (2014). Praktika primeneniya dopinga v professional'nom sporte i posledstviya dlya zdorov'ya sportsmenov [The practice of doping in professional sports and the consequences for the health of athletes]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and safety*. No 31. pp. 41–54. (In Russian)
3. Ermakov, M.G. (2012). Svoystva sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv (st. 234 UK RF) [Properties of potent and poisonous substances (Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii – Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No 3. pp. 62–66. (In Russian)
4. Korzhanskij, N.I. (1980). *Ob'ekt i predmet ugolovno-pravovoj ohrany* [Object and subject of criminal law protection]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii MVD SSSR. 248 p. (In Russian)
5. Kuharuk, V.V. (2018). Substancii i (ili) metody, zapreshchennye dlya ispol'zovaniya v sporte, v ugolovnom zakone [Substances and (or) methods prohibited for use in sports, in criminal law]. *Pravo i politika – Law and politics*. No 5. pp. 42–51. (In Russian)
6. Sokol'skij, G.YU., Safonov, V.N. (2021). Vozniknovenie i razvitie ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnyj oborot sil'nodejstvuyushchih veshchestv, primenyaemyh v sporte [The emergence and development of criminal liability for the illegal trafficking of potent substances used in sports]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No (65). (In Russian)
7. Sulejmanova, S.T., Somov, D.V. (2017). Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie sportsmena k ispol'zovaniyu substancij i (ili) metodov, zapreshchennyh dlya ispol'zovaniya v sporte [Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic scientific journal "Science. Society. The state."*. No 3 (19). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/sulejmanova_st_somov_dv_17_3_11.pdf (data obrashcheniya 2 sentyabrya 2020 g.) (In Russian)
8. Fedorov, A.V. (2007). Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnyj oborot sil'nodejstvuyushchih ili yadovityh veshchestv (st. 234 UK RF) [Criminal liability for illegal trafficking in potent or poisonous substances (Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Narkokontrol' – Drug control*. No 1. pp. 11–22. (In Russian)

9. Fedorov, A.V. (2008). Sil'nodejstvuyushchie i yadovitye veshchestva kak predmet prestupleniya: istoriya i sovremennost' (1917–2008 gg.) [Potent and poisonous substances as a subject of crime: history and modernity (1917-2008)]. *Narkokontrol' – Drug control*. No 2. pp. 8–27. (In Russian)

10. CHistova, L.E. (2013). Nezakonnyj sbyt sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv [Illegal sale of potent and poisonous substances]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No 4. pp. 135–140. (In Russian)

11. YUrkina, T.P. (2013). Ugolovno-pravovaya ocenka nezakonnogo oborota dopinga [Criminal Law Assessment of Illegal Doping]. *Vestnik OmGU. Seriya Pravo – Bulletin of Omsk State University. Series Law*. No 1 (34). pp. 222-224. (In Russian)

Об авторе

Сокольский Георгий Юрьевич, старший преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0109-2424, e-mail: 9964998@gmail.com

About the author

Georgy Yu. Sokolsky, senior Lecturer, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0109-2424, e-mail: 9964998@gmail.com

Поступила в редакцию: 18.11.2021

Received: 18 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 29 December 2021

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья / Article

УДК / UDC 343.163 (470.23-25) : 347.9 – 057.75
DOI 10.35231/18136230_2021_4_152

Надзорная роль органов прокуратуры Санкт-Петербурга в защите прав пенсионеров-должников в исполнительном производстве

И. Л. Саманба

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье ставится цель рассмотреть причины частых нарушений прав пенсионеров-должников судебными приставами-исполнителями, обозначить способы защиты и восстановления нарушенных прав граждан, оценить достаточность правового регулирования данных правоотношений, предложить пути совершенствования правоприменительной практики.

Проводится анализ становления и развития теории социального государства, ее закрепления в конституционном праве зарубежных стран и России. Оценивается роль органов прокуратуры Санкт-Петербурга в сфере защиты прав пенсионеров-должников в исполнительном производстве, исследуется порядок реализации права граждан на обжалование действий должностных лиц службы судебных приставов, описываются способы защиты и восстановления нарушенных прав прокурором. Раскрываются основные проблемные вопросы, возникающие в ходе совершения исполнительных действий в отношении пенсионеров.

В заключение обосновывается целесообразность мер по совершенствованию прокурорской практики и действующего законодательства.

Ключевые слова: социальное государство, органы прокуратуры Санкт-Петербурга, исполнительное производство, судебные приставы, защита прав пенсионеров.

Для цитирования: Саманба И.Л. Надзорная роль органов прокуратуры Санкт-Петербурга в защите прав пенсионеров-должников в исполнительном производстве // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 152–163. DOI 10.35231/18136230_2021_4_152

Supervisory role of the Prosecutor's Office of the city of St. Petersburg in the protection of the rights of retired debtors in enforcement proceedings

Ivan L. Samanba

*Pushkin Leningrad State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

The article aims to examine the causes of frequent violations of the rights of retired debtors by bailiffs, to identify ways to protect and restore violated rights of citizens, to assess the sufficiency of legal regulation of these legal relations, to suggest ways to improve law enforcement practice.

The article analyzes the formation and development of the theory of the social state, its consolidation in the constitutional law of foreign countries and Russia. The role of the St. Petersburg Prosecutor's Office in protecting the rights of retired debtors in enforcement proceedings is evaluated, the procedure for exercising the right of citizens to appeal against the actions of bailiff service officials is investigated, and the ways of protecting and restoring violated rights by the prosecutor are described. The main problematic issues arising during the execution of executive actions against pensioners are disclosed.

In conclusion, the expediency of improving prosecutorial practice and current legislation is substantiated.

Key words: the welfare state, prosecutor's office of the city of St. Petersburg, enforcement proceedings, bailiffs, protection of the rights of pensioners.

For citation: Samanba, I.L. (2021). Nadzornaya rol' organov prokuratury g. Sankt-Peterburga v zashchite prav pensionerov-dolzchnikov v ispolnitel'nom proizvodstve [Supervisory role of the Prosecutor's Office of the city of St. Petersburg in the protection of the rights of retired debtors in enforcement proceedings]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 152–163. DOI 10.35231/18136230_2021_4_152 (In Russian).

Введение

Согласно ст. 7 Конституции РФ 1993 г., «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Важную роль в защите социальных прав граждан, общества и государства играет прокуратура – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России.

Цель настоящей статьи – рассмотреть причины частых нарушений прав пенсионеров-должников судебными приставами-исполнителями, обозначить способы защиты и восстановления нарушенных прав граждан, оценить достаточность правового регулирования данных правоотношений, предложить пути совершенствования правоприменительной практики. Тема участия органов прокуратуры в защите прав граждан в ходе совершения судебными приставами-исполнителями исполнительных действий является актуальной, так как проблемы ущемления прав пенсионеров при взыскании с них долгов, к сожалению, не являются редкими.

Социальное государство: становление и развитие

Основоположником теории социального государства был немецкий социолог и государствовед середины XIX в. Лоренц фон Штейн [5; 8, с. 69–79; 9, с. 5–15; 10, с. 58–61]. Основываясь на диалектическом методе Г.В.Ф. Гегеля, он утверждал, что историческое развитие человеческого общежития совершается «...вследствие воздействия и противодействия между личным и безличным». Личным в общежитии «...является государство... Безличным же ... общество». Л. фон Штейн доказывал, что принцип государства заключается «...в способствовании развитию, т. е. прогрессу, богатству, могуществу и интеллигентности всех отдельных личностей» [14, с. XXVI–XXVIII].

Историческое развитие человеческого общежития может идти либо путем политической реформы, либо революции. Революция, по мнению Л. фон Штейна, это крайнее, но обоснованное и закономерное средство. Однако он отмечал и основное ее противоречие: она «...провозглашает равенство прав всего зависимого класса, но в действительности успех революции служит только одной части его, именно той, которая фактически владеет уже собственностью» [14, с. LXXXIII–LXXXV].

Главной проблемой современности Л. фон Штейн считал социальный вопрос и выступал за социальную реформу. По его мнению, необходимо превращение государства в социальное, миссия которого на уровне управления выражается в двух основных задачах: во-первых, способствовать свободному межклассовому движению, т. е. содействовать труду, не обладающему капиталом, в достижении хозяйственной самостоятельности; во-вторых, помогать тем, кто терпит лишения [14, с. XCIII, CIX–CXIV].

Становление системы социального обеспечения и социальной защиты в государствах Европы происходит в 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. Так, в 1874 г. в Англии был принят закон о 10-часовом рабочем дне, в 1908 г. – о пенсиях по старости, в 1920 г. – о безработице. Обязательное пенсионное страхование вводится в Германии и Франции в 1910 г., в Италии – в 1919 г., в Канаде – в 1927 г., в США – в 1935 г. В Веймарской конституции Германии в 1919 г. и в Конституции Австрии в 1920 г. впервые в конституционном праве были закреплены основные принципы социального государства. В 1930 г. Г. Геллер ввел в оборот термин «социальное правовое государство», акцентировав внимание на государственные гарантии социальных прав граждан [2, с. 64; 6, с. 652].

После окончания Второй мировой войны в странах Западной Европы доктрина социального государства стала пользоваться всеобщим признанием. Впервые термин «социальное государство» (Sozialer Rechtsstaat) появился в Основном законе ФРГ 1949 г., согласно ст. 20 которого «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным правовым федеративным государством». Позднее термин «социальное государство» появился в конституциях Франции (1958), Испании (1978), Польши (1997), Финляндии (1999), Швейцарии (1999) и других стран Европы. В конституционном и международном праве был сформулирован ряд индикаторов социального государства: повышения качества жизни общества и человека; социальное партнерство; социально-экономическое равноправие и фактическое выравнивание положения индивидов и социальных, национальных, иных общностей; социальная справедливость; социально ориентированная экономика; социальная ответственность государства и др. [1, с. 323–333; 12, с. 24–37; 13, с. 72–83]

Согласно одной из господствующих позиций, в современной науке на основе критерия объема государственных расходов и степени, до которой государство освобождает индивидуума от зависимости от рынка путем предоставления всем гражданам высокого уровня социального обеспечения и услуг, различаются три основных типа понимания социального государства: либеральный или «welfare state» (англосаксонские страны); консервативно-корпоративный (страны континентальной Европы); социал-демократический (скандинавские страны) [3, с. 56–60; 7, с. 92; 11, с. 8; 15, р. 28–29].

Защита социальных прав пенсионеров-должников в России

Конституция РФ гарантирует каждому не только право на обращение в органы государственной власти, но и право на обжалование действий их должностных лиц, а также на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями (бездействием). Многочисленные жалобы сторон исполнительного производства в органы прокуратуры Санкт-Петербурга на судебных приставов-исполнителей в процессе совершения исполнительных действий, в том числе в отношении социально незащищенных категорий граждан, обязывают органы прокуратуры активизировать надзорную работу на данном направлении, обеспечив оперативное восстановление нарушенных прав и привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности.

Одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры в соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре РФ» является осуществление надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина¹. Приказом Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. №195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» защита социальных прав граждан на труд, охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение и иных названа приоритетным направлением деятельности прокуратуры². По общему правилу на основании положений ст. 98 и 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве» обращение взыскания на пенсию гражданина-должника не должно превышать 50 % от ее размера³. Как следует из смысла ст. 29 Федерального закона «О страховых пенсиях», на основании исполнительных документов удержано из страховой пенсии может быть не более 50 %, а в исключительных случаях – 70 %⁴.

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 09.11.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-17011992-n-2202-1-/?yclid=18230011375550751350>.

² Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. №195 [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14257>.

³ Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (с изменениями 2019, 2020 гг.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450.

⁴ О страховых пенсиях: федер. закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38043>.

Положения ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» гарантируют неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования гражданина-должника и членов его семьи при совершении исполнительных действий. В кассационном определении от 04.10.2019 №4-КА19-26 Верховный суд РФ тоже высказался о необходимости соблюдения судебным приставом-исполнителем прав гражданина-должника путем сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем, чтобы не оставить их за пределами социальной жизни¹.

На территории Санкт-Петербурга проживает более 5,3 млн граждан, из них 1,3 млн являются пенсионерами, прожиточный минимум для которых с января 2021 г. установлен в размере 10 280,30 руб.², таким образом, минимальный размер пенсии может не превышать указанную сумму³. Учитывая небольшой размер действующей на территории города пенсии – фактически пенсионер-должник после обращения на нее взыскания в размере 50 % получает менее прожиточного минимума, что приводит к обоснованным жалобам в органы государственной власти города и прокуратуры.

Несмотря на вступившие с 01.06.2020 г. изменения в некоторые статьи Федерального закона «Об исполнительном производстве», направленные на невозможность взыскания с гражданина денежных средств, в отношении которых действуют установленные законом ограничения, на практике прогресса в повышении уровня защиты прав пенсионера-должника, к сожалению, не произошло. Как показывает прокурорская практика, судебными приставами-исполнителями при отсутствии иного имущества у пенсионера обращается взыскание на его единственный доход – пенсию в размере 50 % от общей ее суммы.

¹ Кассационное определение Верховного суда РФ от 04.10.2019 №4-КА19-26. [Электронный ресурс]. <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04102019-n-4-ka19-26>.

² Статистика Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/Числ.СПб%20на%2001.01.2020.pdf>.

³ Статистика Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pfrf.ru/knopki/zhizn/~4394>; <https://www.26-2.ru/art/355921-velichina-projitochnogo-minimuma-po-regionam-rf-na-2021-god-tablitsa>.

Об изложенном также свидетельствует большое количество обращений пенсионеров, поступающих уполномоченному по правам человека в Санкт-Петербурге. Например, в июне 2020 г. только после обращений пенсионеров М. и Л., находящихся в трудной жизненной ситуации, к уполномоченному по правам человека в Санкт-Петербурге, последнему удалось через руководство УФССП России по Санкт-Петербургу добиться снижения взысканий с пенсий граждан до 10%¹.

Несмотря на имеющиеся в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» процедуры оспаривания незаконных действий или бездействия должностных лиц службы судебных приставов, в том числе в судебном порядке, они не являются «панацеей». Преимущество прокурорского способа защиты состоит в том, что прокурор не является «заинтересованным» лицом, в подчинении которого находится судебный пристав-исполнитель, принявший незаконное решение или допустивший незаконное бездействие. В этой связи обжалование таких действий (бездействия) вышестоящим должностным лицам службы судебных приставов в порядке подчиненности не всегда приводит к принятию законного и правильного решения, а судебный способ защиты прав, как правило, отличается своей длительностью.

Надзор за исполнением законов при осуществлении сотрудниками органов принудительного исполнения своих функций в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ» осуществляют Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры. Именно прокурору предоставлено исключительное право беспристрастно и объективно в порядке надзора оценить законность действий сотрудников службы судебных приставов. В органах прокуратуры в соответствии с их полномочиями разрешаются заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов, общие требования к которым закреплены в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»².

Обращения граждан на незаконные действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей, которые не рассматривались в порядке

¹ Пенсионерам-должникам снизили размер взысканий до 10% пенсии. [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanspb.ru/news/02_06_2020_pensioneram_dolzhnikam_snizili_razmer_v.

² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-poryadke-rassmotreniya-obrashchenij-grazhdan-59-fz>.

подчиненности заместителем или начальником районного отдела судебных приставов, подлежат направлению им для рассмотрения и принятия решения. В случае непринятия мер руководством районной службы судебных приставов, такие жалобы подлежат разрешению прокурором района, на территории которого расположен отдел судебных приставов. Для пресечения фактов нарушений прокурору предоставлен широкий инструментарий, с помощью которого он защищает права граждан. Немаловажную роль в указанном перечне занимает представление прокурора об устранении нарушений закона, которое вносится должностному лицу, уполномоченному устранять нарушения.

По-прежнему основную массу нарушений в ходе совершения исполнительных действий допускают судебные приставы-исполнители структурных подразделений УФССП России по Санкт-Петербургу – отделов или отделений районного уровня, возглавляемые старшими судебными приставами (начальниками). Несмотря на имеющуюся у прокурора возможность принесения протеста на незаконное решение (постановление) службы судебных приставов районного звена, прокурорский протест в силу своей правовой природы не позволяет в полной мере добиться устранения нарушений закона, поскольку требует только отменить или изменить незаконное решение, а не устранить в полном объеме нарушения закона. Правом внесения представлений об устранении нарушений законов главным судебным приставам субъектов РФ в силу п. 19 Указания Генерального прокурора РФ от 12.05.2009 №155/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами» наделены лишь прокуроры субъектов РФ¹.

Проблемы совершенствования практики защиты социальных прав пенсионеров-должников

В настоящее время районные прокуроры при выявлении нарушений в действиях судебных приставов-исполнителей материалы проверок с проектами представлений направляют в прокуратуру Санкт-Петербурга. Синхронизировать вопрос одновременного направления районными прокурорами материалов проверок с проектами представлений не представляется возможным, поскольку проверки отделов судебных приставов

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами: указание Генерального прокурора РФ от 12.05.2009 №155/7 [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14273>.

проводятся не только на основании организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ и прокуратуры города, а также по обращениям граждан и организаций, сроки рассмотрения которых не могут быть одинаковы для всех прокуратур. Указанная процедура прокурорского реагирования приводит к затягиванию вопроса устранения нарушений, поскольку на практике прокурор города или его заместитель вносит обобщенное представление, используя проекты представлений, поступающих в разное время из районных прокуратур.

Кроме того, районный прокурор не может обеспечивать контроль устранения нарушений по его проектам представлений, так как в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ» данную задачу осуществляет прокурор, внесший представление – прокурор Санкт-Петербург или его заместитель. В первую очередь указанная процедура прокурорского реагирования связана с тем, как правильно отмечено М.В. Гадиятовой, что у старшего судебного пристава соответствующего структурного подразделения территориального органа ФССП России отсутствуют полномочия по привлечению к дисциплинарной ответственности подчиненных ему работников [4].

Думается, наделение прокуроров районного звена полномочиями самостоятельно вносить представления об устранении нарушений законов непосредственно начальнику районного отдела службы судебных приставов позволит не только оперативно реагировать на факты нарушений, но и обеспечить контроль за реальным их устранением.

Для привлечения к дисциплинарной ответственности виновных в выявленных нарушениях судебных приставов-исполнителей на основании представления районного прокурора начальник районного отдела может инициировать перед УФССП России по Санкт-Петербургу вопрос о проведении служебной проверки, по результатам которой виновные должностные лица районного отдела могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности.

Внесение соответствующих изменений (наделение начальников районных отделов правом привлекать судебных приставов-исполнителей к дисциплинарной ответственности) в Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения» также позволит упростить процедуру привлечения виновных лиц районного отдела судебных приставов к дисциплинарной ответственности.

Анализ сложившейся судебно-прокурорской практики в Санкт-Петербурге свидетельствует о многочисленных нарушениях при взыскании с пенсионеров долгов по исполнительным производствам, поскольку судебные приставы-исполнители в своей деятельности руководствуются исключительно положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве», в котором до настоящего времени четко не закреплена обязанность по выяснению имущественного положения гражданина, а также не урегулирован вопрос снижения процента взыскания при установлении факта ухудшения имущественного положения гражданина-должника.

Заключение

В заключение следует отметить давно назревшую необходимость закрепления в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» положений, обязывающих должностных лиц службы судебных приставов при совершении исполнительных действий в отношении пенсионеров самостоятельно выяснять их имущественное положение, и в случае если документально подтвержденный доход должника после обращения взыскания на него будет менее прожиточного уровня – взыскивать с пенсии не более 10 % от ее общей суммы, а в исключительных случаях – не более 20%.

Список литературы

1. Абаева Е.А. Свободное развитие человека как условие современного социального государства // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 323–333.
2. Акишин М.О. Функции государства и процесс модернизации // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3(25). С. 58–74.
3. Афанасьев В.С., Афанасьева Л.В. Некоторые проблемы теории социального государства // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2001. С. 56–60.
4. Гадиятова М.В. Проблемы оспаривания прокурором действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей в административном судопроизводстве. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osparivaniya-prokurorom-deystviy-bezdeystviya-sudebnyh-pristavov-ispolniteley-v-administrativnom-sudo-proizvodstve/viewer>.
5. Жичкина С.Е., Петров А.В. Личность, общество, государство и право в политико-правовой концепции Лоренца фон Штейна. М.: Дом Печати, 2013. 186 с.
6. Захарьян Д.А. Социальное государство: основные этапы развития и современное состояние // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3. С. 649–658.

7. Калашников С.В. Функциональная теория социального государства. М.: Экономика, 2002. 188 с.
8. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. Вып. 3. С. 69–79.
9. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 5–15.
10. Пискунов Д.С. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Закон и право. 2021. № 6. С. 58–61.
11. Торлопов В.А. Основные модели социального государства // Человек и труд. 1998. № 6. С. 4–8.
12. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. №12. С. 24–37.
13. Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды института государства и права РАН. 2016. № 5. С. 72–83.
14. Штейн Л. История социального движения во Франции с 1789 г. Т. I. Основное понятие общества и социальная история французской революции до 1830 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. [4], IV, СХХVI, 305 с.
15. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. – Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1990. VIII, 248 с.

References

1. Abaeva, E.A. (2017). Svobodnoe razvitie cheloveka kak uslovie sovremennogo social'nogo gosudarstva [Free human development as a condition of a modern social state]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta – Izvestia Saratov University*. Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. T. 17. Vyp. 3. pp. 323–333. (In Russian)
2. Akishin, M.O. (2011). Funkcii gosudarstva i process modernizacii [Functions of the state and modernization process]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3(25). pp. 58–74. (In Russian)
3. Afanas'ev, V.S., Afanas'eva, L.V. (2001). *Nekotorye problemy teorii social'nogo gosudarstva* [Some problems of the theory of a social state]. *Social'noe gosudarstvo: mirovoj opyt i realii Rossii* [Social state: world experience and realities of Russia]. Moscow. pp. 56–60. (In Russian)
4. Gadiyatova, M.V. (2017). *Problemy osparivaniya prokurorom dejstvij (bezdejstviya) sudebnyh pristavov-ispolnitelej v administrativnom sudoproizvodstve* [Problems of the prosecutor challenging the actions (inaction) of bailiffs in administrative proceedings]. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osparivaniya-prokurorom-deystviy-bezdeystviya-sudebnyh-pristavov-ispolnitelej-v-administrativnom-sudoproizvodstve/viewer>. (In Russian)
5. Zhichkina, S.E., Petrov, A.V. (2013). *Lichnost', obshchestvo, gosudarstvo i pravo v politiko-pravovoj koncepcii Lorenca fon SHtejna* [Personality, society, state and law in the political and legal concept of Lorenz von Stein]. Moscow: Dom Pechati. 186 p. (In Russian)
6. Zahar'yan, D.A. (2016). Social'noe gosudarstvo: osnovnye etapy razvitiya i sovremennoe sostoyanie [Social state: the main stages of development and the modern state]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya – Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. T. 16. No 3. pp. 649–658. (In Russian)

7. Kalashnikov, S.V. (2002). *Funkcional'naya teoriya social'nogo gosudarstva* [Functional theory of the social state]. Moscow: Ekonomika. 188 p. (In Russian)
8. Kochetkova, L.N. (2008). Teoriya social'nogo gosudarstva Lorenca fon SHtejna [The theory of the social state of Lorenz von Stein]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and society*. Vyp. 3. pp. 69–79. (In Russian)
9. Martyshin, O.V. (2011). Ideya social'nogo gosudarstva i ee protivniki [The idea of a social state and its opponents]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No 12. pp. 5–15. (In Russian)
10. Piskunov, D.S. (2021). Teoriya social'nogo gosudarstva Lorenca fon SHtejna [Theory of the social state of Lorenz von Stein]. *Zakon i pravo – Law and law*. No 6. pp. 58–61. (In Russian)
11. Torlopov, V.A. (1998). Osnovnye modeli social'nogo gosudarstva [Basic models of the social state]. *CHelovek i trud – Man and labor*. No 6. pp. 4–8. (In Russian)
12. CHirkin, V.E. (2008). Konstituciya i social'noe gosudarstvo: yuridicheskie i fakticheskie indicatory [Constitution and social state: legal and factual indicators]. *ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law*. No12. pp. 24–37. (In Russian)
13. CHirkin, V.E. (2016). Princip social'noj spravedlivosti v sravnitel'nom izmerenii [The principle of social justice in the comparative dimension]. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN – Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No 5. pp. 72–83. (In Russian)
14. SHtejn, L. (1872). *Istoriya social'nogo dvizheniya vo Francii s 1789 g. T. I. Osnovnoe ponyatie obshchestva i social'naya istoriya francuzskoj revolyucii do 1830 g.* [The history of the social movement in France from 1789 T. I. The main concept of society and the social history of the French revolution until 1830]. St. Petersburg: Tip. A.M. Kotomina. 305 p. (In Russian)
15. Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. – Princeton (N.J.): Princeton univ. press. 248 p.

Об авторе

Саманба Иван Леонидович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: procpush@yandex.ru

About the author

Ivan L. Samanba, post-graduate student, Pushkin Leningrad State University Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: procpush@yandex.ru

Поступила в редакцию: 07.11.2021

Received: 07 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021

Научный журнал

Ленинградский юридический журнал

№ 4 (66)

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Н. В. Чернышевой*

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1756

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10